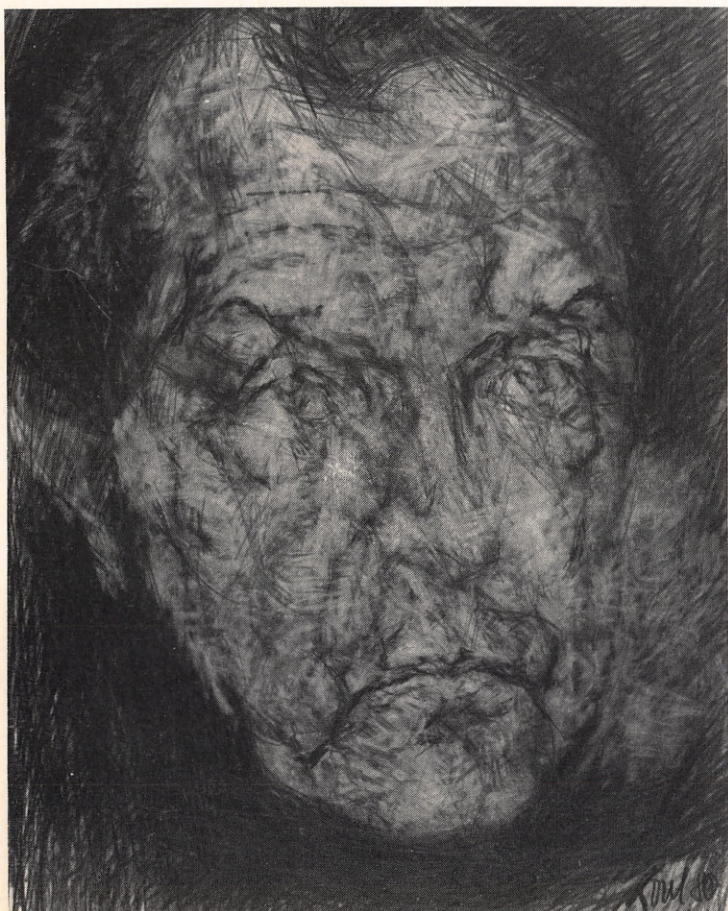

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

**МЫ И
ЗАПАД**

L'AGE D'HOMME

МЫ И ЗАПАД

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

МЫ И ЗАПАД

(Статьи, интервью, выступления 1979-1980 гг.)

L'AGE D'HOMME

World Copyright © 1981 by Editions l'Age d'Homme
10, Métropole 1003 Lausanne, Suisse

О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ *

Оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, – эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Своими пальцами оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор еще владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о черном провале в ходе истории, а о самом Сталине – как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их. Время эмоций на эту тему прошло. Настало время не только обличать злодейство, но подумать об его исторической сущности и истоках. Выросло это злодейство из темных душ кучки злоумышленников как некое отступление от благопристойных норм человеческой истории, или оно явило человечеству поучительный

* Октябрь 1979.

пример того, что на самом деле с необходимостью получается, когда самые светлые идеалы и мечты человечества воплощаются в жизнь, – вот в чем вопрос.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Еще в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключен из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущевского доклада моим тайным призванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своем роде. В хрущевские годы дело критики сталинизма взяли в свои руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл. И я обрел способность отнестись к нему спокойно, т.е. не с ненавистью, а с презрением.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 г.) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, западный читатель не поверил бы. И все-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие – это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь – это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. И иногда сами они глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин, был народным вождем, ибо у Ленина тех гнусных качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождем.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шел. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжелый труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у ее детей (она родила

одиннадцать детей!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой стал директором завода, третий стал полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения «плохо» и «хорошо». Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т.д. и т.д. Не играет роли проблема, могло бы или нет нечто подобное произойти в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И на самом деле во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и иллюзии играли тут роль. Но иллюзии не на счет марксистских сказок (в них верили мало), а насчет очень простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Для меня и многих моих сверстников отдельная койка с чистыми простынями и трехразовое регулярное питание казались пределом мечтаний. Хотя многие из нас не верили в марксистские сказки и понимали суть реального коммунизма, но и у нас были надежды на эту отдельную койку и сытный обед. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности надо учитывать не только ее субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьезная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был. Не забывайте, что в самих массовых репрессиях сталинских времен, в которых пострадали миллионы простых людей, принимали активное участие миллионы других простых людей, причем, одни и те же люди часто играли роль палачей и жертв. Эти репрессии тоже были проявлением самодеятельности широких масс населения. И теперь трудно выяснить, чья доля в них больше – доля высших злоумышленников во главе со Сталиным или доля этих широких якобы обманутых масс населения. Чтобы покончить с этой темой, выскажу еще одну еретическую мысль.

Жертвы сталинизма – это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, а именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей. Жертвы были адекватны породившей их эпохе. Ужас эпохи становления коммунизма состоит не столько в факте жертв, сколько в том, что получает преимущества, отбирается и выживает тип человека, готового пойти на жертвы и сделать своими жертвами других людей. Сталин был ярчайшим выразителем этой психологической революции. Мне кажется, что сталинские репрессии принесли Сталину больше божественного почитания, чем его неуклонная политика ежегодного копеечного снижения цен на продукты питания.

Сталин был преемником Ленина, а сталинизм – преемником ленинизма. Есть различные мнения о их взаимоотношениях. Одни говорят, что Сталин был верным учеником и продолжателем дела Ленина. Другие говорят, что Сталин был изменой делу Ленина. Думаю, что те и другие по-своему правы. Но тут есть иной разрез понимания, который более существен для оценки Сталина и сталинизма. Я различаю две струи в том потоке жизни, который пронесся в Советском Союзе в результате революции, а именно – струю конкретно-историческую и струю общесоциологическую. В первой из них люди влезали на броневики, размахивали маузерами, захватывали телефонные станции, ставили к стенке, носились с шашкой наголо и с криками «ура»... Это было на виду. В другой струе в это время тихо и незаметно зрело новое дитя – будущее коммунистическое общество. Оно зрело самым прозаическим образом: создавались бесчисленные конторы и должности, рос и дифференцировался аппарат власти, запуская свои щупальца во все клеточки общества, присваивались чины, распределялись жизненные блага... Когда лавина драматической истории унеслась в прошлое, и поднятая ею пыль осела, стало ясно, ради чего на самом деле произносились речи, сверкали клинки, гремели крики «ура». Реальное новое общество с его дотошной системой власти и управления уже родилось и выдвинуло на арену истории своих подлинных деятелей. Так вот Ленин и его гвардия представляли первую струю процесса, а Сталин со своими сообщниками – вторую. Почему-то говоря о Ленине, считают уместным слово «гвардия», а говоря о Сталине, употребляют слово «сообщники». С именем Ленина связан лишь предреволюционный период истории партии и период физического выживания страны с младенцем нового общества во чреве. С именем Сталина связано становление нового общества, превращение слабого зародыша в могучее зрелое существо. Могучее, подчеркиваю, не обязательно хорошее.

Крокодил, как известно, силен, но приятности в нем мало, если не считать того, что его шкура годится на дамские сумочки. Ленин есть предистория реального коммунизма. Реальная же, собственная история коммунизма начинается со Сталина. Именно этим, а не отрицательными личными качествами, объясняется победа Сталина и его сообщников (не гвардии, конечно) над Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими болтунами из ленинской гвардии (само собой разумеется). Дело тут не в уме одних (Сталин, говорят, был куда глупее Троцкого) и в глупости других (Троцкий, говорят, был куда умнее Сталина). Дело в стечении обстоятельств. Дело в том, какие социальные силы выходили на арену истории и захватывали инициативу в миллионах клеточек жизни гигантского общества. Сталинизм, а не ленинизм есть наиболее полное проявление сути коммунизма. Ленинизм есть лишь подготовка к сталинизму, есть лишь зародыш его, а еще точнее – лишь место, в котором зрел зародыш. И его постигла участь, какую он и заслужил исторически. Между прочим, мне недавно довелось перечитать некоторые сочинения упомянутых выше противников Сталина. Я не заметил абсолютно никаких интеллектуальных преимуществ их перед Сталиным. Я не хочу этим сказать, что Сталин был умнее. Я хочу этим сказать лишь то, что его противники не были умнее его.

Раз уж речь зашла об уме, самое время сказать несколько слов о Сталине как теоретике. Общеизвестно, что Сталин, якобы, вульгаризировал марксизм. Но поставьте такой вопрос: что нового внесли советские философы в марксизм после смерти Сталина, если отбросить их безудержное словоблудие и всяческие пустячки? Попробуйте беспристрастно ответить на этот вопрос, и у вас может быть зародится сомнение в уместности тут слова «вульгаризация». Конечно, тут имела место какая-то вульгаризация отдельных мыслей основоположников марксизма. Но только ли это? И вульгаризация ли это на самом деле? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники представляют собою вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать? Я не знаю, был ли Сталин сам автором приписываемых ему сочинений. Но одно я знаю определенно: сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора текстов

марксизма. Из последних для нужд великой идеологической революции, происходившей в стране, просто нельзя было выжать больше. А в качестве идеологических текстов, рассчитанных на миллионные массы населения с очень низким культурным уровнем, сталинские сочинения были наилучшими из всего того, что было написано в марксизме. Приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» на самом деле явилась вершиной марксизма как идеологии. Фактически до сих пор в Советском Союзе в основе всей идеологической работы так или иначе лежат результаты идеологической революции, осуществленной по крайней мере именем Сталина. Если хотите постичь самое глубинное содержание марксистского учения, прочитайте сочинения Сталина. Это нелепая иллюзия, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами, будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными явлениями его в качестве государственной идеологии коммунистического общества. Конечно, в сочинениях основателей марксизма есть кое-что, что может быть истолковано как явление высокой духовной культуры. Но это «кое-что» не есть специфический продукт марксизма. Это заимствовано у предшественников и современников, главным образом – в форме их погромов. Кстати сказать, погромы своим противникам, которые учиняли Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях, послужили своеобразной подготовкой для сталинских погромов в реальном коммунистическом обществе, победившем под идеологическим знаменем марксизма. Сталин был самым подлинным и верным марксистом. Когда ему отводят роль дьявола в сонме ангелов марксизма, то тем самым не очищают некий светлый марксизм от черных пятен сталинизма, а лишь стремятся спрятать подлинную суть марксизма, с поразительной полнотой и ясностью раскрытую Сталиным и его соратниками.

В сталинский период сложились все органы тела коммунизма и четко определились их функции, были выработаны все ритуалы и образцы поведения. После смерти Сталина произошли, конечно, некоторые изменения. Хрущев, например, ударился в несвойственную Сталину ужасающую болтливость и начал мотаться по белу свету. Но образ Сталина все равно довлел над его сознанием. Брежнев претендует на роль второго Ильича. По болтливости и по склонности к путешествиям он превзошел Хрущева, хотя по ораторским данным ему более подошел бы сталинский вариант. Но не требуется быть специалистом по психоанализу, чтобы заметить, что образ

Сталина смолоду овладел душой Брежнева. Конечно, Хрущев пошел на разоблачение ужасов сталинизма, а Брежнев не отваживается на массовые репрессии даже против диссидентов, неслыханных в сталинские времена. Но есть ли это их личные качества? Антисталинистские настроения появились в стране и в партии задолго до хрущевского доклада. Последний в большей мере был итогом предшествующей истории, чем началом новой. Он был вехой в новой истории, а не движущей причиной. Движущие причины остались скрытыми. О них не хотят говорить даже диссиденты. Брежневский же «либерализм» также не есть личная его черта. Это – прочное завоевание господствующих слоев советского общества, которые лишь после смерти Сталина (т.е. с окончанием сталинского периода) почувствовали себя в безопасности.

В Советском Союзе официально считается, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что теперь с этим покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. Ничего подобного! – вещают эти голоса. – Упомянутые нормы и теперь нарушаются! Эти голоса считают, что если в стране плохо, так значит нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и ее критика в данном случае лишены смысла. В настоящее время в стране плохо не вследствие нарушения норм партийно-государственной жизни, а вследствие их строжайшего соблюдения. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что из себя представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело обстоит не так, будто уже были некие нормы, когда пришел Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришел Сталин, никаких норм таких еще не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего еще не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы ставшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сейчас многие боятся поворота страны к сталинизму и связывают это с предстоящей реабилитацией Сталина. Страхи напрасны. Если реабилитация и произойдет, она будет половинчатой. Современные вожди коммунизма, как говорится, сами с усами, сами не прочь попасть в гении всех времен и народов. И им совсем ни к чему воскрешать конкурентов из страшного прошлого. А широкие массы населения сейчас уже лишены той власти над ближними, какую они обладали в сталинские времена. Эпоха буйного народовластия, к счастью,

кончилась. А без самостоятельности массы населения никакой сталинизм невозможен. Я не хочу этим сказать, что в Советском Союзе не будет происходить ухудшение жизни. Наоборот, такое ухудшение очень даже возможно. Но не всякое ухудшение есть возврат назад. Оно возможно и на пути неудержимого движения советского общества вперед к светлым идеалам коммунизма. Та мразь, в которую устремляется советский народ, будет новым творческим вкладом в славную историю коммунизма.

В характеристику личности входит всё, так или иначе связанное с нею. Слухи, сплетни, легенды. Даже анекдоты. Обратите внимание на такой факт: о Ленине сложилась целая серия анекдотов, в которой Ленин выглядит комически. Анекдотов о Сталине было много. Но в них он никогда не выглядит смешным. Сталин – фигура, для насмешек почему-то неподходящая. Хрущев комичен. Брежнев комичен. А Сталин – нет. Вроде бы и бояться его теперь нечего: смейся, сколько хочешь! А не получается. Ходит слух, будто Сталина убили. Я в этот слух не верю. Скорее всего Сталин умер, а его соратники просто боялись войти к нему мертвому. Они были жалкими трусливыми ничтожествами и негодьями. А сам он был среди них негодяем и ничтожеством выдающимся. Но он стремился построить коммунистический рай на земле и сделать всех людей подходящими для этого. А если из его замыслов выросла ужасающе-мрачная мерзость, так это – шуточки неподконтрольной истории, а не продукт преднамеренного умысла негодяя. Негодяйство вполне уживается со светлыми идеалами. Если последние хорошо оплачиваются, они даже светлее становятся. Сталин и его приспешники (не гвардия, конечно!) был негодьями, но негодяйство их было особого рода: оно есть социальное негодяйство. Оно прет само изо всех пор советского общества. Оно производится самим нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. Короче говоря, Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему свое имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодежь еще будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами. Но нынешние руководители страны и господствующие классы вряд ли допустят появление нового Сталина – новую угрозу их благополучию и безопасности.

ВОСТОК И ЗАПАД *

Словом «Запад» называют демократические страны Западной Европы и Америки, а также другие страны мира, которые подобны им в социальном отношении и склонны к этим образцам. Словом «Восток» называют социалистические (коммунистические) страны и те страны, которые следуют их примеру. В таком смысле я и буду употреблять здесь эти слова.

Взаимоотношения Востока и Запада можно рассматривать с различных точек зрения. Я рассматриваю их с социологической точки зрения. Такой подход имеет ряд преимуществ. Он избавляет от необходимости принимать во внимание бесчисленное множество событий на планете и позволяет ограничить сферу размышлений более узкими рамками, например – отношениями советского блока и стран Западной Европы. Сущность отношений Востока и Запада можно обнаружить и в этих рамках, причем – даже легче и яснее, чем в более сложной ситуации мира в целом. Этот подход, далее, ориентирует внимание на самые глубокие отношения Востока и Запада, сохраняющие силу при всех изменениях политической ситуации в мире.

Я рассматриваю проблему Востока и Запада как человек, проживший большую часть жизни на Востоке. Это не значит, что моя позиция тенденциозна. Это означает лишь то, что я имел возможность изучать Восток изнутри, чего не могу сказать в отношении Запада. Я видел Запад лишь в той мере, в какой он был виден со стороны его отношений с Востоком. Такая позиция имеет то достоинство, что не оставляет никаких иллюзий насчет смысла действий и намерений Востока.

* 13 декабря 1979. Доклад в «Доме Америки» в Мюнхене.

А на Западе такие иллюзии есть. Причем, эти иллюзии обусловлены, как мне кажется, не только непониманием Востока, но и желанием их иметь. Люди порой заблуждаются добровольно и с охотой.

Если мы хотим понять сущность отношений между Востоком и Западом, мы должны обратить внимание на явления очевидные и общеизвестные, а не стремиться к разоблачению тайной и закулисной жизни партнеров этих отношений. Всё, что требуется для понимания этих отношений, лежит на поверхности и имеется в изобилии. Конечно, при том условии, что есть голова на плечах и есть желание использовать ее в интересах истины. А секретные и сенсационные данные ничего не прибавляют к тому пониманию проблемы, которое возможно и без них. Они даже мешают пониманию, отвлекая внимание на второстепенные явления и затуманивая разум эмоциями. Замечу кстати, что так называемая кремлинология есть характерный пример такого рода. Отношение Советского Союза к Западу не зависит от того, какими болезнями болеют советские руководители, с кем дружат и с кем ссорятся, кого уберут из руководства и кого возвысят, кто будет преемником Брежнева.

Как Восток, так и Запад социально не однородны. В странах Востока имеются демократические тенденции, а в странах Запада – коммунистические. Но какая разница! Для коммунистических тенденций возможности на Западе колоссальные, а для демократических тенденций на Востоке – ничтожные. Коммунистические тенденции на Западе ослабляют Запад, достигают порой размеров, угрожающих самим социальным основам его. Демократические тенденции в странах Востока никогда не достигают размеров, угрожающих существованию социального строя, и в конечном счете способствуют укреплению этого строя. Восток, конечно, поддерживает антизападнические тенденции на Западе, а Запад поддерживает антивосточнические тенденции на Востоке. Но разница в масштабах и последствиях и тут общеизвестна.

Возьмем, далее, взаимное проникновение и взаимное влияние. На Востоке растет стремление сотен тысяч граждан к эмиграции на Запад, а число граждан Запада, желающих эмигрировать на Восток, можно пересчитать на пальцах. Огромная армия шпионов Востока прекрасно себя чувствует на Западе и делает свое дело почти безнаказанно. И им тут есть что делать, есть что воровать, в особенности – в науке, технике, промышленности. Шпионская деятельность Запада на Востоке достойна насмешки. Восток изо всех своих действий, касающихся Запада, извлекает выгоду и заставляет Запад

так или иначе помогать ему. Возьмите такой свежий пример, как отвод части советских войск из Восточной Германии. Общий смысл этой акции заранее ясен: это – всё, что угодно, только не доброта. Советское руководство ничего не делает без темных намерений. В этом случае оно одним выстрелом убивает несколько зайцев: изображает миролюбие, влияет на общественное мнение Запада с целью помешать укреплению его обороны, осуществляет очередную демобилизацию, может использовать танки в других местах, например – в Афганистане. А Запад на эту акцию реагирует так, будто он окончил Университет Марксизма-Ленинизма в Москве с высшим баллом, т.е. так, как это и нужно Советскому Союзу. Запад же совершенно не способен аналогичным образом использовать свои действия. Почему? Да потому, что в социальной структуре стран Востока нет независимых людей, которые могли бы разоблачать действия своих властей и сдерживать их; а в социальной структуре Запада есть люди, которые этим занимаются систематически, безнаказанно и успешно. На Востоке нет таких социальных слоев, влияя на которые, Запад мог бы оказывать давление на Восток. А на Западе есть такие социальные слои, которые вольно или невольно становятся помощниками Востока в давлении на свои власти. С точки зрения внутренней жизни западных стран это, конечно, есть благо. Но это есть благо и для Востока.

Лозунг общения на взаимовыгодных и равноправных условиях стал аксиомой как с той, так и с другой стороны. Но как реализовать этот лозунг, если различные системы имеют различные критерии измерения и различные представления о выгоде?! Для умирающего с голоду человека кусок хлеба дороже куска золота такого же объема. Запад в торговле с Советским Союзом руководствуется экономическими критериями, а его партнер – политическими или даже военными. Запад продает Советскому Союзу компьютеры, приборы, тонкое техническое оборудование, в общем – предметы, которые он (СССР) сам не способен производить или способен, но хуже и лишь с огромными затратами. По экономическим законам Советский Союз за это платит цену нормальную, а с точки зрения его потребностей – ничтожную. А на что идет это всё? Главным образом – на укрепление армии, призванной по идее разгромить тот же Запад. Вследствие отсутствия единства в противостоянии Востоку Запад не в силах избежать этого: стоит одним фирмам Запада или одним странам отказаться от такой «взаимовыгодной» торговли, как немедленно свои услуги предлагают другие фирмы и страны. Советский Союз предстает перед Западом, однако,

как единое целое. Я не буду дольше останавливаться на этом аспекте взаимоотношений Запада и Востока. Думаю, что если бы подсчитать последствия этих «взаимовыгодных» отношений, результат получился бы не в пользу Запада. Если Запад со временем будет разгромлен Востоком, то винить в этом он должен будет в первую очередь самого себя.

Между странами Запада нет полного единства. Здесь постоянно возникают разногласия и конфликты. Разногласия и конфликты возникают и между странами Востока. И та и другая сторона использует это в своих интересах. И опять-таки с различным успехом и последствиями. Запад возлагает большие надежды на конфликты между странами Востока, особенно – между Советским Союзом и Китаем. Запад помогает Китаю поднять свою экономику и армию, чтобы создать мощную угрозу Советскому Союзу. Запад рассчитывает на то, что эта угроза будет сдерживать экспансию Советского Союза на Запад. Конечно, когда-нибудь конфликты между странами Востока будут играть решающую роль в мире. Но пока существует Запад, пока Запад еще достаточно силен, эти конфликты есть дело второстепенное. Существуют факторы более сильные, чем эти конфликты, которые связаны с общими целями Востока в отношении Запада. Вопрос об этих общих целях является ключевым ко всей нашей проблеме.

Не всякая социальная система, страна или группа стран обладает способностью порождать цель как особую организующую форму поведения и следовать ей достаточно долго. Коммунистическая социальная система не только способна к целевому поведению, она не способна существовать длительное время без него. Если коммунистическая система теряет цель, она приходит в состояние растерянности. Если это продолжается достаточно долго, система начинает деградировать и может даже распасться. Цель здесь не есть нечто субъективно произвольное. Цель здесь есть объективный элемент организации общества. Критики коммунизма обычно посмеиваются над идеологическим коммунизмом как над целью общества. Но если рассматривать идеологический коммунизм не как научное предсказание, а как идеологическую организующую силу общества, ничего комического в нем не остается. Тогда обнаруживается лишь его грозное историческое назначение.

По этой причине Восток способен иметь устойчивые единые цели в масштабах целых стран и больших объединений социально однотипных стран. Запад к этому не способен. Здесь возможны лишь отдельные кратковременные и локальные целевые вспышки. Но цель, объединяющая все слои

населения и все страны Запада, исключена самим социальным строем этих стран. Здесь отдельные слои населения и страны могут обрести цель в борьбе против других слоев и стран, т.е. как нечто разъединяющее, а не объединяющее Запад.

Какова конкретно общая цель Востока в отношении Запада? Чтобы получить убедительный ответ на этот вопрос, надо исходить из объективных социальных законов коммунистической системы. Среди этих законов отмечу следующие. Коммунистическая система имеет тенденцию к распространению вовне. Нет никаких внутренних сил, которые сдерживают эту тенденцию, кроме физической способности страны. Остановить это нашествие может в конечном счете лишь внешнее сопротивление. Эта система, далее, стремится сделать всё свое окружение социально однородным и подобным себе. Она, наконец, нуждается во внешнем враге как организующей идеологической форме внутренней жизни. Запад самой историей предназначен сыграть роль врага номер один для Востока и сферы желанного распространения. Запад развил у себя высокий жизненный уровень, практически недостижимый для стран Востока. На Западе процветают демократические свободы, принципиально недопустимые в странах Востока. Запад стал источником соблазнов и материалов для раздражающих сравнений для огромной части человечества. Чтобы выглядеть вершиной человеческой истории, Восток должен уничтожить всё, что разоблачает несостоятельность его претензии. Запад сам приложил огромные усилия к тому, чтобы привить человечеству идеологию несправедливости распределения богатств в мире. Это – идея самого Запада, будто низкий жизненный уровень в значительной части мира есть следствие эксплуатации ее Западом. Запад помог и продолжает помогать многим народам мира подняться до такого уровня, когда появляется желание иметь то же, что имеет Запад, но без тех усилий, благодаря которым выросла западная цивилизация. Всякий, кто знаком с азами социальной психологии масс, должен понять, почему ненависть к Западу овладевает душами многих миллионов людей и становится более мощной силой в истории, чем силы материальные. Независимо от воли и желания отдельных лиц и политических деятелей стран Востока, низведение Запада до уровня Востока, овладение им для себя или уничтожение становится главной и всеобъемлющей целью Востока.

Эта цель не остается лишь в области духа и эмоций. Она воплощается в сложнейшую систему лиц и учреждений, которая из года в год, из поколения в поколение совершает свою будничную работу для ее достижения. Вся жизнь об-

щества опутывается определённой системой правил поведения, нарушить которые не в силах никто. Гигантское общество, покотившись однажды в этом направлении, продолжает свое ускоренное движение и не имеет в себе самом приспособлений, чтобы остановиться. Остановить его движение могут лишь какие-то внешние препятствия. Люди, работающие в системе власти стран Востока, и рядовые граждане лично, как правило, не являются фанатиками, ненавидящими Запад. Многие из них не любят коммунизм и симпатизируют Западу. У них нет личного психологического отношения к Западу. Они живут и действуют в системе своего общества. Но они вынуждены действовать так, что суммарный продукт объективно выступает как стремление ликвидировать все преимущества западного образа жизни. Этому стремлению придается вид борьбы против язв западного образа жизни, которые существуют на самом деле.

Надо признать, что борьба Востока против Запада идет весьма успешно. Но не надо думать, будто в системе власти Востока есть некие комитеты выдающихся умов, которые решают политические задачи наилучшим образом и переигрывают западных политиков на чисто интеллектуальном уровне. История не есть игра, подобная шахматам. И побеждает в ней далеко не всегда самый умный. В данном случае успехи Востока определяются преимуществами его исторической позиции и системы власти, которая непосредственно управляет поведением Востока в отношении Запада.

С точки зрения исторической позиции Запад находится в положении защитника ценностей цивилизации, которые были достигнуты ценой невероятных усилий и держатся на всякого рода подпорках вроде дисциплины труда, качества продуктов деятельности, экономического расчета, правовых норм, прессы и т.д. Цивилизация вообще есть усилие, есть карабканье вверх, есть движение против течения человеческой стихии. Восток же в данной исторической ситуации находится в положении защитника противоположной тенденции, а именно – движения человеческой стихии по линии наименьшего сопротивления, движения по течению, падения вниз. Что может обещать Запад миллионам людей, лишенным материальных благ или имеющим их не в той мере, как хотелось бы? Только реальные средства цивилизации: труд физический и интеллектуальный, причем – из поколения в поколение. А что обещает Восток? Разрушьте источник всех ваших зол – западную цивилизацию, и вы будете иметь всё! Что соблазнительнее для народных масс? Это очевидно. И заметьте, борьба Востока и Запада за души людей идет главным образом на

территории Запада и лишь в ничтожной мере на территории Востока. Восток естественным образом располагает всеми средствами воздействия на широкие массы населения. Он ведет мирную борьбу, но по законам войны, т.е. по принципу «на войне все средства хороши». Попытки Запада пойти тем же путем создают угрозу западному образу жизни и пресекаются самими его представителями и защитниками.

Система власти, управляющая поведением Востока по отношению к Западу, делает свое дело в соответствии с установками, которые являются совершенно естественными, раз имеется цель ослабить Запад, нанести ему как можно больший ущерб и в конце концов разрушить. Поставьте себя на место этой власти и спросите себя, что бы вы стали делать в отношении своего врага номер один? Совершенно верно, использовать его всячески, чтобы укрепить свою промышленность, особенно – военную. Всеми правдами и неправдами проникать на Запад, создавать мощную шпионскую сеть и пятую колонну, вообще создавать среду из своих людей, которая вольно или невольно будет помогать вам хотя бы фактом своего существования. Подрывать единство и устойчивость Запада в самых различных аспектах. Мутить воду, путать, стравливать. Поощрять всякого рода движения, – коммунистические, левые, национальные, молодежные. Сделать Запад рыхлым, растерянным, неспособным к единению, готовым в случае войны быстро капитулировать. Работа в духе этих установок не есть отдельная акция или кратковременная кампания. Она есть повседневный образ жизни многих миллионов людей с первых дней существования коммунистических стран. Подчеркиваю, эта работа не требует особого ума и героических усилий. Она требует лишь педантичного исполнения рутинных обязанностей огромным числом посредственных существ, включенных в гигантскую социальную систему.

Добавлю к сказанному еще одно преимущество Востока перед Западом, которое может сыграть роковую роль: социальный строй Востока производит людей, способных пойти на любые жертвы и способных сделать своими жертвами других. Советский Союз, например, может тратить гигантские средства на вооружение и на свою беспрецедентную международную активность, сохраняя необычайно низкий жизненный уровень населения. И последнее безропотно переносит это. Для западных стран нечто подобное немыслимо. Система власти и принятия решений на Востоке организована так, что власть не остановится ни перед какой перспективой потерь внутри страны и ущерба для других стран, если она сочтет это

целесообразным для своего самосохранения и самоутверждения. Восток готов потерять многое сам и причинить любой ущерб Западу вплоть до полного уничтожения. Запад боится потерять даже малость и тем более нанести Востоку значительный ущерб. Запад связан своей социальной рефлексией и хронически больной совестью. Восток не связан ничем, кроме внешней силы. Совесть его чиста, ибо она отсутствует вообще как социально значимое явление.

Что может противопоставить Запад этой неумолимой лавине истории, – обсуждение этого вопроса выходит за рамки этой заметки. В двух словах по этому поводу могу сказать лишь следующее. Запад имеет свои преимущества перед Востоком, например – не вызывающая уже сомнений способность к техническому прогрессу и рационализации всего процесса жизни. И усиление этих преимуществ есть могучее оружие Запада в противостоянии Востоку. Но все же эти преимущества – ничто, если Запад не будет строго придерживаться такого условия: не строить никаких иллюзий насчет намерений и возможностей Востока в отношении Запада и не помогать Востоку копать могилу Западу.

ОБ ЯИЧНОЙ СКОРЛУПЕ * И ОБРЕЧЕННОСТИ ЗАПАДА

Мы – это советские люди, а Запад – это то место, куда нас выбрасывают время от времени, чтобы оздоровить обстановку у нас дома.

Запад, как известно, обречен. Эту идею обреченности Запада изобрели не у нас, а на самом Западе. Изобрели давно. И уверовали в нее до такой степени, что без нее уже и жить не могут. Тут своей обреченностью даже гордятся, подобно тому, как мы, советские люди, гордимся свинскими условиями своего существования. Сходство в самом деле поразительное. Соберутся, к примеру, советские люди в грязной и вонючей забегаловке или в тесной квартирке, напьются тошнотворной водки, закусят какой-нибудь невообразимой для западного человека ерундой, посмотрят друг на друга с полным взаимопониманием и скажут с этаким подленьким смешком: «А и живем же мы, братцы, хуже свиней!». И гордое самодовольство за свое свинство засветится в их глазах. То же самое здесь, на Западе. Соберутся западные обыватели в ресторане или на квартире, какие советскому обывателю даже во сне не снятся, наедятся такой еды и напьются таких вин, о существовании которых советский человек даже не подозревает, посмотрят друг на друга с полным взаимопониманием и скажут с такой снисходительной усмешкой: «Что поделаешь, господа, Запад обречен!». И гордое самодовольство за свою обреченность засветится в их глазах.

Лично у меня вера в обреченность Запада зародилась совершенно независимо от подобных умонастроений на Западе. Зародилась еще когда я жил в Советском Союзе. Зародилась при таких обстоятельствах. Наш знакомый, незадолго до этого

* Декабрь 1979. Новогодняя шутка.

побывавший на Западе, показал нам какую-то хитроумную штуковину, привезенную оттуда, и спросил, что это такое. Мы долго ломали голову, высказывали всяческие предположения, но догадаться не могли. «Это – приспособление для прокалывания яичной скорлупы!» – с ликующим торжеством в голосе заявил наш знакомый. Услышав это, мы впали в состояние, в какое, надо полагать, впали наши деды, услышав о существовании туалетной бумаги. Мы окаменели от изумления. «Вот, сволочи, до чего додумались!» – прошептал кто-то из присутствовавших. Если общество, – подумал я, – начинает тратить интеллект и материальные средства на специальные штуковины для прокалывания яичной скорлупы вместо того, чтобы употребить их на танки, самолеты и ракеты, оно обречено. Нашлись в нашей компании и оптимисты, которые истолковали этот феномен «прокалывания яичной скорлупы» как признак катастрофического для Советского Союза отставания его от Запада, – в среде советской интеллигенции возродилась старая российская интеллигентская традиция наслаждаться отсталостью своей собственной страны.

Оказавшись на Западе, я на каждом шагу стал сталкиваться с этим феноменом «прокалывания яичной скорлупы». Я не переставал удивляться ему, все более укрепляясь в мысли насчет обреченности Запада. И вот наступил критический момент. Я собрался идти за новогодней елкой. «Надеюсь, – сказал я жене, – в этом деле тут никаких штук они не изобрели. Если и тут они что-то придумали, ставлю на Западе крест». Подойдя к елочному базару, я увидел прекрасные елки, какие в Москве видел только на картинках, и... блестящую штуковину (!), похожую на аэродинамическую трубу или на турбореактивный двигатель. «Что это такое?» – полюбопытствовал я с надеждой на то, что зародившаяся во мне тревога напрасна. «Это, – пояснили мне, – есть приспособление для упаковки елок». Я взял первую подвернувшуюся елку. Мне предложили воспользоваться упаковочным приспособлением, но я отказался. Мне стало очень грустно. «Знаешь, Запад не для советского человека, – сказал я жене и протянул ей квитанцию за елку. – На, спрячь это!». «Зачем?» – удивилась жена. «А кто ее знает, – сказал я. – Может быть пригодится. Может, потом сможем убедить налогового инспектора в том, что это была трата, связанная с моей профессиональной деятельностью».

Запад поражает советского человека не только «феноменом яичной скорлупы», но и феноменом необычайной наивности в отношении Советского Союза и советского человека. Вспоминается мне одна из многочисленных встреч с читателями.

Собравшиеся все были люди образованные. Были студенты, аспиранты, инженеры, профессора. Как советский человек..., – начал я отвечать на один из вопросов. Как бывший советский человек, – поправил меня один из присутствовавших. Бывших советских людей не бывает, – сказал я. – Советский человек остается таковым, если даже он добровольно эмигрирует, насильно изгоняется из страны, занимается антисоветской деятельностью. Это – риторический парадокс, – сказал мой собеседник. Ах, если бы это было так, – вздохнул я. – То, что западным людям кажется чисто вербальными парадоксами, для нас, для советских людей, с детства постигающих азы марксизма, является привычным образом мышления.

Один из моих читателей (между прочим, профессор) сказал в ту встречу следующее. В основном, – сказал он, – я согласен с Вашей критикой советского общества. Но много Вы преувеличили. Например то, что Вы написали об очередях, явно есть литературный гротеск. Здорово Вы это придумали, ха-ха-ха! Но это же все неправда! Зачем же человек будет стоять в очереди час или два, если можно придти через этот час или два и без очереди взять то, что нужно. Логично? Присутствовавшие во время беседы мои бывшие соотечественники смеялись до слез. Другой читатель тогда сказал по поводу возможного прихода советских войск в Западную Европу следующее. Советские люди обмануты пропагандой и не имеют правильного представления о жизни на Западе. Пусть советские солдаты приходят к нам. Они увидят, какой тут высокий уровень жизни и какие свободы есть для всех людей, поймут, что их обманывали, вернуться домой и перестроят свою жизнь по западным образцам. Кое-кто из присутствовавших аплодировал этому заявлению. Тут уж было не до смеха. Мои бывшие соотечественники крутили пальцем у виска и мрачно помалкивали. А что мог сказать я на это? Что советские люди имеют представление о жизни на Западе? Что они даже несколько идеализируют Запад? Что они не смотря на это не сменяют свой образ жизни на западный? Что если они и придут сюда, то для того, чтобы навязать Западу свой образ жизни, заставить и людей на Западе жить так же по-свински, как живут они сами? Что орды Чингис-хана в свое время пришли в Европу вовсе не для того, чтобы научиться уму-разуму, а для того, чтобы навязать свое иго европейским народам? Но западного человека такими аргументами не проймешь. И я стал склоняться к тому, что эта непробиваемость есть скорее результат феномена толстого бифштекса, а не наивности. Что это такое? Если советский человек ест тухлую картошку, а западный кушает толстый

бифштекс из свежего мяса, то и чувствует он себя по отношению к советскому человеку как существо более высокого уровня во всех отношениях. Способность же советских людей довольствоваться нищенским уровнем жизни он воспринимает как признак некоей отсталости и недоразвитости.

А жить советскому человеку на Западе действительно трудно по многим причинам. Назову две из них для примера. Первый пример касается бумажно-правового аспекта жизни. В Советском Союзе я жил с этой точки зрения почти что беззаботно. На работе где-то трудовая книжка, которую я фактически увидел лишь после увольнения. Дома – паспорт. И всё. На Западе же я за один год оброс огромным количеством бумаг, которые надо хранить, на которые надо реагировать. С моей ненавистью ко всякого рода формальностям это довольно мучительно. А здесь без этого нельзя, ибо западное общество правовое. И привыкать к этому надо с детства. Однажды я получил толстый пакет с официальными бумагами. Начал читать – ничего не понимаю. Вооружился словарями – не помогает. Оказывается, помимо литературного языка здесь существует служебный, который сами местные жители понимают с трудом или совсем не понимают, – им это можно, ибо они практически приучены делать всё правильно и без чтения бумаг. Обратился я к знакомым из местных жителей и с их помощью понял одно: мне нужно за что-то уплатить некоторую сумму денег. Уплатил. И написал им, что я лучше буду платить вдвойне, только чтобы они не присылали таких длинных бумаг. После этого я стал каждую неделю получать пакеты бумаг, утолщающиеся с каждым разом. Читать я их не читаю. Складываю в мешок (выбрасывать боюсь, вдруг понадобятся!). И действую по советскому принципу: если Им что-то от меня нужно, сами придут. А вообще – авось обойдется!

Другой пример касается проблемы выбора. Тут приходится постоянно выбирать из многого и проявлять активность, к чему советский человек непривычен. С этим связан целый комплекс переживаний, которые весьма болезненны, в особенности – чувство ответственности и раскаяния. Зашел я, например, в магазин. Увидел очень понравившуюся мне рубашку. И тут же купил ее. Как советский человек я привык хватать удачно подвернувшуюся вещь, боясь, что такой случай может больше не представиться. Купил рубашку, иду домой, радуюсь удачной покупке. Через сто метров вижу в витрине другого магазина такую же рубашку, но несколько дешевле. Настроение несколько упало. Через пару дней я увидел такую же рубашку в два раза дешевле. И выругался по сему поводу. А через пару

недель на распродаже, какие тут обычное дело, я увидел те же рубашки по цене чуть ли не в десять раз меньше, чем я заплатил. Теперь я эту рубашку видеть не могу. И висит она в шкафу как символ моей неприспособленности к западной жизни.

А в рестораны я панически боюсь заходить. Зайдешь – тебе подадут меню с сотнями названий, которые я ранее слыхом не слыхал. Однажды я был голоден и решил съесть что-либо поосновательнее. Выбрал что-то подороже, разумеется. А мне принесли какую-то несъедобную муть размером с ноготь. Да еще расхваливали вовсю, вроде бы на этот раз у них очень удачно эта муть получилась. В другой раз захотел слегка перекусить. Заказал что-то подешевле. И принесли мне всякой всячины такого размера, что хватило бы по крайней мере на трех советских солдат. С тех пор я освоил одно лишь блюдо – венский шницель. И питаюсь им в ресторанах Парижа, Женевы, Стокгольма, Лондона и других городов. И с завистью смотрю на западных людей, которые знают, что выбрать, а главное – знают, что именно они едят.

И вообще, положение человека в жизни и общая ситуация в стране на Западе в гораздо большей мере зависят от активности отдельных людей, чем в Советском Союзе. Советский человек самим строем жизни освобожден от массы забот и ответственности, какими наполнена жизнь западного человека. И с этой точки зрения жизнь в Советском Союзе много легче. Правда, за это советские люди платят большую цену, а именно – обрекаются жить на нищенском (сравнительно с Западом) уровне и лишаются многих степеней свободы. Честно признаюсь, и у меня иногда мелькает мысль о том, что и я согласился бы жить чуточку похуже в бытовом смысле и в смысле свобод, но чтобы чуточку беззаботнее. Так что я понимаю психологическую тягу многих людей на Западе к социалистическому образу жизни несмотря на всяческие разоблачения его недостатков. Они питают надежды на то что они смогут обмануть законы природы, а именно – смогут жить беззаботно, как советские люди, но на бытовом уровне Запада и с сохранением западных свобод. Но свободами они, пожалуй, готовы поступиться. Однажды я ехал из Италии через Австрию в Германию. Разговаривал с соседом по купе об этом удивительном для советского человека факте – свободном путешествии по разным странам. Сосед был французский коммунист. Обратите внимание, сколько тут фигурирует стран! Сосед уверял меня, что коммунизм в Западной Европе будет совсем не такой, как в Советском Союзе. И из Парижа в Лондон тут люди будут ездить так же свободно, как в Совет-

ском Союзе из Тамбова в Рязань. Я сказал, что возможно так оно и будет. Но при этом Париж и Лондон будут низведены до статуса Тамбова и Рязани, и поездки из одного в другой потеряют смысл. Мой собеседник сказал на это: не велика потеря! Я неоднократно имел возможность убедиться в том, что всякого рода свободы на Западе не есть необходимый элемент их бытового благополучия. Недавно в Швейцарии один мой читатель жаловался на то, что у западных людей ослабло чувство ответственности за ценности западной цивилизации. В качестве примера он сослался на то, что очень крупный чин в обороне Швейцарии стал советским шпионом исключительно из-за личной обиды (его в свое время обошли чином или должностью). Я еще со школьных лет знал о доминировании частных интересов в странах Запада. Но то, что это примет форму потери чувства ответственности у западных людей за ценности и судьбы самой западной цивилизации, я ощутил только оказавшись здесь. И вижу в этом главную слабость Запада в его противостоянии советскому блоку и коммунизму вообще. Среди многих десятков разговоров на эту тему у меня не было ни одного такого, чтобы мои западные собеседники говорили о том, как они будут бороться против нашествия с Востока, какие меры считают необходимыми для сопротивления. Все они говорили лишь об одном – о шансах для Запада уцелеть или хоть что-то сохранить от своих ценностей. Лишь советские эмигранты выражают тревогу, да и то не столько за западную цивилизацию, сколько за самих себя: куда эмигрировать, если... Но об этом «если» лучше не думать. Кое-кто шутя говорит, что тогда придется эмигрировать в Советский Союз.

Хочу еще сказать несколько слов об общении с людьми и времяпровождении. Советские эмигранты обычно жалуются, что на Западе все и все время чем-то заняты, так что не с кем поболтать по душам. Это, конечно, верно. Подавляющее большинство людей на Западе, включая капиталистов, проституток, гангстеров и чиновников, зарабатывают хлеб насущный и более высокий жизненный уровень тяжким трудом. Тут все заняты делом. Тут всё расписано по часам, в том числе – отдых, развлечения и встречи с друзьями. Здесь такое привычное советскому человеку времяпровождение, когда люди встречаются просто так и часами, без спешки говорят о том, о сем, есть роскошь. Это еще можно увидеть в среде студенческой молодежи или в провинции. Многие мои читатели здесь поэтому воспринимают описание бесчисленных и бесконечных бесед моих персонажей не как реальный образ жизни, а как литературный прием высказать теоретические идеи.

Западным людям просто некогда обдумывать социальные проблемы всесторонне, обсуждать их с другими людьми без особой спешки и предвзятости. Отсюда – много необдуманного в их социальном поведении, много предрассудков, предвзятости, склонности к кратковременным увлечениям. Советским людям хватает времени обо всем подумать, всё обговорить, всё неспеша обсудить с коллегами, соседями, знакомыми. Но это не имеет никаких практических последствий, почти совсем не отражается на положении и поведении людей. Такое времяпровождение имеет цель в себе самом и имеет результатом самое себя. Оно здесь есть образ жизни. Потому тоска советских эмигрантов по возможности с кем-то бескорыстно побродить и поболтать есть тоска по этому важнейшему элементу советского образа жизни – по коллективному мышлению и сопереживанию.

На Западе чуть ли не каждый советский человек воспринимается как жертва советского режима, подобно тому, как раньше жители Запада воспринимались в Советском Союзе как жертвы капитала. И меня организаторы моих встреч с читателями и авторы статей по моему поводу настойчиво представляют как жертву коммунизма. Я категорически возражаю против этого. Это вызывает удивление. Быть жертвой советского режима – это так удобно здесь на Западе. А тут человек сам отказывается от такого преимущества. С точки зрения западных людей это очень непрактично. Я мог бы моим недоумевающим слушателям сказать, что именно моя непрактичность была самым сильным моим защитным средством в советском обществе. Но я по их лицам вижу, что это может внести еще большее смятение в их сознание. И я говорю им такие простые, как мне кажется, слова. Я не есть жертва советского режима. Скорее наоборот: этот режим сам есть моя жертва, ему от меня досталось больше, чем мне от него. К тому же не будь этого режима, я не смог бы написать свои книги и благодаря этому избавиться от него. Мои слушатели безуспешно селятся понять смысл последнего парадокса. А я, глядя на их оторопевшие лица, ощущаю преимущество диалектически мыслящего советского человека перед метафизически мыслящим человеком Запада. Для нас, советских людей, никаких проблем вообще нет, ибо мы находим решения наших проблем задолго до того, как сами осознаем их. Этот своеобразный упреждающий элемент нашего способа мышления несколько портит нашу жизнь здесь на Западе. В частности, мы с тоской думаем о том, что всё это западное изобилие и благополучие немедленно исчезнут после того, как советизм (если не сами советские люди) завоюет Запад.

А Запад делает всё для того, чтобы советизм не смог его не завоевать. И опять-таки поди растолкуй западным обывателям, почему мы, советские люди, в глубине души не хотим, чтобы и на Западе установился такой же строй жизни, как у нас...

В одной западной стране, в которой до сих пор сохранилась королевская власть, произошел такой кошмарный случай. Невдалеке от королевского дворца есть озеро, в котором живут королевские утки. Утки в течение веков жили в полной уверенности в своей безопасности и проявляли величайшее доверие к гражданам, принимая пищу прямо из их рук. Но вот в королевстве появились эмигранты из некоей коммунистической страны, и поголовье уток стало стремительно сокращаться. Выяснилось, что эти эмигранты подманивали доверчивых птиц и затем употребляли их в пищу, экономя тем самым свои скромные денежные средства на более важные нужды. Узнав об этом, граждане королевства (строящего, кстати сказать, свой социализм!) пришли в ужас от такого вандализма. А нам, когда мы слушали эту историю, стало очень смешно. Один из нас нашел в кармане хлебные крошки, сохранившиеся еще с Москвы, подмигнул рассказчику и предложил свернуть шею парочке аппетитных птичек, с возделением глядевших на московские хлебные крошки на ладони моего соотечественника. Да, – вздохнул наш западный собеседник, – непостижимые вы для нас существа, советские люди!

КОММУНИЗМ, РЕЛИГИЯ, МОРАЛЬ *

Тема моего доклада – религия и мораль в коммунистическом обществе. Меня интересуют здесь две следующие проблемы. Каково принципиальное отношение этого общества к тем формам религии и нормам морали, которые ему достаются в наследство от прошлого? Способно или нет это общество породить какие-то новые явления религии и морали в силу своих собственных условий жизни или нет, а если способно, то в каких масштабах и в каких формах?

Ответ на первый вопрос в отношении религии считается очевидным: коммунистический режим стремится ограничить влияние старых форм религии на население и в конечном счете стремится уничтожить их. Но зачем это ему нужно? Несмотря на преследования, старые религии все же существуют. Благодаря чему? Значит ли это, что они пустили слишком глубокие корни в души и сознание людей, и правители нового общества не в силах их вырвать? Положение православной религии в Советском Союзе может служить классическим образцом для размышлений на этот счет. Конечно, положение других видов религии и религии в других коммунистических странах по многим признакам отличается от положения православной религии. Но эти отличия не настолько значительны, чтобы отвергнуть общую закономерность, наиболее отчетливо иллюстрируемую судьбой православия. Послереволюционный резкий спад религиозности в России и ослабление православной религии обычно объясняют гонениями со стороны властей. Гонения, конечно, были. Это – факт. И сейчас православная церковь существует в рамках строгих ограничений и под контролем властей. Но ведь гонения имеют свои причины.

* Январь 1980.

Нельзя же их рассматривать как проявление некоей беспричинной злобности отдельных вождей, глупости и других отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причина этих гонений – тот вид, какой православная религия обрела в дореволюционной России, ее роль в обществе, ее роль в революционный и послереволюционный период. Религия прививает людям определенное мировоззрение и определенные формы поведения, которые вступают в конфликт с идеологией коммунизма и формами поведения, какие требуются от граждан нарождающегося нового общества. В коммунистическом обществе складывается такой строй жизни людей и такой тип человека, что старые формы религии оказываются просто неадекватными им. Это обстоятельство в гораздо большей мере способствовало упадку православия в Советской России, чем гонения властей. Последние сами опирались на это обстоятельство. В результате получилось так, что самая активная, самая образованная, творческая часть населения страны стала нерелигиозной (атеистической). Причем, не из страха наказания (хотя и это сыграло свою роль), а главным образом добровольно, в силу новых условий жизни и образования. Православная религия оказалась неспособной конкурировать с господствующей в стране идеологией, системой образования и общей культурой в борьбе за души людей. И никаких шансов изменить ситуацию в свою пользу уже не имеет. Примерно так же обстоит дело с другими формами религии, с мусульманством – в том числе. Надежды на то, что рост населения в мусульманских республиках Советского Союза может существенным образом изменить ситуацию в стране, по меньшей мере наивны. И в этих республиках сложился новый социальный строй, новая культура, высокий уровень образованности, мощная идеология, новая система власти. Мусульманство здесь имеет не больше (или немногим больше) возможностей в борьбе за души людей, чем православие в России.

Старые религии сохраняются в коммунистических странах отчасти благодаря капитуляции перед режимом, приспособления к нему, сговора с ним, а отчасти – из определенных расчетов властей в их внутренней и внешней политике. Эти расчеты общеизвестны. Но тут есть один, о котором никто не говорит, но который в высшей степени важен. Я скажу о нем ниже. Старые религии сохраняются в качестве явлений второстепенных для жизни общества, так что высокое слово «религия» к ним применимо лишь как память о их великом прошлом. Явления такого рода, как «религиозная» вспышка в Польше, не отвергают общей закономерности.

Я взял слово «религиозная» в кавычки, ибо эта вспышка не является религиозной в своей основе. Это – социальный протест населения против условий своего существования, лишь принявший религиозную форму в силу конкретно-исторических условий Польши этого периода. Она не есть доказательство жизнеспособности старых форм религии в коммунистическом обществе.

Вторая из сформулированных выше проблем является (на мой взгляд) более фундаментальной. Имеет коммунистическое общество свои собственные, органически присущие ему источники порождения религии или нет, – вот от чего в конечном счете зависит судьба религии в этом обществе, в том числе – и судьба старых форм религии. Упомянутые источники и функции могут оказаться сходными с таковыми на заре человечества и в обществах другого типа или отличаться от них. Явления религии, вырастающие на почве коммунистической системы, могут сознательно использовать готовый материал соответствующей культуры прошлого или заново открывать какие-то его элементы, не ведая того. Конкретный исторический процесс может принимать тут самые причудливые и обескураживающие формы. Но суть дела останется одной и той же: если коммунизм породит заново или возродит в преобразованном виде старые религии, это будет его собственный, адекватный ему продукт культуры, а не бессилие перед прошлым. Это будет бессилие его перед своей собственной природой, но такое бессилие, которое со временем может придать ему силы огромные.

Наблюдение жизни советского общества (классического образца общества коммунистического) обнаруживает факт, сущность которого пока еще трудно оценить достаточно определенно. Я имею в виду стремление некоторой части населения (пока – главным образом в среде интеллигенции) добиться духовной независимости от господствующей идеологии и вести в связи с этим образ жизни, несколько отличающийся от официально признаваемого и одобряемого. Это стремление проявляется пока в готовых жизненных формах, – в интересе к йоге, к парапсихологии, к религиозной философии, в образовании небольших идеологических групп, в определенной культуре «душеспасительных» разговоров и даже в питейных группах и сексуальных отношениях. Я усматриваю в этом стремлении нечто по крайней мере родственное религиозности или психологическую основу для нее. Я убежден в том, что эта потребность в «душевности» (или «духовности») и соответствующем ей образе жизни есть показатель естественной потребности людей

в религии в условиях атеистического коммунистического общества.

В некоторой мере упомянутая потребность реализуется в увлечении традиционными формами религии, в особенности – православной религией. В этом порой видят показатель возрождения или хотя бы оживления именно самих традиционных форм религии, а отнюдь не рождение чего-то нового, лишь временно и в силу обстоятельств облекающегося в старые формы. Однако эта новая потребность в религии не может получить широкого распространения и стать прочной в старых формах, которые не адекватны ей или адекватны лишь отчасти. Лишь при том условии, если будут открыты новые формы религии, отвечающие менталитету, духовности и условиям деятельности человека современного коммунистического общества, упомянутая потребность может стать прочной основой действительного религиозного возрождения. Религиозное возрождение в коммунистическом обществе – это не возрождение старых форм религии, а возникновение новых. Великая историческая роль христианства и мусульманства (и других форм религии) с точки зрения их перспектив в коммунистическом обществе есть дело прошлого. Они могут тут существовать долго, возможно – века. Но, повторяю, лишь на крайне второстепенных ролях и под контролем власти и господствующей идеологии.

Новая религия в коммунистическом обществе может возникнуть как средство самозащиты определенной категории людей от насилия над ними их собственного общества – власти, коллектива, идеологии. Естественно потому то, что господствующие силы общества будут сражаться с ней более жестоко, чем со старыми религиями. Эти господствующие силы коммунистического общества вступают в компромисс со старыми религиями, дают возможность им существовать и даже поддерживают их в какой-то мере прежде всего для того, чтобы помешать подлинному религиозному возрождению общества. Власти знают, что никто не будет так педантично и беспощадно бороться против новых форм религии, как отжившие свое старые религии. Сохранение и укрепление православия и мусульманства в Советском Союзе с этой точки зрения есть прежде всего мощное средство властей против опасного для них настоящего религиозного пробуждения страны. В этом состоит суть религиозной трагедии этого общества: здесь общими усилиями душат то, что по идее могло бы стать условием прогресса человека как личности и общества как коллектива личностей.

Как я себе представляю возможную религию коммунисти-

ческого общества? Религия содержит определенную концепцию бытия (природы общества и человека), существенный элемент которой образует вера в богов (в Бога) как в особые могущественные существа, обладающие властью над судьбами людей. Религия содержит также учение о житии – некоторую совокупность правил для души и для внешнего поведения людей в различных житейских ситуациях. Хотя имеется в виду поведение, угодное богам, оно является полезным и самим людям. Если бы это было не так, то люди религию не приняли бы. Хотя в навязывании религии и действует элемент насилия и преемственности, затрудняющей выбор, тут есть и элемент добровольности, который на первых порах становления ее играет решающую роль. Всё это, конечно, не существует в чистом виде, а погружено в контекст житейской мудрости, преданий, навыков, мифологии и прочих явлений культуры.

В коммунистическом обществе учение о бытии (о природе, обществе, человеке) создается общими усилиями науки, идеологии, искусства. Оно прививается всей системой образования и воспитания людей, пропагандой, вообще – могучим потоком культуры, который обрушивается на людей и становится привычной средой существования. Религиозное мировоззрение в традиционном смысле конкурировать с этим не в состоянии. Места для веры в богов не остается. Люди здесь охотно приняли бы Бога, если бы он оказался фактом, подтвержденным наукой. Бог был бы удобен как возможность снять с себя ответственность за происходящее и оправдать свою покорность обстоятельствам. Но самое большее, на что способна наука, это – гипотезы о разумных существах на других планетах, что не имеет ничего общего с понятием Бога. В коммунистическом обществе, далее, люди вынуждены вести такой образ жизни, что постулаты старых религиозных учений о житии либо оказываются практически невыполнимыми, либо теряют смысл в силу отсутствия подходящих ситуаций, либо оказываются автоматически выполняемыми в силу других (нерелигиозных) норм поведения, либо не приносят желаемого эффекта. Для большинства активно живущих членов общества они просто оказываются пустышками или допотопно-старушечьими назиданиями. Люди готовы принять и в этом плане что-то аналогичное, но – на уровне их представлений о жизни и о себе, не мешающее их обычной деятельности и даже помогающее ей.

Та возможная новая религия, о которой я говорю, имеет шансы появиться актуально и уцелеть лишь при том условии, что она создаст учение о бытии более высокого интеллектуаль-

ного уровня и более правдивое, чем официальная концепция, и учение о жизни, которое окажется практически доступным и ощутимо полезным людям. Это учение о бытии должно дать беспощадную картину жизни человеческого общества и человека, не оставляющую никаких иллюзий насчет вождей, партий, политических и прочих движений. Оно должно обосновать необходимость человека обратиться к своей душе и заняться своим душевным здоровьем, выработать свой образ жизни в рамках данных социальных возможностей, позволяющий быть одновременно нормальным гражданином общества. Учение же о жизни должно дать детально разработанную систему правил поведения во всех жизненно важных ситуациях, проверяемую и подтверждаемую личным опытом каждого желающего пойти по этому пути. Такая религия вполне совместима с атеизмом (в смысле отрицания старых религий). Образ верующего безбожника в моих книгах потому есть не нарочитый литературный парадокс, а отражение очень реальной ситуации для определенной категории людей коммунистического общества. Здесь Бог не исключается. Здесь просто меняется соотношение души и Бога. Здесь исходным понятием религии становится понятие души как естественного свойства человека. А Бог может быть изобретен как нечто производное. Здесь религия должна быть изобретена как продукт очень высокой культуры сравнительно с общим уровнем культуры населения.

Новая религия в таком смысле может возникнуть сначала лишь как мировоззрение и образ жизни сравнительно небольшой части образованной интеллигенции, по тем или иным причинам обреченной владеть жалкое существование в обществе. Причем, возникнуть не в виде организации с определенным разделением функций, уставом и иерархией, а в виде духовного единства лично общающихся людей. Организация же такого рода в коммунистическом обществе будет быстро разгромлена властями, а если уцелеет, то превратится в обычное коммунистическое учреждение и утратит свои первоначальные качества. Если религия такого рода возникнет, это не значит, что она быстро овладеет обществом. Скорее всего ей предстоит путь не менее мученический, чем тот, каким шло христианство на первых этапах своего существования.

Понимаемая таким образом, проблема религии в коммунистическом обществе оказывается тесно связанной с проблемой морали. Мораль имеет иные источники происхождения, чем религия, хотя и сливается потом с нею в единый поток. Старые нормы морали в коммунистическом обществе либо

теряют смысл в силу отсутствия подходящих ситуаций, либо теряют характер норм морали (например, закрепляясь в правовых нормах или в признанных ритуалах поведения), либо замещаются другими нормами поведения. Моральное поведение и соответствующие ему нормы зарождаются здесь как бы на пустом месте, зарождаются как стремление людей ограничить буйство социальной стихии. Причем, это стремление исходит не из групповых интересов (подобно праву) и не из страха наказания (закон не возбраняет неморальное поведение и даже порой поощряет его), общественного мнения (оно действует подобно закону) или Бога (который не признается), а из доброй воли самого человека. Это – внутреннее самоограничение социальной стихии. Человек здесь добровольно берет на себя некие моральные обязательства, создавая пример морального поведения для других. Он, конечно, сознательно или бессознательно рассчитывает на нечто подобное со стороны других людей и на то, что окружающие так или иначе оценят его жертву. И его расчет иногда оправдывается. В итоге в определенных слоях населения и в определенном объеме действий складываются отношения между людьми, регулируемые нормами морали. Например, такие постулаты морали, как требование держать данное слово, не доносить на ближнего, не подхалимничать перед начальством, не причинять зла людям, если даже это можно делать безнаказанно, становятся практическими, действующими нормами жизни. Правда, очень редко, в слабой форме, без полной уверенности. Но все же они постоянно возрождаются как стихийные попытки людей ограничить действие социальных законов. Надо сказать, что в условиях коммунизма эти попытки фактически не поощряются официальным обществом. И люди, идущие по этому пути, не преуспевают в своей жизненной карьере и даже теряют многое. Но все же какая-то часть людей выталкивается на такое поведение и жертвует ради него благополучием. Именно жертвенный характер морали здесь придает ей черты религиозности. Плюс к тому – само содержание моральных норм совпадает в основном с содержанием религиозного учения о житии, так что часто вообще невозможно различить постулаты религии и морали. Например, постулат неучастия во власти есть одновременно одно из условий душевного здоровья человека и одно из самоограничений людей в условиях ожесточенной борьбы за власть. Моральное поведение в общем и целом совпадает с поведением религиозным. Тут есть расхождения, но я не имею возможности останавливаться здесь на них.

Моральное поведение точно также не есть нечто такое, что известно и доступно каждому. Оно требует усилий, способности пойти на жертвы и достаточно высокого уровня культуры, чтобы быть осознанным в качестве морального. Так что и моральный прогресс общества может начаться лишь из ограниченного источника. Лишь потом и постепенно он может заразить собою достаточно влиятельную часть населения. Это возможно, но не обязательно произойдет. Мои суждения на этот счет все имеют гипотетический характер, хотя и основываются на фактах.

Общий вывод: новые формы религии и морали в коммунистическом обществе возможны как самозащита определенной части населения против социальной стихии, против власти, против идеологии и других явлений общества, низводящих человека до уровня бездушной детали социального механизма.

О РУССКОМ НАРОДЕ*

В среде старой русской и новой советской эмиграции культивируется и распространяется мнение обо мне как о русофобе. Признаюсь, я не испытываю чувства любви к русскому народу. Но я не испытываю к нему и ненависти. Мое отношение к нему иного качества: я принадлежу к этому народу и разделяю его судьбу. Я часть его. Я озабочен его судьбой. И потому я беспощаден в его описании, – я не хочу обманывать самого себя и моих соплеменников. Лишь те, кто оторвался от своего народа или знает о нем из вторых и третьих рук, могут позволить себе лицемерные эмоции, именуемые любовью к народу, к которому они фактически не принадлежат. Я родился и вырос в самых глубинах русского народа. Я провел в нем почти всю свою долгую жизнь. Я вместе с ним и в нем голодал, мерз, работал, воевал. Я был колхозником, студентом, солдатом, офицером, землекопом, учителем, грузчиком, лаборантом, научным работником, профессором. Я знаю этот народ и несу его в себе самом. Я отдал ему все свои силы и способности, не требуя почти ничего взамен. И если бы мои книги могли свободно распространяться по России, русский народ ни на мгновение не усомнился бы в том, что я каждой клеточкой своего тела и своей души есть человек глубоко русский. И я очень сомневаюсь в том, что русский народ принял бы за своих всех тех, кто создает и распространяет клевету обо мне как о русофобе.

Для меня русский народ – не пустая романтическая абстракция, а суровая реальность. Нынешний русский народ – это не только малограмотные старухи, доживающие свой

* Март 1980.

век и хранящие искру православия, кстати сказать, весьма далекого в реальном и массовом исполнении от западной легенды о нем. Это не только сектанты, волей исторической случайности возведенные в ранг борцов за права человека. Это не только неудачники-интеллигенты, мечущиеся в поисках компенсации между модной йогой и столь же модной религиозной русской философией, совершенно не известной широким слоям населения. Это не только отдельные диссиденты и бунтари. Русский народ – это и огромная армия партийных и государственных чиновников, это и генералы, офицеры, профессора, доктора, сотрудники органов государственной безопасности, дипломаты, судьи, охранники, идеологические работники, милиционеры, спортсмены, артисты, инженеры, служащие контор... Именно они образуют оплот и скелет нынешнего русского народа. Именно они определяют теперь лицо, характер и душу этого народа. Нынешний русский народ – это прежде всего народ советский, ядро и основа советскости, самое точное выражение советскости. И если писатель теперь хочет правдиво описать образ жизни русского народа, он должен описать его прежде всего как советский образ жизни.

Выражение «советский человек» неоднозначно. Оно обозначает человека, который принимает советский образ жизни, одобряет его и удовлетворяет его нормам в своем поведении. Оно обозначает также любого человека, который является продуктом советского общества. Во втором случае я бы употребил выражение «советокожий человек». Советокожий человек не обязательно доволен советским образом жизни и удовлетворяет его нормам. Он может относиться к этому образу жизни отрицательно, может критиковать его, может даже бороться против его. Таковы, например, советские диссиденты и советские эмигранты. Даже оказавшись на Западе, они продолжают быть советокожими людьми. Современный русский народ является советокожим народом, а огромная масса его – советским и в первом смысле слова.

На Западе часто слово «русский» употребляют как синоним слова «советский». Кое-кто из эмигрантов русской национальности возмущается этим. Однако достаточно ли серьезны основания для различения смысла этих слов? Настолько ли существенны особенности русского населения сравнительно с другими и с общим строем жизни страны, чтобы возмущаться таким словоупотреблением? Чтобы ответить на этот вопрос, надо осуществить серьезное социологическое исследование и выяснить по крайней мере такие вопросы: 1) каков процент представителей русской националь-

ности в партийно-государственном аппарате Советского Союза, в органах государственной безопасности, в руководстве армией и прочих важных сферах жизни общества; 2) каково распределение русского населения по территории страны, каково участие его в жизни других народов, какова его роль в установлении и сохранении существующего социального строя в истории этих народов. Уверяю вас, если вы добросовестно проделаете такое исследование, вы убедитесь в том, что фактическая роль русского населения в создании, распространении и сохранении данного социального строя на территории бывшей Российской Империи во много раз превосходит внешне заметную и сильно разрекламированную роль евреев и представителей других национальностей. И отождествление смысла слов «советский» и «русский» выражает лишь историческую справедливость.

В Советском Союзе происходит процесс, который дает некоторые основания для противопоставления русского и советского. Я имею в виду своего рода антиколониацию, т.е. проникновение представителей самых различных национальностей и народностей Советского Союза на территорию, заселенную по преимуществу русским населением и стремление занять тут сравнительно привилегированное положение. В результате такого массового проникновения нерусских людей в русские большие города тут стремительно складывается особая, но ненациональная общность людей – общность людей советских. Помимо той роли, какую играют большие русские города в жизни страны в целом, здесь сыграла свою роль и трагическая историческая судьба России: в результате революции, гражданской войны и последующих коммунистических экспериментов русской нации был нанесен смертельный удар. И теперь русское население не в виде единой нации, а в виде множества разрозненных индивидов и групп индивидов вливается в новую общность советских людей, принимая участие в жестоком сражении за лучшие жизненные позиции. Несмотря на неблагоприятные исторические условия, русский народ все более успешно ведет это сражение, что является естественным следствием его всё еще большой массы. Русский народ ведет это сражение целиком и полностью в рамках коммунистического строя жизни и по его законам, а отнюдь не под знаменами национального единения. Даже национализм в этой борьбе становится лишь подспорьем в борьбе сугубо социальной, т.е. ненациональной. Интересы русского народа при этом не обособляются от интересов его как народа советского, а, наоборот, настолько прочно сливаются с последними, что разделить их в принципе невозможно.

Осталось ли в русском народе что-то сугубо национальное? Конечно, осталось. Это, например, веками отработанная способность унижаться и унижать других, покорность властям, способность жить в тяжелых условиях, способность приспособиться к мнению других, способность угождать и требовать того же от других, способность переходить от состояния сентиментальной слезливости к состоянию жестокости и гнева, склонность к халтуре и лени, склонность к радушию, переходящему в насилие, и к насилию с сознанием благодетелей, склонность к пошлости... Есть ли надобность продолжать? Та «широкая» и «таинственная» русская душа, которая достаточно хорошо была описана еще в дореволюционной русской литературе, оказалась на редкость удобной для коммунистического эксперимента. Это – одна из причин того, почему коммунизм прорвал оборону цивилизации прежде всего в России. По этой же причине многие воспринимают коммунизм как национально русское явление. Но он в такой же мере русское национальное явление, в какой капитализм был, например, национальным английским явлением. Коммунизм принял и укрепил некоторые национальные качества русского народа как качества советского народа вообще, способствуя развитию этих качеств и в других народах. Впрочем, массы народа всегда и везде склонны к ним и независимо от возникновения коммунистических государств, ибо эти качества суть необходимые условия жизни людей в больших их объединениях, – они общечеловеческие.

По изложенным выше причинам критическое отношение русского писателя к общим законам жизни людей в больших коллективах и к советскому образу жизни посторонние наблюдатели, не знающие фактической жизни народа, воспринимают как неприязнь к русскому народу.

Фактическое положение русского народа сейчас таково, что всякие идеи насчет отделения русского от советского, освобождения русского народа от советскости и развития его как явления сугубо национального практически неосуществимы, а теоретически просто нелепы. Я хотел употребить слово «реакционны», но предпочел слово «нелепы» как более точно оценивающее их интеллектуальную ценность. Перед русским народом сейчас стоит вполне осуществимая и понятная всем задача – занять в составе Советской империи место, подобающее великому народу. Конкретно это означает конкурентную борьбу русских людей с представителями других национальностей за лучшие жизненные позиции, за более высокий уровень быта, за посты, за вклад в культуру. Перед русским народом, далее, стоит задача завоевания подобаю-

щего ему места в мировой культуре. Эта задача является производной от первой, ибо только при условии завоевания достаточно сильных позиций внутри страны русский народ имеет шансы сделать более ощутимый вклад в мировую культуру. И всякого рода националистические идеи могут иметь успех в русском народе лишь в той мере, в какой они помогают отдельным русским людям и их группам добиваться успеха в их жизненной борьбе. В частности, антисемитизм, сильно развившийся в русском населении, выражает вполне реальный факт борьбы лиц русской национальности с евреями за выгодные профессии, лучшие условия работы, высокие посты, известность, почет и т.п., а отнюдь не пробуждение некоего идеалистического национального начала.

В старой русской и новой советской эмиграции выдвигаются различные программы, как освободить русский народ от ужасов советизма и осчастливить его. Чего стоит, например, махрово-прогрессивная идея возрождения России на основе православия и даже монархии! Правда, монархии либерально-конституционной, а может быть даже и выборной, т.е. в духе идей конца двадцатого века. Представляете, какая обнадеживающая перспектива! Царь, царица, вдовствующая императрица, фрейлины, флигель-адъютанты, городовые, жандармы, патриарх, дьячки, церковные старосты, целовальники (что это такое?!) и прочие должностные лица возрожденной России выбираются наподобие депутатов всякого рода советов, народных судей и заседателей, делегатов на партийные конференции. Рядом с этой идеей, можно сказать, одесную от нее, красуется необычайно свежая идея преобразования все той же Матушки-Руси на основе давным-давно забытой общины. Тут, правда, возникают некоторые затруднения, где взять безграмотных мужичков для общины, а также вилы, косы, решета и прочие орудия общинного быта? А главное – где взять лапти?! К упомянутым идеям скромненько и чуточку позади пристраивается еще одна, не менее оригинальная: то, что в России построили социализм, это хорошо; но его здесь построили неправильно, и это плохо. Не совсем ясно, откуда пошла эта неправильность – от самого Маркса или от его верного последователя Ленина, от иуды Троцкого или от палача Сталина, от латышских стрелков и евреев или от многострадального русского народа? Не известно также, кто будет строить правильный социализм и под чьим руководством? Но это уже мелочи, которые будущие реформаторы России решат, можно сказать «в рабочем порядке».

Такого рода планы преобразования России могли родиться только в головах людей, которые не хотят видеть очевидных

фактов, и в том числе того, что нынешняя Россия есть страна с современной сложной экономикой и культурой, с высокообразованным населением. Решающая роль в ней теперь принадлежит людям, родившимся после революции, приспособившимся жить именно в такой социальной среде, воспринимающим свой социальный строй как нечто вполне естественное, а не навязанное им по ошибке или по обману, способным сражаться за улучшения условий жизни лишь в рамках этого строя. Такого рода планы имеют целью переиграть (переделать) прошлую историю, что в принципе невозможно, причем – переиграть по образцам, аналогичным тем, по каким действовали большевики во главе с Лениным в предреволюционные годы. Правда, воображением реформаторов при этом владеют не реальные, а воображаемые (изобретенные ими самими) образцы. Но, увы, шансы для России пойти каким-то иным путем были упущены много десятилетий назад. И упущены раз и навсегда. И никакой возможности еще раз покривляться и покуражиться на сцене истории за счет русского народа больше не предвидится. Надо в конце концов посмотреть правде в глаза, оставить маниакальные претензии и подумать о вещах более прозаических.

Что я мог бы посоветовать моим соплеменникам в таких условиях? Только следующее. Всеми доступными средствами сражаться за лучшие условия жизни. В одиночку. Группами. Протестовать против всяческих отрицательных проявлений данного образа жизни. Протестовать активно и пассивно, в одиночку и совместно. Взбаламутить российское застойное болото, сделать нашу русскую жизнь более динамичной, более яркой и разнообразной. Рисковать. Пускаться во всякого рода затеи. Конкурировать с представителями других народов во всем и везде. Не быть послушными рабами. Обрести все добродетели и пороки, достойные великого народа. Не быть сценой, на которой другие разыгрывают свои спектакли, пробиваться самому на сцену истории, порождать свои выдающиеся экземпляры. Чего бы это ни стоило, пробиваться к тем благам цивилизации, которые накоплены в мире. Стремиться стать народом европейским в самом точном смысле слова. Не скажу, что в хорошем смысле слова, ибо реальные блага немислимы без реального зла. На этом пути возникнут новые проблемы. Пусть! Именно уровень и тип проблем, встающих перед людьми, характеризует уровень и тип цивилизации, а не мещанское самодовольство и благополучие. Короче говоря, всё, что угодно, только не движение назад, в прошлое. Лучше проблемы будущего, чем решения из прошлого!

ЗАМЕТКИ О РУССКО-СОВЕТСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ*

Советский Союз – не только Россия. Но если даже ограничиться одной лишь Россией, то все равно придется начать с банальной фразы: в разных местах России люди живут по-разному. В одних местах, например, можно увидеть длинные очереди за предметами потребления, а в других – нет, поскольку здесь в магазинах вообще нет ничего такого, ради чего могла возникнуть очередь. В одних местах можно увидеть картинные купола церквей, реставрированных для иностранных туристов, а в других – лишь мрачные скелеты колоколен. А часто вообще не увидишь ничего, напоминающего о былой религиозности русского народа. В одних местах можно порой споткнуться о тело пьяницы, лежащее поперек тротуара, а в других о такой удаче и думать нечего. Попробуй, усни на тротуаре в городке за Полярным кругом! А пьют там побольше, чем в теплых краях, причем – пьют неразбавленный спирт, и пьют кружками. Короче говоря, по-разному живут люди в разных местах России. Да и в одном-то месте образ жизни различных групп населения различен. Одни, например, чуть свет до отказа набивают автобусы и вагоны метро, а другие чинно движутся в персональных машинах в места своей службы, выпавшие всласть. Одни штурмуют полупустые (от продуктов, а не от людей) магазины после работы, другим привозят из специальных распределителей продукты, о которых и думать забыли рядовые граждане.

Но есть все-таки некоторые характерные черты советского образа жизни. Не общие, а именно характерные. Характерные – не обязательно широко распространенные, часто встречающиеся, всеобщие. Характерные – это такие

* Апрель 1980.

явления, путем изучения которых можно проникнуть в понимание сущности социального строя страны. Советский Союз, например, не так уж часто вторгается в соседние страны. В последние годы это – лишь интервенция в Афганистан. Но этот единичный (пока!) факт выражает сущность Советского Союза как государства коммунистического. Так вот, свой рассказ о некоторых характерных чертах советского образа жизни я начну с заявления отрицательного: церкви, которые обычно показывают в Советском Союзе иностранным туристам, хотя и являют собою зрелище живописное, но характерными для советского образа жизни не являются. Коммунистическое общество есть общество антирелигиозное. И если сейчас в Советском Союзе религию терпят (в традиционно признанных формах), то это означает лишь то, что она теперь не угрожает основам социального устройства. Конечно, в России еще можно увидеть действующие церкви и толпы верующих в религиозных центрах. Сейчас много говорят о некоем религиозном возрождении в России. Но это, увы, лишь иллюзии. Если бы пьяницы в России имели возможность и повод собираться в большие массы, то с таким же успехом можно было бы говорить об алкогольном возрождении России. Однако коммунистическое общество здесь является вполне трезвым и атеистическим в основной массе населения, на которой держится общественный строй.

Я не случайно упомянул выше о пьяницах: вот это – явление характерное. Хотя в России пили и до революции, это ничуть не мешает тому, что пьянство воспроизводится всем строем современной ее жизни. Официально в Советском Союзе ведется борьба против пьянства, ибо ущерб от него обществу огромен. В одной Москве, например, ежедневные потери человеко-часов из-за пьянства равны простою крупного завода с несколькими десятками тысяч рабочих. А производственные аварии, брак и несчастные случаи! А снижение производительности труда и качества продукции! А семейные драмы! А уголовные преступления! Потому в стране регулярно проводятся антиалкогольные кампании. Но результат их довольно жалок. В учреждениях критикуют или наказывают более ощутимо отдельных выдающихся алкоголиков. В судах выносят более суровые, чем обычно, приговоры за преступления, совершенные в нетрезвом виде. Закрываются пивные ларьки, поскольку нет пива, которое можно было бы в них продавать. Повышают цены на водку и вино. Собственно говоря, кампания и задумана-то была в значительной мере как средство смягчить впечатление от намеченного повышения цен. Никто в стране в серьезность и искренность таких кам-

паний не верит. Они лицемерны и двойственны: их конечный результат – ожесточение всё того же пьянства, с которым ведут борьбу. Что произошло бы в стране, если бы русский человек вдруг перестал пьянствовать? Последствия могли бы оказаться катастрофическими. По экономике страны был бы нанесен непоправимый удар, а трезвые русские мужики задумались бы о своем жалком существовании. И кто знает... Нет, об этом лучше не думать! Пусть уж лучше пьют, вопят совсем немusыкальными голосами старые тоскливые русские песни и валяются под заборами. Впрочем, насчет валяться – это теперь явное преувеличение. Русский человек знает, что валяться в пьяном виде не всегда и не везде можно. Нельзя, например, валяться на виду у иностранцев. Валяться надо тоже умеючи. Тут есть своя, веками накопленная культура. И климат редко этому благоприятствует. Хотя тут действует какой-то мистический закон. Много лет назад я принимал участие в так называемой Народной Дружине, которую советские идеологи рассматривали как пример к марксистскому тезису об отмирании государства: Народная Дружина – это выделяемые от учреждений сотрудники в качестве «добровольных» помощников милиции. Однажды зимой мы выбрали на улицах района, где мы дежурили, более десятка пьяных. Хотя мороз был около тридцати градусов (по Цельсию), никто из них не был обморожен, тогда как мы отморозили кто нос, а кто щеки.

В сталинские времена, о которых старые русские пьяницы вспоминают с грустью (водка дешево стоила, закусить что было, милиция с большим уважением относилась к алкоголикам!), упившиеся валялись где попало, порой – даже в районе Красной площади. А во время праздников отводились специальные места, куда стаскивали валяющихся. Одно такое место было там, где собирались строить самое высокое здание в мире (перегнать Америку по небоскрегам!), а впоследствии сделали бассейн. Во время демонстраций там творилось нечто невообразимое. Это сейчас на демонстрации ходят лишь специально отобранные представители учреждений, более или менее сдержанные насчет выпивки. А в сталинские времена на демонстрации гоняли поголовно всё взрослое население, да и детей люди носили с собой. На каждом углу устраивались выпивальные и закусывательные пункты. На демонстрации трудящиеся собирались чуть свет. И пока добирались до улиц, ведущих на Красную площадь, многие напивались до бесчувствия. Их растаскивали по ближайшим дворам и скверам. Наиболее стойкие добирались до ближайших подходов к центру столицы и падали у Манежа,

Охотного ряда, Университета. Вспоминаю один приятный случай по сему поводу. Два моих товарища по Университету, бывшие фронтовики, сами добровольно легли на тротуар на улице Герцена (тут проходил наш маршрут). Их, разумеется, поволокли в соответствующее место свалки. Из солидарности с ними (и из критического отношения к сталинизму!) я отправился вместе с ними. Отлежавшись к вечеру, мы «сколотили» великолепную компанию и буйствовали потом дня три подряд. Пьянство в России играет еще особую социальную роль. Оно приукрашивает убожество бытия и сближает духовно людей, которые в трезвом виде не протянули бы друг другу руки. Пьянство есть свет души, универсальный врач всех духовных страданий, компенсация за неудачи, имитация величия... Это, можно сказать, фактическая национальная религия, с которой не способно конкурировать не только вечно возрождающееся (но вечно пребывающее в жалком состоянии) православие, но даже официальная коммунистическая идеология. Но оно (как, впрочем, и православие) не конфликтует с последней.

Трудно вообразить себе советское общество без пьянства, пьянства повсеместного и на всех уровнях социальной иерархии. Но еще труднее вообразить его без очередей. По моим грубым подсчетам в России на стояние в очередях теряется рабочее время по крайней мере двадцатимиллионного государства. Но теряется ли? Ведь люди стоят в очередях не вместо их рабочего времени, а сверх его, т.е. во внерабочее время, которое они по идее могли бы тратить на отдых, культуру, развлечения и прочие личные нужды, достойные человека конца двадцатого века в цивилизованном обществе. Люди просто теряют куски своей жизни, чтобы раздобыть продукты питания и предметы туалета, попасть к врачу или приобрести билет на самолет. Теряется не только время. Стояние в очередях имеет неизбежным следствием интеллектуальное оупление, озлобленность, перманентно испорченное настроение. Причем, ужас тут состоит в том, что отсутствие очереди не всегда и везде есть благо, а наличие – зло. Отсутствие очереди обычно выражает отсутствие того, ради чего люди готовы терять многие и многие часы. Отсутствие очереди в таких случаях вселяет беспросветное отчаяние. Наличие очереди оставляет еще некоторую надежду в конце концов достать что-то нужное, приобрести это нужное без очереди или по блату. Советский человек настолько привык к очередям, что в тех случаях, когда ему выпадает удача иметь что-то без очереди, он усматривает скрытый подвох.

Очереди в коммунистическом обществе не есть нечто временное, преходящее. Они могут частично исчезнуть, если на всё будет введена система распределения по особым талонам (по карточкам). Но до тех пор, пока будет существовать «свободная» (ненормированная) торговля, очереди неизбежны. Дело в том, что они суть одно из проявлений глубочайшего, практически действующего принципа коммунистического общества: здесь для рядовых граждан всё должно доставаться с трудностями или не доставаться совсем, ибо человеком, который с трудом добывает себе жизненные блага, много легче манипулировать. Потому в советском обществе для граждан, лишенных привилегий, всё затруднено. Трудно достать нужное лекарство. Трудно устроить ребенка в детский сад. Трудно поступить в высшее учебное заведение. Сверхтрудно получить квартиру. Трудно достать путевку в санаторий, а если с детьми – то вообще невозможно. Трудно получить номер в гостинице... Короче говоря, во всех жизненно важных проблемах гражданин должен преодолевать нелепые на первый взгляд трудности, вынуждающие его терять время, силы, здоровье, средства. Трудности, повторяю, нелепы лишь на первый взгляд. На самом деле тут действует глубокий социальный инстинкт, обрекающий людей на борьбу за жалкие житейские крохи и отвлекающий их силы и внимание от проблем социально-политических. Замечу кстати, что диссидентское движение в Советском Союзе было бы невозможно без тех улучшений жизненных условий, какие имели место в послесталинские годы: многие интеллигенты получили или приобрели в кооперативе отдельные квартиры, стал обычным телефон и радиоприемник, многие приобрели автомашины, участились туристические поездки на Запад. Для борьбы за улучшение условий жизни необходимо хотя бы минимальное улучшение самих этих условий – вот задача для советских руководителей. Пока они решают ее на пути стремительного ухудшения этих условий, создавая в стране полувоенную социально-психологическую атмосферу.

Столь же часто, как и пьяных, на улицах русских городов и поселков можно увидеть людей, увешанных знаками отличия, медалями и орденами. Это – пожилые люди, имеющие еще военные награды и награды за «трудовые подвиги». И военные, конечно. Эти ухитряются получать всякого рода знаки отличия и награды в самые мирные годы. Но большинство граждан, имеющих наградные знаки, обычно их не носит или надевает лишь по особо важным случаям. А число таких граждан в стране поистине огромно. Трудно встретить взрослого человека, который не был бы награжден орденом,

медалью, особым знаком или на худой конец почетной грамотой. Награды здесь имеют города, области, заводы, институты, университеты. Молодежь (да и взрослые порой, особенно – обойденные наградами) по сему поводу иронизирует и считает систему наград пустой формальностью. А напрасно. Наградная система в советском обществе играет огромную роль. Если хотите получить представление о сущности этого общества, изучите его наградную систему.

В одной, весьма популярной в свое время, советской песне поется: по заслугам каждый награжден. Это действительно так. Но кто определяет заслуги «каждого»? Тут есть свои принципы и нормы. Например, ранг выдаваемой награды зависит от ранга награждаемого. Если отмечается шестидесятилетие члена Политбюро ЦК КПСС, то ему присваивается звание Героя Социалистического труда, а в случае, если это – слишком молодой или провинившийся член – орден Ленина. Если же это – рядовой работяга, то ему выдают медаль, почетную грамоту или благодарность в приказе по предприятию. А то и совсем ничего. Конечно, этот принцип ранговости наград иногда нарушается. Делается это для того, чтобы создавалась видимость, будто перед лицом награды тут все равны. Ситуация здесь аналогична той, какая имеет место в Академии Наук, когда иногда выбирают и настоящих ученых, чтобы придать видимость ученых прочим чиновникам в области науки. Даются награды за реальные заслуги или нет? Вопрос бессмысленный. Когда как. Иногда – за реальные заслуги, дабы поддержать моральную ценность наградной системы. Большинство же наград с особыми заслугами никак не связаны. Даже во время войны большинство наград (особенно – высших рангов) было выдано согласно нормам выдачи наград. Брежнев много лет спустя после войны получил самые высшие награды за свои по меньшей мере жалкие заслуги в войне. Он же получил Ленинскую премию по литературе за бездарнейшую писанину, к тому же сочиненную не им самим. А пример Брежнева характерен. Сколько директоров научно-исследовательских институтов было удостоено высших наград за мнимые открытия или за реальные открытия, сделанные не ими! Если бы можно было собрать вместе награды, полученные советскими маршалами, генералами и офицерами в прошлой войне, и реализовать соответствующий им эквивалент заслуг, то враг должен был бы быть разбит года на два раньше фактического окончания войны и с потерями раз в десять меньше реальных. А если бы можно было реализовать эквивалент наград, выданных в послевоенное

время за трудовые заслуги, то в стране должно было бы наступить изобилие всего, много превосходящее изобилие на Западе.

Функции наград многообразны. Удовлетворение тщеславия. Обозначение социального положения индивида и его перспектив. Условие карьеры. Компенсация за отсутствие материального вознаграждения – медали вместо квартир и мяса. Выдаются награды к праздникам, к юбилейным датам, к особым событиям (вроде завершения крупных заданий, пуска в строй завода и т.п.). Специальные люди и организации тщательно отбирают кандидатов в награждаемые и определяют меру награды. Причем, учитываются многие параметры, – социальное положение, национальность, пол, возраст, поведение в коллективе и в быту. В учреждениях идет скрытая ожесточенная борьба, ибо для многих людей их судьба зависит заметным образом от того, получают они награду или нет и какую именно награду. Если человек, которому по его статусу положен высокого ранга орден, получает орден более низкого ранга или вообще всего лишь медаль, это означает, что в его положении наступило ухудшение, карьера его застопорилась, а то совсем пойдет вниз. Коммунистическое общество есть общество, в котором каждый награждается по заслугам, но величину заслуг каждого определяет не беспристрастный судья, а коллектив сослуживцев, начальство, партийные и государственные органы. Заслуги людей определяются их социальным положением. Поразительно то, что на Западе, где казалось бы достаточно хорошо должны знать цену советским чинам, званиям и наградам, относятся к ним с большим почтением, солидаризируясь тем самым с лицемерной советской системой распределения благ. Даже диссиденты, имеющие высокие звания и награды, здесь ценятся много выше, чем диссиденты без оных. При этом забывают, что эти звания и награды были получены по законам советского (коммунистического) образа жизни.

Говорят, нет худа без добра. Но столь же справедливо обратное утверждение: нет добра без худа. Социалистическая революция совершает переворот в общественном положении женщины, приравнивая их роль в обществе в большой степени к роли мужчин. Это бесспорно. Но... Вот, например, производятся работы на железной дороге. Кто таскает и укладывает шпалы и рельсы? Женщины. Вот асфальтируют улицу. И опять-таки самую грязную и трудную работу выполняют женщины. В деревнях самые тяжелые и неприятные работы суть дело женщин. Женщины копают

землю, грузят кирпичи, красят стены, собирают мусор. Но и те женщины, которые заняты на «легкой» и «чистой» работе (сидят над бумажками в конторах, лечат больных, учат детей) не освобождаются от забот по дому. А это – муж, дети, родители. Это – стирка, приготовление еды, уборка и бездна всяких дел, которые надо делать и в сверхсовершенном (согласно идеологии и пропаганде) коммунистическом обществе. С трудностями социалистического быта сталкиваются прежде всего женщины. Посмотрите на очереди! Подавляющее большинство – женщины. Я уж не говорю о специфически женских проблемах. Теперь, прожив почти два года на Западе, я имею возможность сравнить бытовые условия для женщин в России и на Западе. От этого сравнения можно придти в отчаяние. Поведение советского руководства в отношении русского народа вообще можно определить как бессовестное глумление. Что же касается женщин, тут более подходящим является слово «преступление». Русская женщина буквально ограблена сравнительно с женщинами стран Запада. Ограблена во всем – в одежде, в жилье, в кухне, в сексуальной жизни, в уходе за своим телом, в отдыхе. Бесспорно, в Советском Союзе женщины имеют больше возможностей приобретать традиционно мужские профессии, и пропаганда всюду раздувает эту сторону дела. Но при этом все дружно обходит молчанием тот факт, что для подавляющего большинства женщин условия жизни намного тяжелее в Советском Союзе, чем для соответствующих категорий женщин на Западе. И поразительно, что сами русские женщины не хотят в этом признаться и помалкивают о своей участи. Впрочем, поражаться тут не стоит: от такого признания легче не станет, тогда как иллюзии свободы и равноправия дают хотя бы немного утешения.

Хотя в Советском Союзе труд есть обязанность, т.е. каждый трудоспособный человек обязан быть прикрепленным к какому-либо деловому коллективу, число бездельничающих людей здесь значительно превосходит число таковых на Западе. Я был во многих городах Запада, но я нигде не видел столько праздных людей, как в городах Советского Союза. В чем причины такого парадоксального на первый взгляд явления? Назову две из них. Первая – пенсионеры. Коммунистическое общество есть общество пенсионеров. На пенсию уходят еще сравнительно молодые и порою еще полные сил люди. Часть из них продолжает где-то работать, участвует во всякого рода комиссиях и общественных мероприятиях, но большинство предпочитает «заслуженный отдых» (официальное советское выражение), т.е. безделье. Хотя пен-

сия и незначительна, она гарантирована и достаточна для жалкого, но сравнительно свободного существования. Независимого прежде всего от детей и семейных хлопот. Перспектива такого «заслуженного отдыха» играет в жизни советских людей роль огромную. Она принимается во внимание с самого начала трудовой деятельности, — не многим удается сделать карьеру, снимающую заботу о старости. Гарантированная пенсия есть существенный фактор манипулирования людьми в коммунистическом обществе. Именно мелкие гарантии и тревога за них делают человека лучше управляемым, чем большие гарантии и беззаботность по их поводу. Низкий уровень таких гарантий удерживается не столько в силу бедности страны, сколько в силу упомянутого социального закона. Уровень этих гарантий время от времени повышается. Но очень незначительно, ровно настолько, чтобы поддержать иллюзии движения общества к лучшему и удерживать пенсионеров в качестве оплота социального строя. Вторая важная причина рассматриваемого феномена — наличие в обществе таких профессий и учреждений, которые позволяют огромному числу людей лишь считаться находящимися на работе, а на самом деле использовать рабочее время по своему усмотрению. Такого рода люди готовы мириться с самым низким жизненным уровнем, лишь бы сохранить возможность официально оправданного безделья. Лозунг «Где бы ни работать, лишь бы не работать!» есть не столько одна из любимых шуток советских людей, сколько реально действующий принцип.

Говоря о советском образе жизни, нельзя обойти молчанием армию. Хотя подавляющее большинство воинских частей расположено изолированно от городов и деревень, солдаты и офицеры на улицах русских населенных пунктов встречаются во много раз чаще, чем на Западе. Это не случайно: Советский Союз есть государство милитаристское в очень высокой степени. Помимо огромного числа кадровых офицеров и солдат, проходящих срочную службу, отбывающих воинскую повинность, здесь еще большее число лиц так или иначе причастно к армии. Выпускники многих институтов становятся офицерами без отрыва от учебы (биологи, химики, инженеры и т.п.). Практически невозможно провести четкую грань между предприятиями и научными учреждениями, работающими на армию и не работающими на нее. Многие (если не большинство) партийные и государственные чиновники являются одновременно офицерами и генералами, а бывший политрук невысокого ранга Брежнев стал даже маршалом (вспомним, что глава партии Сталин

был генералиссимусом). Неисчислимое множество бывших и настоящих офицеров занимает всякого рода посты во всех мало-мальски значительных учреждениях. Отставными полковниками можно было бы удовлетворить потребности всех армий Запада в офицерах среднего ранга. Многие миллионы граждан вплоть до преклонного возраста состоят на военном учете, проходят всякого рода сборы, готовы в считанные часы влиться в ряды кадровой армии. Страна за поразительно короткий срок может быть переведена на военное положение.

Такая милитаризация всей жизни страны идеологически оправдывается интересами обороны и не столь давним опытом второй мировой войны. Однако это «оправдание» давно превратилось в чисто пропагандистское средство. Согласно законам диалектики, на которой настаивают сами советские руководители, тут нарушена мера, и произошел переход из одного состояния в противоположное, а именно – чрезмерная оборона перешла в возможность нападения и в открытое нападение или в угрозу такового. А главное – милитаризация коммунистического государства есть неизбежное следствие его внутренних социальных законов. Если даже допустить, что исчезнет капиталистический Запад, коммунистические страны все равно останутся милитаризованными, а войны между ними могут быть еще более разрушительными, чем войны прошлого. В этой статье хочу обратить внимание на некоторые особенности советской армии, которые бесполезно знать западным людям. Какие бы мощные формы оружия ни изобретались, основу современной армии все равно образует рядовой солдат и кадровый офицер. Армия с самым совершенным оружием может оказаться менее боеспособной, чем армия с менее совершенным оружием, если солдат и офицер не соответствуют своему предназначению – готовности сражаться и погибать. Когда видишь советских солдат и офицеров, то прежде всего вызывает насмешку их нелепая форма. Солдаты западных армий выглядят по сравнению с ними щеголями. Но ведь форма солдату дается не для танцев и свращения девиц, а для учения бою и для участия в бою. Солдат, разодетый как денди, уже неполноценный солдат или совсем не солдат. Насколько мне известно, американский солдат получает в месяц денег больше, чем советский доктор наук. Солдат, получающий такие деньги, в массе своей менее готов терпеть тяготы воинской службы и погибать, чем его коллега в армии, где солдату платят столько, что ему на сигареты не хватило бы. Советский солдат получает гроши, которые и во внимание-то принимать не стоит. Советские солдаты занимаются довольно много спортом.

И обычно в брюках и сапогах, а то вообще в форме. Разве что только без ремня. Западному человеку это кажется дикостью. Но ведь солдат – не спортсмен. Физическая подготовка солдата отличается от таковой спортсмена. В свое время я прослужил в армии около семи лет. Я до сих пор помню доводящую до помутнения разума штурмовую полосу, ночевки зимой в снегу, бег на двадцать пять километров с полной боевой выкладкой (а это – тридцать два килограмма груза!). Добавьте к этому политическую подготовку, которая делает свое дело, что бы по сему поводу ни говорили критики режима. И не забудьте о том, что большинство советских военнослужащих теперь имеет по крайней мере среднее образование. Короче говоря, по моим наблюдениям Советский Союз сейчас имеет самую боеспособную армию в мире с точки зрения человеческого состава, готового хоть сию минуту делать свое солдатское профессиональное дело. Вот о чем стоило бы подумать тем, от кого зависит состояние обороноспособности Запада.

Иногда из диссидентских кругов Советского Союза становится известным, что некий молодой человек отказался служить в армии, ибо из религиозных соображений не хочет брать в руки оружие. И сколько по сему поводу бывает разговоров! А тот факт, что многие миллионы молодых людей берут в руки оружие, готовы его в любую минуту пустить в ход и пускают на деле, как-то исчезает из поля внимания как маловажный. Не стройте иллюзий! Есть неумолимые законы поведения армий и людей в составе армий. Я сам много лет служил в армии. Не хочу лицемерить, если бы не чрезвычайные обстоятельства, я выполнил бы свой долг офицера запаса (я же давал присягу!) несмотря на мое критическое отношение к коммунизму. Мой сын офицер запаса, мои братья и многочисленные племянники суть офицеры запаса. И случись что, они будут надежными солдатами советской армии, я в этом убежден на сто процентов. И таких – десятки миллионов. Призывы к таким людям бросить оружие или повернуть его против своих руководителей простительны разве что русским эмигрантам, не имеющим представления о советской реальности. Такие призывы уместны в периоды революционных ситуаций, а не в стабильном обществе, уже пережившем революцию, выдержавшем великую разрушительную войну и победившем в ней, накопившем опыт и выработавшем устойчивые традиции. Известно, что в прошлую войну в первые месяцы несколько миллионов советских солдат сдались в плен немцам. Многие надеются на нечто подобное в будущей войне, аргументируя

свои надежды тем, что советские люди не верят в коммунизм и недовольны своим образом жизни. Здесь не представляется возможным подробно рассмотреть эту проблему. Лишь пару слов скажу. Я сам встретил ту войну, находясь на западной границе. Мне повезло: я избежал участи плена. Уверяю вас, большинство советских солдат попадало в плен не из-за политических соображений, а из-за глупости командования и стечения обстоятельств. В плен сдавались армии и дивизии, а не просто отдельные солдаты, имевшие возможность выбора. В будущей войне ничего подобного не произойдет. Советская армия уже не окажется снова в таком же положении. Она извлекла уроки. К тому же военная инициатива в мире сейчас принадлежит Советскому Союзу. И Запад должен это понять и принять реалистические меры самозащиты, а не надеяться на призраки прошлого и мифы, создаваемые невеждами и безответственными глупцами (если не хуже того).

В России сохранилось еще очень много деревень, похожих на дореволюционные деревни и вызывающих тоску по безвозвратно ушедшему прошлому. Можно увидеть еще и сценки, которые возможно истолковать по аналогии со сценками, описанными в классической русской литературе и изображенными на картинках «передвижников». Но абстрактная возможность еще не есть реальность. Можно Ленина и Сталина истолковать по аналогии с царями, хотя это глубочайшее заблуждение, ибо Ленин и Сталин были носителями народовластия, были народными вождями. Можно марксистскую идеологию истолковать по аналогии с религией, хотя это тоже грубая ошибка, ибо идеология антирелигиозна. Можно и о нынешних русских деревнях говорить со слезой умиления перед некоей неизменной Русью (мол, ленины и сталины приходят и уходят, а русский народ остается). Однако нынешние русские деревни уже знакомы с радиоприемниками, телевизорами, мотоциклами, холодильниками. Я уж не говорю о кино и книгах. По начитанности иные русские деревни дадут сто очков вперед многим западным городам.

Одним словом, не спешите с выводами, увидев копающихся в грязи женщин: среди них могут оказаться имеющие среднее образование. Не спешите с выводами, увидев качающегося небрежно одетого пьяного человека на улице: он может оказаться интеллигентом с ученой степенью. Не спешите с выводами, увидев в церкви образованных людей, молодую венчающуюся пару или члена партии, тайно крестящего свое чадо: во всем этом может не быть абсолютно никакой подлинной религиозности. Не спешите с выводами, увидев на улице нелепо одетого солдата: он может оказаться грозным

воином, способным без колебаний отправлять на тот свет тысячи людей, на каких им укажут командиры.

Наконец, протестующие. Они, безусловно, суть характерное явление современной русской жизни. Но увидеть их здесь гораздо труднее, чем пьяниц, бездельников, верующих, солдат, орденосцев и занятых тяжелым физическим трудом женщин. Если они изредка появляются открыто на улицах городов (очень немногих, между прочим), их немедленно забирает милиция как нарушителей общественного порядка, а то и с более серьезной формулировкой. Чаще их разыскивают иностранные журналисты на частных квартирах или, вернее, они сами дают о себе знать журналистам. На Западе на эту тему столько написано и наговорено, что я вряд ли смогу добавить нечто новое. Я об этом высказывался неоднократно и не хочу повторяться. Ограничусь коротким замечанием. Советское оппозиционное движение, именуемое чаще диссидентским, обладает одной особенностью, на которую почти никто не обращает внимания: это – несоответствие между делами оппозиционеров, с одной стороны, и шумом по поводу этих дел, наказаниями за них, с другой стороны. Конечно, в условиях тяжелого советского режима порой даже ничтожный намек на сомнение в добропорядочности режима требует большого гражданского мужества. И я отдаю таким мужественным личностям должное. Но все же иногда не мешает применять и иные масштабы измерения – исторические и социологические. Так, в сравнении с огромными размерами страны и ужасами, которые она пережила и переживает из-за господствующего в ней социального строя, имевший место и продолжающийся протест кажется просто жалким, исчезающе ничтожным, практически не имеющим серьезного влияния на внешнюю и внутреннюю политику руководства. И нет никаких серьезных оснований надеяться, что в ближайшее время положение изменится в лучшую (для оппозиции) сторону. Главное препятствие развития оппозиционного движения – не только и даже не столько репрессии со стороны властей и отсутствие поддержки со стороны широких масс населения, сколько естественные условия существования общества, исключаящие (в наше время, по крайней мере) возможность выработки позитивной программы преобразований общества, которая смогла бы объединить достаточно большое число людей и сделать движение преемственным. Рассчеты Запада на внутренние противоречия в советском обществе поэтому можно отнести за счет все тех же иллюзий, неосведомленности или заведомого обмана. Случай с советским обществом не есть истори-

ческое исключение. Вспомните об ордах Чингис-хана! Сколько потребовалось веков, прежде чем татаро-монгольское нашествие ослабло в силу внутренних причин?! А в этом случае дело может растянуться на тысячелетия. И в отличие от татаро-монгольского нашествия Советский Союз постарается навязать Западу свой образ жизни, от которого уже не будет пути назад.

О «МОДЕЛЯХ» КОММУНИЗМА*

Сейчас модно говорить о моделях коммунизма как организации общества, как образа жизни. Во-первых, модно употреблять словечко «модель», ибо оно свидетельствует о причастности к современной науке. Во-вторых, модно думать, будто возможны другие формы коммунистического общества, отличающиеся от Советского Союза и стран советского блока, ибо это свидетельствует о прогрессивности воззрений. Некоторые усматривают различные «модели» коммунизма уже в Венгрии, Румынии и Югославии, забывая или не зная о том, что положение там не лучше, чем в Советском Союзе. Еврокоммунисты обещают построить на Западе «коммунизм с человеческим лицом» или «демократический коммунизм», т.е. коммунизм с сохранением демократических свобод и высокого уровня жизни. Есть даже такие, которые считают, что в Советском Союзе коммунизм (социализм) построен неправильно.

В самом деле, возможны ли различные «модели» (т.е. типы, формы) коммунистического общества? В этом вопросе есть аспект чисто терминологический и аспект принципиальный. Аспект терминологический: что считать различными формами коммунизма? Советский Союз, например, есть огромная страна. И в ней коммунизм имеет некоторые различия в России, Грузии, Азербайджане и других республиках. Порой эти различия серьезнее, чем различия между Советским Союзом и Югославией. Даже на территории России имеются серьезные различия. Жители отдаленных от Москвы мест смотрят на условия жизни в Москве так же, как москвичи — на условия жизни на Западе. В Москве можно колбасу достать,

* Апрель 1980.

а в провинции об этом и не мечтают. В Москве диссиденты появляются, и не всех их сажают в тюрьмы. В провинции об этом и думать нечего – раздавят в самом начале и без всякого следа. Что это – различные «модели» коммунизма или нет? Очевидно, нет. Говоря о различных «моделях», имеют в виду различия более серьезные, затрагивающие самые основы социального строя, именно: рабочее самоуправление на предприятиях, ослабление или отсутствие бюрократии, гражданские свободы, многопартийную систему, фермерский тип хозяйства в деревне и т.д. Короче говоря, берут за отправной пункт Советский Союз и отсекают отрицательные явления его образа жизни. Отрицательные, конечно, по мнению тех, кто сочиняет более приличные, чем в Советском Союзе, «модели» коммунизма. Организаторы массовых репрессий в сталинские времена и их поклонники на Западе не считали эти репрессии отрицательным явлением. Число людей, считающих однопартийную систему лучшей формой организации власти, исчисляется многими миллионами. Абсолютного зла нет, как нет и абсолютного добра. Подавляющее большинство советского народа отвергло бы систему самоуправления на предприятиях, если бы ему ее даже навязали силой, и эта система выродилась бы в пустую формальность или в систему гангстеризма.

Принципиальный аспект проблемы состоит в следующем: возможно ли коммунистическое общество с демократическими свободами, с многопартийной системой, с самоуправлением на предприятиях, со слабой бюрократизацией и другими качествами, которые сторонники несветской «модели» считают положительными? Есть общие социальные законы, не зависящие от воли и желания людей, не зависящие в том числе и от обещаний тех, кто хочет построить коммунизм «с человеческим лицом». Эти законы имеют силу как в Советском Союзе, так и на Западе. Советская «модель» коммунизма сложилась в соответствии с этими законами, а не по злему умыслу советских коммунистов. Например, в современном обществе с большим числом людей и с развитой системой хозяйства и культуры неизбежна иерархия управления и социальных позиций людей, есть некоторая необходимая величина людей, занятых в системе управления. А в обществе, в котором ликвидированы отношения собственности и классы независимых собственников, любое число различных партий в конце концов будет заменено одной (путем победы одной или слияния всех в одну), ибо в этом обществе партии вообще теряют политический характер, становясь стержнем и ядром государственного аппарата. Короче говоря, по независящим

от воли и желания людей причинам коммунизм «с человеческим лицом», который обещают еврокоммунисты и критики советской «модели» коммунизма, возможен в той же мере, в какой возможен капитализм без денег и прибыли. Вариации, конечно, возможны. Но они не существенны с социологической точки зрения. Например, возможно коммунистическое общество, в котором не будут репрессировать борцов за права человека. При условии, конечно, если не будет самих этих борцов. При Сталине, например, их не было.

И НА СОЛНЦЕ ЕСТЬ ПЯТНА...*

Есть люди, для которых диссидентское движение есть их жизнь, их судьба, их призвание и даже отчасти профессия. А для меня это есть всего лишь объект для наблюдения, тема для размышлений. Для меня это есть лишь одно из явлений коммунистического общества, причем – явление далеко не самое главное. Я не претендую на ореол борца за права человека, за свободу и справедливость, за благо для народа. Я даже не претендую на ореол жертвы советского режима. Хотя я всю свою жизнь вел с ним борьбу, и мой жизненный путь не был усыпан розами, в большей мере режим есть моя жертва, чем я его. Режиму в конечном итоге от меня досталось больше, чем мне от него.

Позиция советского человека, изучающего диссидентское движение, но не принадлежащего к нему, неизбежно оказывается двойственной даже при самых лучших намерениях. С одной стороны, это движение имеет черты жертвенности и героизма, на что в первую очередь обращают внимание сами диссиденты и сочувствующие им, а также те, кто так или иначе заинтересованы в существовании диссидентского движения. Естественно, упомянутым лицам хочется (и они имеют на то известные основания), чтобы диссидентам пели дифирамбы, говорили о их высоких моральных качествах, высоком интеллектуальном уровне, благородных целях, огромных последствиях их деятельности. Но с другой стороны, это движение есть явление массовое и к тому же характерный продукт коммунистического общества. Оно само находится во власти социальных законов. Участники его – советские люди, поведение которых определяется идеологизированным

* Апрель 1980.

сознанием и социальными нормами этого общества. Это движение происходит в рамках советского общества. И оценивать его следует именно как элемент жизни этого общества, в сопоставлении с прочими явлениями жизни этого общества. А в таком аспекте дифирамбы о диссидентском движении и его участниках выглядят как преувеличения и временами даже как ложь. И потому человек, желающий говорить правду в этом аспекте рассмотрения проблемы, будет выглядеть недоброжелательно относящимся к диссидентам. Например, если вы скажете, что лозунг борьбы за права человека есть лишь внешнее идеологическое оформление разнородного по составу диссидентского движения, что этот лозунг порою совершенно чужд психологии и мотивам, толкнувшим человека в это движение, что этот лозунг не имеет глубоких оснований в обществе, что в коммунистическом обществе он просто лишен реального смысла в качестве программы преобразований, что диссидентское движение не представляет интересов более или менее широких слоев населения, то ваши утверждения будут расценены как официальная позиция властей, и вас причислят к армии агентов КГБ. При этом не посчитаются с тем банальным фактом, что всякое общественное движение нуждается в идеологическом оформлении, которое никогда не совпадает буквально с практической природой и целями движения, что историю делают живые люди со всеми их недостатками, а не ангелы, что в оппозицию часто выталкиваются далеко не лучшие представители рода человеческого. Диссидентское движение есть явление советское, и беспристрастная правда о нем столь же раздражительна для его участников и поклонников, как правда о коммунизме для его апологетов.

Но от суда истории все равно не уйдешь. Вспомните декабристов! С точки зрения массовости движения, близости его к народу, положительных целей и готовности сражаться за них это движение неизмеримо превосходит диссидентство. И все же история не пощадила и его. И оно от этого не стало казаться меньше по своим масштабам. Скорее наоборот. Горькие слова о советском диссидентстве все равно будут сказаны. А сейчас, когда оно переживает глубокий кризис, правда о его недостатках была бы гораздо более полезна для самого движения и его преемников, чем высокопарные слова о достоинствах, которые общеизвестны и не подлежат сомнению. Я не претендую на глубокий и всесторонний критический анализ диссидентского движения. Ограничусь лишь несколькими соображениями на этот счет.

Причину упадка диссидентского движения в Советском

Союзе все видят в усилении репрессий со стороны властей. Верно, конечно, что репрессии усилились. Но дело в том, что усиление репрессий само отчасти стимулировалось ослаблением движения в силу иного рода причин. Отмечу некоторые из этих причин. Прежде всего бросаются в глаза преувеличенные расчеты лидеров диссидентского движения на гласность и сенсацию, которая переросла в непомерное тщеславие и самомнение. Ситуация сложилась так, что многие видные диссиденты стали играть социальные роли, аналогичные ролям кинозвезд и популярных певцов. Это стремление к паблисити и тщеславию есть характерная болезнь нашего времени. В Советском Союзе они сильно стимулировались влиянием Запада, где даже политические деятели превратились во многом в актеров за счет политики. Конечно, стремление к известности играло в Советском Союзе роль средства самозащиты. Но есть неумолимые законы общественной психологии, по которым чрезмерная защита чего-то переходит в самоцель, поглощающую ту цель, ради которой она возникла. Из-за этой слабости диссидентских генералов и героев в этом движении ничто не выросло до степени идейной зрелости. Всё сразу же пускалось в оборот и обозначалось явно. До тех пор, пока диссидентское движение не обретет свою нерекламную интимную жизнь и не избавится от театрального тщеславия, и думать нечего о его глубоких корнях в толще населения и преемственности. Концентрация внимания общественности на отдельных фигурах диссидентского движения и на отдельных действиях, ставших удобными штампами для журналистской шумихи, нанесло не меньший ущерб движению, чем погромы со стороны властей. Она препятствовала притоку новых сил в движение, особенно – из молодежи. Главными фигурами движения стали люди более или менее известные, которые по тем или иным причинам стали совершать поступки, вызывающие широкую реакцию на Западе, а не люди, которые могли бы оказывать более глубокое влияние на своих соотечественников, стимулирующее их на незаметную и совсем несенсационную, но более перспективную работу в пользу движения.

В диссидентское движение приходили, как правило, люди, не имевшие специального политологического, социологического, философского образования и навыков понимания явлений общественной жизни. Исторически накопленная культура в этой области игнорировалась совсем или подвергалась осмеянию. Достаточно было обругать советское общество и разоблачить его язвы, как разоблачающий автоматически возносился в своем самомнении над официальной

советской наукой и идеологией, воспринимал себя единственно правильно понимающим советское общество. Достаточно было подвергнуться репрессиям, чтобы ощутить себя экспертом в понимании советского общества. И надо сказать, что Запад поддерживал и культивировал эту тенденцию. И продолжает это делать до сих пор. Диссиденты и жертвы советского режима стали в глазах Запада главными специалистами по Советскому Союзу. В этом есть свой плюс: разоблачение советского режима. Но при этом осталось в тени главное и более опасное для цивилизации содержание коммунистического образа жизни, основы его живучести, причины его притягательности для людей, причины и источники его силы и стремлений к мировому господству и т.д. На деле диссидентские суждения об обществе были всего лишь кустарными домыслами дилетантов, не имевшими почти никакого успеха даже в кругах интеллигенции, симпатизировавшей диссидентам. Интеллектуальный уровень диссидентской мысли не смог практически превзойти уровень даже официальной советской науки и идеологии в лице ее лучших представителей. Достаточно взять для этого некоторые соображения диссидентов по поводу преобразований общества, чтобы увидеть чудовищную беспомощность их в социальном мышлении. Собственно говоря, мало кто вообще воспринимал диссидентство с этой точки зрения, сводя его роль исключительно к разоблачению язв общества и к протесту против них. А между тем без научных исследований коммунистического общества выработать серьезную позитивную программу действий оппозиционного движения практически абсолютно невозможно.

Известно, что большое число диссидентов эмигрировало на Запад. Каждый по отдельности нашел оправдание этой эмиграции для себя и для прессы. Но это – иллюзия оправдания с социальной точки зрения. Если принимать благородные намерения диссидентов за чистую монету, в современных условиях эмиграция есть фактически измена диссидентскому движению. Эмигрировавшие диссиденты уехали, как они уверяют, в силу необходимости и с намерением еще лучше служить делу диссидентства. Но кого мы обманываем? Представьте себе армию в тяжелом положении, генералы которой покидают ее, скрываясь в безопасное место, оправдывая это намерением лучше командовать ею. Что это? Дезертирство. Ситуация в данном случае аналогична дезертирству, какие бы высокие мотивы ни выдвигались при этом. Такая готовность дезертировать свидетельствует об отсутствии в значительной части диссидентского движения

глубоких психологических оснований диссидентства. Создается впечатление, что многие люди пришли в диссидентское движение из неких рациональных расчетов, а не в силу внутренней психологической неизбежности. По-человечески я понимаю, что эмиграция лучше, чем тюрьма. Но до тех пор, пока в диссидентском движении не станут массовым явлением люди, которые будут предпочитать тюрьму и казнь эмиграции, это движение не станет глубоким, неистребимым и преемственным. Я знаю, что в Советском Союзе такие люди есть. Я преклоняюсь перед ними. Я уверен, что именно они продолжат дело, начатое диссидентами прошедшего периода.

Нынешнее диссидентское движение есть лишь преходящая форма внутреннего сопротивления коммунистическому режиму. Оно есть первый в истории коммунистического общества опыт такого рода. Честь и хвала ему за это! Но не мешает подумать и об уроках этого опыта и о возможностях новых форм сопротивления.

ПОЧЕМУ МЫ РАБЫ *

Страна рабов, – говорил о России Лермонтов. Рабы, сверху донизу все рабы, – говорил о русском народе Чернышевский. Изменилось ли что-нибудь в России с тех пор? Да, изменилось: новая форма рабства пришла на смену старой. Мы по-прежнему остаемся рабами. В чем заключается наше рабское положение и рабская прихология? И почему мы остаемся рабами, несмотря ни на что? Ответ на первый вопрос очевиден: мы прикреплены к месту работы и месту жительства, мы ограничены во всех существенных проявлениях нашей жизни и потребностях, мы подвергаемся наказанию за малейшие попытки обрести свободу и независимость не только в поведении, но даже в мыслях. Ответить на второй вопрос честно и правдиво – дело гораздо более трудное: этому мешают те самые психологические причины, в силу которых мы остаемся рабами.

Известны два ответа на второй вопрос. Первый из них – апологетический, второй – критический. Первый заключается в следующем. Безусловно, люди и в коммунистическом обществе как-то ограничены в своих мыслях и в своем поведении. Но эти ограничения разумны, обусловлены интересами коллективов, в которые входят люди, и интересами общества в целом. Без этих ограничений в обществе наступили бы хаос, произвол, деградация и распад. Второй ответ (критический) заключается в следующем: некоторая часть граждан общества захватила власть над остальными и осуществляет свое насилие над ними. Оба ответа верны. Но каждый из них отражает лишь одну сторону дела. И оба они вместе не дают целую истину. В тени остается еще одна часть

* Май 1980.

истины, может быть, самая главная: мы принимаем систему рабства добровольно.

Потому проблема «Почему мы рабы?» есть в глубине своей проблема «Почему мы предпочитаем быть рабами?». В каждую эпоху эта проблема имеет свое решение. Решение ее для нашего современного, коммунистического рабства в общих чертах банально: потому что коммунизм есть не столько неизбежность, насилие и обман, сколько соблазн и искушение. Коммунизм не только в учениях теоретиков, в пропаганде и в лозунгах есть соблазн и искушение, но и в реальном его воплощении. Теперь – главным образом в реальном воплощении. Вот в чем корень зла! Когда апологеты коммунизма утверждают, что коммунизм есть движение и стремление миллионов людей и в интересах миллионов людей, они говорят правду. Но не всю правду: они умалчивают о том, что основой и стимулом движения и стремления является именно соблазн и искушение. Коммунизм в основе своей и прежде всего несет облегчение и освобождение. И лишь на этой основе и затем он несет утяжеление жизни и закрепощение. Но он несет с собою одного рода освобождение и для одних людей и другого рода закрепощение и для других. И несет их так, что люди сразу видят освобождение, и оно им кажется абсолютным, но лишь потом ощущают закрепощение, и оно уже кажется им естественным и само собой разумеющимся.

Общество, в котором мы живем, не есть нечто изначально данное. Оно есть продукт исторического процесса, в котором боролись и продолжают бороться две тенденции, – цивилизаторская и коммунистическая (или коммунальная). Первая тенденция есть карабкание какой-то небольшой части человечества вверх, движение против потока человеческой стихии, преодоление сопротивления природной и общественной среды. Вторая тенденция есть падение подавляющей массы человечества вниз, движение ее по течению человеческой стихии, движение по линии наименьшего сопротивления. Первая есть сопротивление второй, ограничение стихийных сил второй, стремление повысить уровень социальной организации людей. Основу ее образует труд, личный риск, личная инициатива и личная ответственность за действия, самоограничение, привносимое морально-правовым самосознанием и прочие ценности цивилизации. Социальный строй, выросший из этой тенденции и, вместе с тем, сохранявший ее, породил современные блага цивилизации и одновременно неразрывно связанные с ними язвы ее. Люди, однако, связали в своем воображении с этим строем не только его собственные не-

достатки, но и всё то зло, какое несла и несет с собою коммунистическая тенденция и против которого в первую очередь была направлена социальная система, выросшая из цивилизаторской тенденции. Умами и сердцами людей овладело убеждение, будто причиной всех зол в мире является именно тот самый социальный строй, в рамках которого были достигнуты блага цивилизации, будто с уничтожением этого строя исчезнут все отрицательные явления современной общественной жизни. Именно в этой разрушительной, а не в созидательной деятельности, люди увидели путь в счастливое будущее.

И вот коммунистическая тенденция восторжествовала в значительной части планеты. Рухнули иллюзии насчет всеобщего рая на Земле. Обнаружились язвы коммунистического образа жизни, не уступающие язвам прошлого, а кое в чем и превосходящие их. И что же? Уменьшилась ли тяга в мире к коммунизму? Наоборот, она многократно возросла. Почему? Да потому что реальный коммунизм хотя и не принес с собою всеобщего благополучия и не устранил всех язв бытия, он все же в некоторой мере удовлетворил великий исторический соблазн людей жить стадно, без тяжкого труда, без постоянных самоограничений, без риска и личной ответственности за сделанное, беззаботно, упрощенно, с гарантированным удовлетворением необходимых жизненных потребностей. Коммунизм удовлетворил этот соблазн лишь в очень малой степени. Но этой степени оказалось достаточно, чтобы инициативу и власть в обществе захватили люди, предпочитающие именно такой образ жизни, чтобы люди паразитально быстро приспособились к новому строю жизни, примирились с его недостатками и осознали его достоинства. Люди капитулировали перед своими собственными стихийными силами, сбросили с себя напряжение, к которому их вынуждала прежняя система жизни и вздохнули с облегчением. Отказ от борьбы, отказ от карабканья вверх и от движения против течения приносит людям прежде всего облегчение – падение какое-то время ощущается как полет. Люди при этом не думают о том, что будет потом, а именно – что вслед за облегчением приходят все необходимые атрибуты рабства – хозяева, надсмотрщики, палачи. Когда люди это замечают, бывает уже поздно. Они уже оказываются во власти самих себя, ибо они эти атрибуты рабства несут уже в себе самих. Наше рабство есть наша добровольная плата за ничтожное и лишь временное облегчение от тягот цивилизаторской тенденции.

Современное рабство интересно еще тем, что оно в

огромной степени сравнительно с прошлым обществом расширяет численно круг членов общества, наделенных официальной властью над другими, и дает почти каждому рядовому члену общества крупицу фактической власти над ближними. Это общество до невиданных доселе размеров увеличивает массу власти, наделяя ею и миллионы своих рядовых членов. Наделяет по тем же законам, по каким вообще распределяются блага в этом обществе, – каждому соответственно его социальному положению. Но все же наделяет. Это такое рабство, в котором рабское положение компенсируется возможностью для каждого видеть в окружающих подвластные ему существа, – здесь вместо свободы предлагается возможность лишать свободы других, т.е. соучастие в закрепощении. Не стремление быть свободными, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе, – вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами. Результаты эрзац-свободы видны сразу и всем. Результаты борьбы за реальную свободу осознаются лишь через много поколений, да и то немногими.

Одним словом, нам удобно быть рабами. Быть рабами – много легче и проще, чем не быть ими. Мы сами осуществляем насилие друг над другом. Мы сами общими усилиями делаем нас самих своими собственными рабами и благодаря этому становимся рабами других. Именно в этом главным образом коренятся причины нашего рабства, а не во внешнем насилии и не в законах организации общества. Мы капитулируем перед объективными законами и внешним насилием потому, что сами предпочитаем образ жизни, делающий нас рабами. Вот в чем ужас нашего положения. Можно бороться против внешних насильников. Можно ограничивать действие объективных сил природы и общества. Но бороться против самих себя и добиваться успеха – задача непостижимо трудная даже для богов. А мы – всего лишь люди.

И это было бы еще полбеды: мы привыкли быть рабами. Беда в том, что мы несем свое рабство другим. Несем под знаменами свободы. И добиваемся успеха. И отрезаем себе всякую надежду на освобождение. Когда все рабы, понятие рабства теряет смысл.

ДРАКА - ВЕЩЬ СЕРЬЕЗНАЯ*

Многие критики моих книг расценили мою идейную позицию как предельный пессимизм. Я категорически протестую против этого. Наоборот, моя позиция есть скорее предельный оптимизм. Только я сами эти явления – пессимизм и оптимизм – понимаю совсем не в пошлом обывательском смысле. Представь себе такую ситуацию. Наш отряд окружил противник, во много раз превосходящий нас по силам. Будет ли оптимистом человек, который скажет, что противник слаб, и что мы его разгромим? Будет ли пессимистом человек, который скажет, что противник много сильнее нас, и что шансов уцелеть у нас никаких нет? Нет, конечно. Пессимизм и оптимизм суть явления психологии, лежащие совсем в другом разрезе бытия. Тот, кто во втором случае скажет, что мы обречены, и потому будем драться до последней капли крови (как говорят русские: погибать, так с музыкой), не будет пессимистом. Он будет оптимистом, но оптимистом особого рода – оптимистом историческим. Исторический оптимизм означает следующее: знать правду, какой бы беспощадной она ни была, и драться, чего бы это ни стоило. Исторический оптимизм не рассчитывает ни на кого и ни на что, кроме самого себя и кроме драки.

Но драка – дело серьезное. Она имеет свои законы, без соблюдения которых она теряет великий исторический смысл. Приведу в качестве примера один из них, на мой взгляд – особенно важный в наше время.

В детстве и юности мне довольно часто приходилось драться, причем – никогда по моей инициативе: я только защищался. Когда мой противник был примерно равен мне

* Февраль 1980 г. Из письма Андрею М.

по силам, исход драки иногда был в мою пользу, иногда – в пользу противника. Но если противник значительно превосходил меня по силам или если на меня нападало сразу несколько человек, обычно я побеждал или по крайней мере не терпел поражения. Почему так? Объясняется этот странный на первый взгляд феномен очень просто. Поясню примером. Однажды меня подстерегли и окружили ребята с соседней улицы. Их было человек десять. И многие из них по отдельности были сильнее меня. Я сказал им следующее: «Первому из вас, кто коснется меня, я вырву глаза, а потом делайте со мной, что хотите!». Они знали меня. Знали, что я сдержу свое слово. И они расступились. И я ушел своей дорогой. Пример этот весьма поучителен. Они были во много раз сильнее меня. Потому они хотели избить меня, но при этом не пострадать самим. Они не хотели что-то терять. А у меня не было иного выхода, как сражаться всеми доступными мне средствами. Я готов был потерять всё, но при этом готов был нанести врагу максимально доступный мне ущерб. Потом я обобщил для себя ситуации такого рода в особом моральном принципе. Вот он. Защищайся всегда и при любых обстоятельствах. Если нападающий на тебя враг во много превосходит тебя по силам, ты имеешь моральное право использовать для самозащиты любые доступные тебе средства. При этом ты должен сражаться до конца, не страшась никаких потерь и стремясь нанести врагу максимально возможный ущерб. Я думаю, что в наше время, когда на отдельного человека обрушивается мощь больших человеческих коллективов и целого государства, этот моральный принцип напрашивается сам собой и оправдывается вопиющим неравенством сил. Он вполне уместен и во взаимоотношениях малых стран и огромных агрессивных стран, неизмеримо превосходящих первые в военном отношении. Готовность пойти на любые потери и сражаться до конца, готовность нанести врагу серьезный ущерб, – это очень серьезный фактор в борьбе, порой сводящий к нулю все преимущества более сильного противника. Этот фактор эффективен только как средство самозащиты, но ни в коем случае не как средство нападения: в качестве средства нападения он порождает превосходящее его сопротивление.

Лица, вступающие в борьбу с язвами коммунистического общества, с первых же шагов сталкиваются со следующей моральной проблемой. В борьбу вступают слабые одиночки, почти совсем не защищенные правовыми нормами общества и силой общественного мнения, а противостоит им могучее государство с его карательными органами и масса населения,

хотя и сочувствующая в некоторой мере бунтующим одиночкам, но практически так или иначе сотрудничающая с властями. Если в этой обстановке бунтари будут следовать правилам морали в том смысле, что будут всегда искренни и откровенны, не будут хитрить и изворачиваться, не будут притворяться и обманывать и т.д., то они тем самым облегчат карательным органам борьбу с ними и с первых же шагов обрекут свой бунт на бесследное поражение. А если они будут действовать как обычные представители коммунистического общества и будут преступать упомянутые правила морали, они тем самым появятся на свет с червоточиной, которая в конце концов изнутри погубит их дело, какими бы благородными целями они ни руководствовались в целом. Как решить эту проблему? Допустимо ли нарушение правил морали согласно тому принципу морали, о котором я говорил выше? Где проходит та граница, когда можно строго различить нападение и самозащиту? Является ли бунт одиночек против данного общественного устройства формой самозащиты людей от какого-то насилия? Тут не так-то всё просто. Наоборот, человек, вступивший в конфликт с обществом на высокоидейных основаниях и с возвышенными целями, оказывается в запутанной сети моральных проблем, о которых он ранее даже не подозревал. И по моим наблюдениям, редко кому удается выбраться из этой сети, сохранив свою душевную чистоту.

У меня нет безапелляционного решения проблем такого рода. И я все же склоняюсь к такой мысли. Самая глубокая борьба против язв коммунистического режима есть борьба за ограничение законов поведения и взаимоотношений людей в больших человеческих коллективах, которые я сравнительно подробно описал в моих книгах. Карательные действия властей суть лишь суммарное проявление этих законов, а не фундамент режима. И потому создание морально ясных и чистых образцов поведения, чего бы это ни стоило, есть необходимое условие серьезности, преемственности и перспективности этой борьбы. Борьба против режима в формах поведения, аналогичных формам поведения самих защитников режима, может принести временный успех. Но в конечном итоге она несет с собой цинизм, усталость и разочарование. У истоков борьбы должна быть морально чистая и светлая жертва, а не корысть, тщеславие, расчет, делячество. Думаю, что одна из причин слабости диссидентского движения в Советском Союзе состоит в том, что ему не удалось устоять от искушений и пороков породившего его общества.

Те проблемы, о которых я говорил, суть лишь приманки в сети моральных ловушек, которые встречаются на пути бунтарства. А вот и ловушки. Несут ли лица, борющиеся за те или иные общественные преобразования, моральную ответственность за плохие последствия этих преобразований? Можно ли морально оправдывать действия людей, не отдающих себе отчета в возможных негативных последствиях своих действий? Можно ли оправдывать свои действия добрыми намерениями и невозможностью предвидеть их плохие последствия? Страшный опыт борьбы за коммунизм и существование коммунистических стран дает достаточно богатый материал для размышлений на эти темы. И этот опыт не должен пропасть даром, дабы самим не оказаться потом в положении мерзавцев, совершающих гнусные преступления во имя светлых идеалов. Далее, имеет ли моральное право отдельный человек или группа людей выступать в своих действиях от имени более широких масс людей, изображать свои личные интересы как интересы этих масс? Стоит ли говорить о том, что все общепринятые истины на этот счет наше время поставило под сомнение, и мы всё должны начинать заново и на пустом месте. Опять-таки у меня нет готовых решений на этот счет, жизнь одного человека слишком ничтожна для этого. Но все же для себя лично я склоняюсь к такому решению. В основе протеста в условиях коммунистической системы должно лежать решение одиночек сражаться лично за себя, за личностное начало в себе, за свое достоинство и независимость. Лишь единство таких одиночек может породить массовый протест как серьезный и постоянно действующий фактор будущей истории. Единство, но не организация. Организация есть явление сугубо коммунистическое. Лишь единство бунтующих, сопротивляющихся, осознающих себя в качестве суверенных личностей одиночек может стать сильным средством сопротивления коммунистической лавине истории.

Сорок с лишним лет назад я открыто заявил о своем протесте против культа Сталина. И одно это короткое заявление перевернуло всю мою жизнь. Все, знавшие меня и как-то посвященные в суть моей истории, были поражены: зачем я это сделал? Но для меня ответ был банален: потому что я иначе не мог. Вот в чем суть дела: иначе человек не может поступать! Личностный бунт (это я осознал много позднее) оправдан морально лишь при том условии, если человек не может поступать иначе в силу своей внутренней душевной ситуации. Он не может быть оправдан, если мотивируется корыстью, тщеславием, практическим расчетом и прочими

рационально постижимыми явлениями. Морально оправданный бунт не нуждается в обосновании и оправдании. Он иррационален и не имеет причин. Он имеет лишь следствия, а восставший имеет лишь судьбу.

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ*

Вопрос: Что Вы считаете наиболее интересным в современном мире с точки зрения литературы?

Ответ: Появление нового типа читателя. Благодаря современному образованию, средствам информации и коммуникации, пропаганде достижений науки и техники, доступности произведений искусства и многим другим обстоятельствам появилось много высоко образованных и широкоосведомленных людей, по отношению к которым традиционная литература представляется уже неадекватной. Такой новый читатель умнее, образованнее и культурнее подавляющего большинства писателей, продолжающих творить в духе привычных литературных традиций. Кроме того, появление новых форм и средств отражения действительности и творческой деятельности (кино, телевидение, фотография, эссеистика, научно-популярная литература, прикладное искусство) оказало огромное влияние на сам способ восприятия мира людьми. Теперь даже самый средний читатель способен сам делать многое такое, что до сих пор считается делом профессиональных писателей (например, делать описания внешности людей и красот природы). С другой стороны, он теперь нуждается во многом таком, чего ему не способны дать профессиональные писатели (например, в научном анализе фактов своей повседневной жизни). Добавьте к этому еще тот факт, что теперь многие тысячи людей заняты устным литературным творчеством (шутки, устные короткие новеллы, анекдоты), причем – на таком уровне, какой совершенно не по силам подавляющему большинству профессиональных писателей. Так что вполне естественно полу-

* Сентябрь 1979 г. Интервью радиостанции «Свобода». Вела интервью И. Каневская.

чилось отставание литературы от уровня и потребностей наиболее развитой в интеллектуальном отношении части общества.

Вопрос: Каковы причины такого отставания? Можно ли считать, что в этом повинна социальная система Советского Союза, в частности – цензура и жестокий идеологический контроль за литературой?

Ответ: Бесспорно, социальный строй страны оказывает существенное влияние на состояние литературы. Но дело не только в нем. Многим писателям кажется, что если бы им разрешили писать всё, что они хотят, то они сразу начали бы создавать шедевры. Но опыт последних двух десятилетий показал, что дело не только и даже не столько в запретах. Сейчас многие пишут, не считаясь с запретами. А шедевры можно на пальцах пересчитать. Чтобы создавать литературные произведения, адекватные уровню того читателя, о котором я говорил, надо еще обладать многими качествами, каких нет у подавляющего большинства современных писателей. В том числе – надо самому писателю выйти из среды таких читателей, самому быть человеком такого типа и даже значительно превосходить средний уровень. Надо многое знать такое, чего обычные писатели не знают и не способны познать, быть свободным от многих литературных предрассудков, быть на уровне устного языкового творчества самой интеллигентной части общества. А это не так-то просто. Писатели, способные преодолеть упомянутое отставание, должны родиться и созреть для этой роли. А если они почувствуют в себе силу сделать такое, они не будут считаться ни с какой цензурой, ни с какими союзами писателей, ни с какой литературной критикой. Но, повторяю, тут мало желания правдиво описать те или иные явления жизни. Тут надо еще суметь правду сказать в таких литературных формах, которые адекватны менталитету читателя.

Вопрос: А как Вы себе представляете эти литературные формы?

Ответ: Я не литературовед. К тому же литература пока еще дала слишком мало материала для обобщений и классификации. Лично моему вкусу отвечает литература, неизмеримо более концентрированная по мысли, чем традиционная, избегающая излишних описаний, использующая понятийный аппарат науки и приемы научного мышления, несущая богатую информацию, использующая любые литературные формы в рамках одного произведения, если они дают нужный эффект, близкая к устному творчеству. Я вовсе не призываю всех писателей сочинять именно такие книги. Это – лишь одна из возможных линий литературы.

Вопрос: Как Вы расцениваете с этой точки зрения Ваши собственные книги? К какого рода жанру Вы их сами относите?

Ответ: Я бы отнес их к жанру нестандартных, неклассифицируемых книг. Писал я их уже в довольно зрелом возрасте, вкладывая в них свой многолетний и довольно разнообразный жизненный опыт. Писал в ненормальных условиях, не считаясь ни с какими литературными традициями и нормами. И о литературе я вообще не думал. Я спешил свести свои личные счеты с тем обществом, в котором прожил жизнь, сказать, что я о нем думаю, очистить душу от накопленных мыслей. Лишь по мере написания «Зияющих высот» я осознал, что делаю нечто в области литературы.

Вопрос: Можно ли в таком случае сказать, что Ваши книги написались так помимо вашей воли, стихийно, в силу обстоятельств?

Ответ: Конечно, такой элемент стихийности и вынужденности я отрицать не могу. Но все же я с самого начала отдавал себе отчет в своих возможностях и вкусах. Я еще в юности собирался стать писателем. И кое-что писал. Из армии я демобилизовался с чемоданом рукописей. Но, к счастью, моя литературная карьера застопорилась тогда в самом начале. Я с детства принимал участие в изготовлении стенных газет (карикатуры, стихи, фельетоны). Имел большую практику в устном литературном творчестве, – импровизации, анекдоты, шутки. Много лет читал всякого рода лекции, насыщая их литературными отступлениями. Читал много, само собой разумеется. И ко времени написания своих книг уже имел четкие литературные идеалы, материал и опыт сочинительства. Хотя я и начал писать свои книги не с намерением стать писателем, но то, что я писал, я сознательно писал именно в такой форме. Специфические условия моей жизни в то время способствовали проявлению этой литературной формы, которая до этого содержалась во мне лишь в потенции. Как говорится, нет худа без добра.

Вопрос: Как Вы определяете свое место в литературе с точки зрения продолжения каких-то традиций? Кого Вы считаете своими предшественниками? Чье влияние Вы сами видите в своих книгах?

Ответ: Ответить на этот вопрос в категорической форме я не могу. Дело в том, что люди часто забывают или сознательно умалчивают о действительных источниках их идей и влияниях, часто усматривают преемственность там, где ее фактически не было. Человек формируется в определенной культурной среде, испытывая многочисленные влияния и

занимая определенное место во временной последовательности событий, что общеизвестно. Но часто люди воспроизводят какие-то феномены культуры независимо от того, были они прошлым или нет, порой даже не зная о их существовании в прошлом. Сейчас советская жизнь порождает многие явления, для которых можно без особого труда найти аналоги в прошлом. Но они – продукт сегодняшней жизни, а не некоей исторической преемственности. Так вот, я чисто-сердечно заявляю: я никому сознательно не подражал, не следовал сознательно никакой традиции, никого не принимал в качестве учителей. Я писал и пишу, исходя из потребности изложить определенные мысли относительно современного общества, используя доступные мне языковые средства и нисколько не заботясь о том, как подобные проблемы решали другие писатели.

Вопрос: К какой литературе Вы себя причисляете – к русской или советской?

Ответ: Проблема эта чисто терминологическая. Выражение «советская литература» двусмысленно. Оно обозначает литературу просоветскую, апологетическую. Оно обозначает также литературу, создаваемую советскими писателями и на материале советской жизни. К советской литературе во втором смысле относится и такая, которая критикует советское общество. Сюда относится и литература, создаваемая и распространяемая нелегально – литература «самиздата». Выражение «русская литература» тоже стало многосмысленным. На русском языке говорят и пишут многие люди, которые не имеют никакого отношения к нынешнему русскому народу и не отражают его современную реальную жизнь. Такова, например, литература первой русской эмиграции. Кстати сказать, даже крупные писатели ее не были приняты современной Россией не только из-за запретов властей, но и из-за чуждости современному русскому народу содержания, языка и духа их книг. Хорошо это или плохо – это другой вопрос. Но это – факт с которым надо считаться. Современный русский народ, повторяю, в подавляющем большинстве и в главном есть теперь народ советский. Он перемешался в значительной мере с другими народами, в особенности – в центрах культуры. В русскоязычном населении в Советском Союзе выработался способ мышления и язык, которые дают естественную базу для русскоязычной литературы, существенно отличающейся от старой, дореволюционной русской литературы. Я не хочу сказать что это – абсолютно новое явление, – традиции старой русской литературы живы и будут жить. Я хочу лишь сказать, что возникло новое

литературное качество. Дело не в названиях «русская литература» и «советская литература». Существенно тут другое, а именно: ориентация литературы на возврат к прошлому или на движение вперед. Стремление возродить традиции старой русской литературы и навязать их литературе нынешней может выражать фактически стремление тянуть русскую литературу назад, в прошлое. Это стремление практически бесперспективно с точки зрения прогресса литературы. Советский народ первым в истории человечества проложил путь к коммунизму. Подчеркиваю, я не употребляю здесь оценок и не хочу сказать, что это хорошо или плохо, а лишь констатирую факт. И описать, что на самом деле представляет собою новое общество, есть историческая привилегия именно советского писателя. И глупо отдавать ее другому, глупо упускать возможность создания на этом материале и новыми языковыми средствами нового феномена в литературе. Я утверждаю, что советские писатели (т.е. писатели, живущие в Советском Союзе и знающие советский образ жизни) имеют реальную возможность описать нарождающееся коммунистическое общество во всей глубине и полноте. И если современную русскоязычную литературу, создаваемую на материале советской жизни и советскими (в упомянутом смысле) писателями, отнести к литературе советской, то лишь в ней есть возможность для литературного прогресса. Я уверен, что эта литература будет пробивать себе дорогу несмотря ни на какие запреты. Так вот, я отношусь к этой линии русскоязычной советской литературы. Нравится это мне или нет, буду я это признавать субъективно или нет, никакой роли не играет. Это есть реальный факт.

Вопрос: Каковы перспективы русскоязычной литературы здесь, на Западе, в эмиграции?

Ответ: Советские писатели, эмигрировавшие на Запад, вывезли с собою запас знаний о жизни в Советском Союзе. На этом материале они создают и могут еще создавать отдельные произведения, заслуживающие высокой оценки. Но серьезная литература в отрыве от жизни своего народа практически невозможна. Если приток свежих литературных сил в эмиграцию будет постоянным, запреты на критическую литературу в Советском Союзе будут усиливаться, советские писатели будут иметь больше возможностей публиковаться на Западе, русскоязычная литература в эмиграции может стать явлением в истории литературы беспрецедентным. Но это «если» маловероятно. Подавляющее большинство русскоязычных писателей стремится и будет стремиться писать в рамках легальных возможностей в Советском Союзе

по причинам вполне понятным. В «самиздат» и «тамиздат» выпадают и будут выпадать лишь одиночки. Конечно, этот факт влияет и будет влиять на состояние советской литературы. Но это будет все равно лишь ручеек общего потока русско-советской литературы. Что касается русского языка и русского образа мышления, наивно думать, будто незначительная часть людей, говорящих на русском языке и отделившаяся от многомиллионного русского народа, является хранителем некоего подлинного русского языка, некоего подлинного русского духа. Это — лишь маленькое ответвление от огромного потока или даже застойная заводь, а не сам поток.

О КОММУНИЗМЕ, ЗАПАДЕ, РОССИИ, ЛИТЕРАТУРЕ *

Вопрос: В «Intern. Herald Tribune» 13 сентября этого года появилось изложение Вашей беседы с американским журналистом в Вашингтоне. Оно вызвало кривотолки. В этой статье, в частности, сообщается, будто бы Вы стремитесь к бытовому комфорту; нынешних советских руководителей предпочитаете диссидентам и т.п. Как Вы относитесь к таким сообщениям?

Ответ: Оставляю их без внимания. Я уже привык к тому, что мои мысли в той или иной мере обычно искажаются, и не придаю этому большого значения. Это – нормальное явление в человеческом языковом общении. В тех примерах, которые Вы привели, по всей вероятности сработала типичная ошибка – отождествление содержания утверждения с личными симпатиями или антипатиями говорящего. Я говорил, например, что советские люди хотят иметь самые обычные житейские блага – хорошую еду, одежду, квартиры и прочее. Иногда это истолковывают так, будто я сам стремлюсь к житейским благам. Хотя на самом деле я больше склонен к аскетизму. Я говорил, например, что советские люди предпочитают нынешних своих руководителей диссидентам. Иногда это истолковывают так, будто я сам склоняюсь к такому предпочтению. Хотя на самом деле я несколько не симпатизирую советским руководителями и симпатизирую диссидентам, что очевидно из моих книг. Другая типичная ошибка – отождествление убеждений моих литературных персонажей с моими собственными. С этим я сталкиваюсь буквально на каждом шагу.

* Октябрь 1979 г. Интервью журналу «Время и мы». Вел интервью В. Перельман.

Вопрос: Ну а если на минуту допустить такую возможность, что диссиденты стали во главе власти в Советском Союзе. Что по-Вашему произошло бы и как Вы отнеслись бы к такому чуду? В частности, вернулись бы Вы в Советский Союз, в новую Россию, переделанную в соответствии с идеалами диссидентов?

Ответ: Есть определенные правила поведения людей у власти и определенные правила функционирования аппарата власти. Нарушить эти правила не в силах никто, в том числе и диссиденты. Заняв посты, они, может быть, порыпались бы некоторое время, а потом стали бы делать то же самое, что и нынешние руководители. Только еще хуже, ибо они не имеют опыта руководства большими массами людей. Положение в стране зависит не от личных качеств вождей, а от сложной системы социальных отношений, которые изменить сейчас не способна никакая группа людей, никакая партия. Лично я решил бы, если бы такое чудо произошло, что советские власти либо совсем сошли с ума, либо задумали какую-то грандиозную пакость. В частности, начать новую мировую войну, а вину свалить потом на диссидентов. В Советский Союз я при этом не вернулся бы ни в коем случае, ибо это было бы еще опаснее для меня, чем при нынешнем руководстве. И вообще, в некую воображаемую новую Россию, преобразованную в соответствии с чаяниями противников нынешней ситуации в России, я не вернулся бы ни в коем случае, ибо эта «новая Россия» в реальном исполнении дала бы еще большую мразь, чем нынешняя.

Вопрос: Раз уж мы коснулись этого вопроса всерьез, не могли бы Вы сказать несколько слов, как Вы представляете перспективы России.

Ответ: Положение гораздо серьезнее, чем это представляет себе большинство людей, враждебно настроенных к советскому строю. Советский строй не есть только некая форма политического правления, которую при желании и благоприятных условиях можно заменить на другую. Он выражает самую глубокую социальную структуру общества, он адекватен последней. И заменить советский строй иной системой правления без разгрома страны и разрушения всего уклада жизни населения практически невозможно. Октябрьская революция была революцией глубоко социальной. А для нового социального переворота сейчас никаких условий нет. Может быть, они созреют через несколько столетий. Создание в России общества, подобного западным странам, в результате некоей внутренней эволюции абсолютно исключено. Что может произойти в результате военного поражения страны,

об этом лучше не думать. Но если даже Запад победит, у него не будет сил заниматься социальными преобразованиями в России. И уцелевшие люди воспроизведут нынешний строй жизни, но ни в коем случае не то, о чем мечтают некоторые российские эмигранты, ибо есть социальные законы, по коим это совершается, и законы эти не подвластны даже антикоммунистам (как и коммунистам, между прочим). Так что я представляю себе перспективы России именно в той форме, в какой я это изобразил в своих книгах.

Вопрос: А если в этой войне победит Советский Союз?

Ответ: Я уверен в том, что если это произойдет, Советский Союз будет не в состоянии использовать плоды победы. И борьба против коммунистических тенденций в человеческой истории на этом не прекратится, как показал опыт того же Советского Союза. Рано или поздно внутри коммунистических стран независимо от некоммунистического окружения начнется ожесточенная борьба за всё то, что образует человеческую цивилизацию, – за гражданские права, за демократические свободы, за лучшие бытовые условия, за гласность. Если такая борьба не начнется и не закрепится в каких-то результатах и традициях, то человечество будет деградировать.

Вопрос: Мы еще вернемся к этому вопросу. А сейчас я хочу спросить вас вот о чем. Вы упомянули об Октябрьской революции. В какой степени эта революция и ее продукт – Советская власть – суть чисто русские явления? Какова роль в этом представителей других народов?

Ответ: Я не историк и не могу точно описать меру участия в революции представителей различных наций и народностей России. Но я догадываюсь, куда Вы клоните. Есть концепция, согласно которой революцию устроили евреи, поляки, латыши и прочие нерусские люди и навязали русскому народу новый социальный строй обманом и силой. Мало сказать, что эта концепция – вздорная. Она есть в высшей степени вздорная, т.е. идиотская. То, что произошло в России, было делом многомиллионных масс населения. Это была народная революция в самом точном смысле слова. И воплощала эта народная революция в жизнь самые светлые идеалы человечества. При этом имело место насилие над самим народом, неслыханные жертвы, зверство и т.п. И что получилось из этого на самом деле, хорошо известно. Но это ничуть не опровергает народного характера революции. Русское население в большинстве своем приняло революцию как свою собственную, сыграло в ней решающую роль. Революция – это не только и не столько то, что происходило в Смольном или в Кремле. Это – грандиозный процесс,

происходивший во всей массе населения бывшей Российской империи. Попробуйте сейчас навязать русскому народу другой строй жизни, и вы увидите, чья это была революция: он будет до последнего защищать нынешний строй, как бы сейчас плохо ни жилось ему.

Я надеюсь, Вы не будете подозревать меня в том, что я обожаю нынешний социальный строй в России. У меня нет по отношению к нему никаких эмоций: я описываю его таким, каким вижу его и понимаю его. И постоянно подчеркиваю, что положение с коммунизмом как в Советском Союзе, так и в мире вообще гораздо серьезнее, чем это представляют себе многие критики коммунизма и обыватели на Западе.

Вопрос: Насколько я понимаю, тут мы касаемся центрального пункта Вашей концепции современного общества. Не могли бы Вы сделать сейчас хотя бы очень краткое пояснение на этот счет?

Ответ: Коммунистическое общество существует как эмпирический факт в Советском Союзе и других странах. В известном смысле в них реализовались все идеалы и принципы марксистского учения о коммунизме. Государство и партия утратили политический характер. Мораль и право из средства защиты людей друг от друга, от коллектива и от власти превратились в «технические» правила регулирования поведения людей в коллективе. Так что это можно рассматривать как реализацию предсказания классиков марксизма насчет отмирания надстроек. Все граждане имеют возможность отдавать свои способности на благо общества и развивать их, получают по труду и даже по потребностям. С одним, правда, коррективом: коллектив, общественные организации и власти определяют, каковы на самом деле способности индивида, каков его трудовой вклад в общество, какие его потребности приемлемы в качестве разумных и допустимых. Я утверждаю, что все недостатки коммунистического образа жизни суть не случайные и не преходящие явления, а необходимые спутники позитивных (с точки зрения апологетов и приверженцев коммунизма) его качеств. Лучшие мечты и идеалы человечества, воплощаясь в жизнь, с необходимостью порождают самые гнусные последствия. В том числе и массовые репрессии в Советском Союзе были проявлением и следствием доведенного до предела народо-властия. Но коммунизм существует не только в Советском Союзе и других социалистических странах. Он вырастает и в странах Запада из самых различных источников. Я имею в виду, например, определенного типа партии, гангстерские

банды, бюрократический аппарат, профессиональные касты, стремление большого числа людей иметь блага, не работая, политические спектакли и т.п. Коммунизм есть нормальное и естественное явление в каждом обществе с большим числом людей, с развитым хозяйством, со сложной системой управления. Цивилизация, в которой мы живем, есть на самом деле сопротивление коммунистической тенденции в человеческой истории. И только благодаря такому непрерывному сопротивлению коммунизму цивилизация может сохраниться и продолжиться. Это сопротивление имеет место не только в западных странах (кстати сказать, довольно слабое), но и в самих коммунистических странах. Проблема, таким образом, состоит не в том, чтобы выбрать одно из двух: коммунизм или западный образ жизни (цивилизация). Проблема состоит в том, чтобы найти эффективные средства сопротивления коммунизму везде и всегда. Без такого сопротивления нет никакой цивилизации. Оно столь же естественно, как и коммунистическая тенденция. Не такое стабильное состояние, а именно постоянная борьба этих двух сил – сил цивилизации (антикоммунизма) и антицивилизации (коммунизма) – есть неизбежная судьба человечества. Покоя нет и не будет. Вернее, покой есть смерть, и наступит он лишь вместе с гибелью цивилизации. Лишь эта гибель даст окончательное решение всех проблем. А пока человечество живо, оно обречено иметь дело с проблемами. В различные эпохи доминирует та или иная из упомянутых тенденций. Сейчас доминирует и является более активной коммунистическая.

Вопрос: А как Вы расцениваете поведение Запада с этой точки зрения? Считаете ли Вы, что Запад ведет себя правильно по отношению к коммунистическим странам или неправильно (как полагают многие советские эмигранты)?

Ответ: Смотря с какой точки зрения. Запад поступает соответственно своей натуре. И по-другому он вести себя не может. Если политики Запада попробуют вести более жесткую линию в отношении коммунистических стран, им свои же граждане не позволят. И отнюдь не из симпатий к коммунизму, а из своих чисто эгоистических интересов. Есть мнение, будто поведение Запада самоубийственно. Но я на этот счет полон оптимизма. Основание для этого такое: Запад до такой степени жалко выглядит перед лицом коммунизма, что даже уже на самоубийство не способен. Так что есть хоть какая-то надежда, что он уцелеет. Кроме того, я надеюсь, что Запад додумается до одной банальной истины: в защите от нападения (а Запад теперь – защищаемая сторона) все средства сопротивления оправданы. Так что

если не рассчитывать на победу и иметь целью как можно больше напакостить победителю, то можно придумать такое сравнительно дешевое и доступное для Запада оружие, применение которого угробит и победителя. Мстить победителю – это вещь очень серьезная. Мне кажется, что это единственное, что может остановить агрессию.

Вопрос: Тех, кто читает Ваши книги и слушает Ваши выступления, поражает прежде всего сама манера Вашего мышления, парадоксальность Ваших суждений, противоречие их с общепринятыми мнениями. Чем это объясняется? Есть это Ваша психологическая черта или принципиальное качество Вашего образа мыслей? Поскольку это очень важно, я попрошу Вас высказаться на эту тему подробнее.

Ответ: Многие поступки людей зависят от того, как они понимают окружающую их действительность, – от их мировоззрения. А последнее существенным образом зависит от методов понимания. Я хочу в этой сложной проблеме обратить внимание на следующее. Я различаю идеологический метод мышления и научный метод мышления. В сознании конкретных людей оба метода присутствуют в той или иной мере. Я буду употреблять выражение «идеологически думающий человек», если в его сознании доминирует идеологический метод мышления, и выражение «научно думающий человек», если в его сознании доминирует научный метод мышления. Научно думающий человек не обязательно является ученым по профессии, а идеологически думающий человек не обязательно идеолог по профессии. По моим наблюдениям подавляющее большинство ученых являются идеологически думающими людьми, а в сфере идеологии попадают научно думающие. Конечно, научно думающие люди чаще встречаются в сфере науки, а научно думающий человек в сфере идеологии есть большая редкость. Так что в этом смысле наука тяготеет к научному способу думания, а идеология – к идеологическому. Идеологический метод мышления доминирует в сознании подавляющего большинства людей. А в случае низкого образовательного уровня эти моменты научного способа мышления в сознании людей почти полностью отсутствуют. Здесь невозможно дать подробное описание этих методов мышления. Я назову лишь некоторые их свойства и поясню их на примерах. Идеологически думающий человек фиксирует непосредственно наблюдаемые факты и обобщает их без анализа. Его суждения догматичны и субъективны, т.е. несут на себе печать субъективных пристрастий. Суждения, полученные с помощью идеологического метода, включают в себя так или иначе личное отношение человека

к предмету, о котором высказываются суждения. Научно думающий человек стремится анализировать действительность, познать глубокие закономерности, которые незаметны для непосредственного наблюдения, исключить влияние своих пристрастий на результаты своих размышлений. Результаты идеологического метода мышления претендуют на непосредственное подтверждение наблюдаемыми фактами. Результаты научного метода мышления непосредственно с наблюдаемыми фактами не совпадают. Они не являются простым обобщением фактов. Они дают лишь средства, с помощью которых можно объяснить факты и предсказывать их. Научный метод мышления антидогматичен, непредубежден, гибок. Имеются и другие различия этих методов, но я ограничусь сказанным и приведу несколько примеров для ясности. Некоторый научно думающий человек А утверждает, что советский народ принимает свой нынешний социальный строй и предпочитает своих руководителей критикам советского образа жизни. Возможны различные идеологические интерпретации этого научного утверждения. Вот одна из них. Согласно А, утверждает идеологически думающий человек В, советский народ доволен своим образом жизни, любит своих руководителей и не любит критиков советского режима. Но это ошибочно. Фактически советский народ недоволен своим образом жизни, ненавидит своих руководителей и симпатизирует оппозиционерам. И имеются, якобы, многочисленные факты, подтверждающие это. Кроме того, как думает В, А симпатизирует советским руководителям и не симпатизирует оппозиционерам. Подчеркиваю, В думает так, поскольку он не отделяет личных пристрастий от объективных суждений. Однако с научной точки зрения возможно, что люди недовольны своим образом жизни и своими руководителями и одновременно принимают этот образ жизни и этих руководителей, как это и имеет место в Советском Союзе. Принимают не из преданности идеям коммунизма и не из любви к партии, правительству и лично товарищу Брежневу, над которым они на самом деле смеются, а совсем по другим причинам. Приведенный мною в качестве примера человек В принадлежит к числу критиков советского строя. Должен заметить, что идеологический и научный методы мышления в той или иной мере свойственны или не свойственны как апологетам советского общества, так и его критикам. Известно, например, что советские люди официально осуждают диссидентов. Идеологически думающие апологеты советского общества объясняют это доверием к руководству, любовью к своему строю и нелюбовью народа к диссидентам как к клеветникам,

тунеядцам, шпионам. Идеологически думающие критики советского общества объясняют это страхом репрессий. Но с научной точки зрения и то и другое лишено смысла. Большинство советских людей осуждает диссидентов искренне, но в соответствии со своей социальной природой и положением, которые не зависят от эмоций и веры или неверия. Другой пример. Апологеты советского строя утверждают, что марксизм есть истина, и приводят многочисленные примеры правоты марксизма. Критики же коммунизма утверждают, что марксизм есть ложь, и тоже приводят многочисленные примеры, опровергающие (по их мнению) положения марксизма. А между тем, марксизм не есть истина и не есть ложь, ибо марксизм есть не наука, а идеология. К суждениям идеологии применяются иные критерии оценки, чем к суждениям науки. Идеология может быть адекватна или неадекватна обществу, т.е. может соответствовать или не соответствовать менталитету граждан, может хорошо или плохо служить организации общественного сознания и т.д. Идеологически думающий человек склонен выдавать свои личные пристрастия за истину. Например, он замечает, что число людей, посещающих церкви в Москве, увеличивается. Среди них он видит много молодых людей. Это ему нравится. И он делает вывод, что в России начинается религиозное возрождение. Он желаемое выдает за действительное. Научно думающий человек может в этом случае без особых трудностей установить, что эти явления ничего общего с религиозным возрождением не имеют, что они суть лишь ложная форма и повод для чего-то другого, что они ничуть не колеблют государственную идеологию и не выражают существенных перемен в отношении населения к своему социальному строю. Идеологически думающий человек склонен к односторонним, поверхностным и жестким схемам. Возьмем, например, нынешнюю советскую эмиграцию. Каковы ее причины и последствия? Является она благом или злом для советской системы? Идеологически думающий критик советского общества считает, что она есть поражение советской системы, что ее причины являются сугубо политическими. На самом же деле советская эмиграция есть явление сложное и неоднородное, что она есть продукт различных социальных потоков, что в ней перемешаны многие противоположные интересы, судьбы, расчеты. И сущность ее со временем изменяется. Например, советские власти сначала не хотели разрешать эмиграцию. Но постепенно положение стало таким, что теперь эта эмиграция выглядит как продуманная и преднамеренная операция советских властей,

выгодная в первую очередь им и определенным кругам в Советском Союзе. В общем, нужна особая система понятий и методов познания, чтобы найти объяснение явлениям такого сложного целого, каким является современное общество. В своих книгах я и пытаюсь дать представление о научном методе мышления и изложить понимание общества, полученное этим методом, – ввести в литературу и в обычное мышление на социальные темы элементы научного стиля мышления. А это непривычно для большинства людей и требует подготовки и некоторого опыта. Думаю, что после моих книг читателям будет легче понимать работы других авторов, идущих в том же направлении.

Вопрос: Сейчас уже совершенно бесспорен факт существования двух русскоязычных литератур – подцензурной, печатаемой в Советском Союзе и неподцензурной, издаваемой в «самиздате» и на Западе. Что Вы можете сказать об их взаимоотношениях?

Ответ: Подцензурная литература должна быть благодарна неподцензурной за то, что из-за второй первая стала значительно свободнее. Власти чтобы как-то парализовать влияние неподцензурной литературы, разрешают подцензурной многое такое, что не разрешили бы, если бы не было неподцензурной. Кроме того, неподцензурная литература создает соблазны для официальных писателей и дает образцы в смысле новых литературных форм. В силу обстоятельств функции новаторства взяла на себя неподцензурная литература. Не представляет труда заметить ее влияние не прочую русскоязычную литературу. Трудно сказать, как долго может продолжаться такое положение. Но мне кажется, что неподцензурная литература свою историческую роль уже выполнила.

Вопрос: Вы второй год живете на Западе. Каково Ваше самоощущение здесь?

Ответ: Год – слишком малый срок, чтобы сделать определенные выводы. К тому же этот год был у меня настолько загруженным всякого рода работой, что не до «самоощущений» было. И в ближайшем будущем у меня столько всяких дел, что никакого времени для тоски по Родине и рефлексии по поводу оторванности от родной почвы не будет. Но одно совершенно ясно: что бы ни случилось, никаких сожалений и раскаяний по поводу содеянного мною не будет. Со стратегической точки зрения я свою жизнь построил правильно. Ее результатами я в основном удовлетворен, – это есть главное в моем самоощущении, где бы я ни находился. Что касается бытового аспекта, то это для меня есть нечто второстепенное...

Вопрос: А духовный аспект? Некоторые советские эмигранты жалуются на бездуховность Запада. А Вы, ощущаете ли Вы эту бездуховность?

Ответ: Я довольно часто слышал такого рода жалобы. Мол, здесь нет той духовной близости между людьми, какая обычна в Советском Союзе. И поговорить-то, мол, тут на должном духовном уровне не с кем и не о чем. И проблемы такие высокие, какие волнуют людей в Советском Союзе, здешним людям недоступны. И так далее в том же духе. Слушать такие жалобы довольно комично. Чтобы судить о степени духовности Запада и сравнивать ее с таковой в Советском Союзе, надо иметь к ней доступ, знать ее, изучать ее длительное время. Надо читать книги, газеты, журналы, ходить в театры и музеи, посещать выставки. Надо с людьми разговаривать. А жалуются обычно люди, которые не знают западных языков и фактически никак не соприкасаются с духовной культурой Запада. Жалуются часто люди, которые сами в высшей степени примитивны с точки зрения этой самой духовности. Эти жалобы стали модой и штампом. И заимствованы они из самокритичных признаний Запада, а не выстраданы своими глубокими познаниями и опытом. А жалобы Запада на самого себя не всегда надо понимать буквально. Порой то, что для Запада – низкий уровень, для советского человека – уровень недостижимый. Если Запад бездуховен, то Советский Союз в этом отношении антидуховен. Я пока никакого духовного голода здесь не чувствую. Люди, с которыми мне приходилось здесь сталкиваться, нисколько не уступают в духовном отношении советским людям, с которыми мы сталкивались в Москве, а многие из них заметно превосходят тех советских людей, которые кичатся своей высокой духовностью. Высокая российская духовность это продукт самообольщения, нелепая иллюзия, выражающая осознание фактической духовной ущербности российского человека. Эта иллюзия усиливается за счет весьма своеобразной гордыни, являющейся продуктом нашей трагической истории. Но я убежден в том, что разговоры о высокой духовности людей в России и о бездуховности Запада суть лишь иная форма тезиса официальной советской идеологии о том, что рядовой советский человек на голову выше любого западного человека. Это – один из важнейших пунктов идеологии советизма.

Вопрос: Вы, конечно, продолжаете здесь свою литературную деятельность. Каковы Ваши цели здесь как писателя?

Ответ: Мои цели как писателя очень просты: писать и быть прочитанным. Я пишу не для развлечения. Я пишу

книги не легкие для понимания. И знаю, что теперь не так-то уж много людей, которые относятся к чтению как к труду. Но все же такие люди есть. И мои книги читаются. А пишу я о том обществе, которое уже сложилось в России и угрожает Западу. Здесь уже многие понимают эту угрозу и интересуются, что она из себя представляет по существу. Дальше информирования людей о характере угрожающего им будущего мои цели не идут. Какие выводы сделают из моих книг читатели, это их личное дело.

Вопрос: Вы живете на Западе. Ваши книги в основном распространяются здесь, на Западе. Так что в некотором роде Вы есть писатель для Запада. Думаете ли Вы писать о западной жизни?

Ответ: Все мои книги суть книги и о западной жизни, только на фактическом материале Советского Союза. Я писал и пишу о явлениях общечеловеческих, но на материале классически развитого образца такого рода. Мне повезло: общие законы человеческой жизни в советских условиях заметить легче, чем на Западе. Разумеется, мой опыт жизни на Западе как-то войдет в мои книги. Но как именно, пока сказать не могу, ибо сам еще не знаю.

Вопрос: Вы, очевидно, уже познакомились с положением в среде российской и советской эмиграции, заметили множество группировок и лагерей. К какому из этих лагерей принадлежите Вы?

Ответ: Ни к какому. Я и в Советском Союзе был всегда одиночкой. Я общался с людьми, но ни к какой группе в строгом смысле слова принадлежности к группе я не примыкал. И здесь я в таком же положении – в мои годы невозможно перемениться. Это – моя личная психологическая позиция. Что касается моего мировоззрения, то оно у меня такое (о чем можно судить из моих книг), что я не могу законсервировать его, примкнув к какой-то группе, секте, партии. Оно у меня есть нечто живое. И я не хочу убивать его какой-либо односторонностью.

Вопрос: Сейчас циркулируют идеи объединения советской эмиграции. Как Вы на это смотрите?

Ответ: Кто хочет объединяться, пусть объединяется, – здесь, на Западе, это не запрещено. Я, повторяю, ни с кем объединяться не буду. И в перспективы такого объединения не верю. Я знаю советских людей (а советские люди остаются таковыми и на Западе). И знаю, что может выйти из объединения их здесь на Западе: советская система в миниатюре со всеми ее атрибутами – чиновничеством, расправой с инакомыслящими, цензурой и прочими престелами. Если даже эта

объединенная эмиграция будет заниматься антисоветской и вообще антикоммунистической деятельностью, она (вольно или невольно) даст сама пример коммунистического образа жизни, о котором я уже говорил выше. Это будет типичная социально-политическая мафия.

Вопрос: Сейчас на Западе печатается много журналов и книг на русском языке, представляющих русскую и советскую эмиграцию. Как Вы оцениваете эти издания? Отвечают ли они своей миссии?

Ответ: Конечно, отвечают. Своей (подчеркиваю) миссии они отвечают. Они выражают интересы и интеллектуальные потенции определенных людей и групп людей. Они обслуживают прежде всего самих себя. И надо думать, они собою довольны. И в этом, надо думать, и состоит их миссия. Другое дело – насколько хорошо они служат неким декларируемым ими общественным целям, программам. Но я что-то не встречал ни у кого четко сформулированной программы, по отношению к которой можно было бы дать оценку действиям по реализации этой программы. Потому с определенностью об этих изданиях можно сказать лишь то, что они существуют и являются для кого-то более или менее интересными. Лично я читал и читаю эти издания урывками и не отдаю предпочтения никакому из них.

Вопрос: А как Вы представляете себе печатный орган на Западе, который Вы сочли бы своим или по крайней мере наиболее близким к Вашему идеалу?

Ответ: Если Вы имеете в виду журнал, в котором я сам захотел бы регулярно сотрудничать, то таковой, увы, практически вряд ли возможен. Такой журнал должен быть явлением в культуре, а не в политике. Я считаю, что сейчас главным для русской и советской эмиграции, точнее говоря – для русскоязычной среды на Западе, является не обличение язв советского общества. Я не отвергаю этого дела, я сам этим занимаюсь, но я говорю здесь о главном среди многих дел. Так вот главное дело я вижу в создании выдающихся произведений культуры. Главное – не столько говорить о том, что могло бы быть или должно быть, сколько стать заметным образцом в этом возможном и должном. К журналистике это относится в особенности. Но, повторяю, в условиях советизма, хотя и перенесенного на Запад, такое явление в журнальной культуре не допустят прочие собратья по эмиграции. Да и западные организации определенного рода, действующие по тем же принципам, что и советские организации, т.е. по принципам коммунистического образа жизни, не допустят появления такого журнала. Возможно,

конечно, появление небольшой талантливой группы людей с претензией на такой журнал. Но сил ее надолго не хватит. И в этих условиях она скоро вырождается в заурядно-склочное явление в эмигрантской среде, тяготеющей к посредственности.

Вопрос: Из Ваших книг и выступлений ясно, что Вы не выдвигаете никакой положительной программы преобразований общества. Но скажите, пожалуйста, есть все-таки у Вас какой-то социальный идеал хотя бы лично для себя?

Ответ: Резюмеется, есть. Это – общество людей, в котором можно иногда встретить умных людей и часто – дураков, в котором встречаются люди с честью и бесчестные, добрые люди и злые, способные и бездарные... Это – общество, в котором можно сражаться за свои цели с риском для жизни, в котором проживаются годы страданий и минуты счастья... Короче говоря, мой социальный идеал – мир, как он существует сегодня и как он существовал раньше и как будет существовать в будущем. Но чтобы я сам в этом мире мог идти тем путем, каким хочу. С риском, с сопротивлением, с потерями, в общем – как подобает человеку моего идеала. Поймите меня правильно: мой идеал – не некое данное состояние, в котором мне и другим людям было бы комфортабельно, а человек, поступающий определенным образом в любом данном обществе, в любой ситуации. В моей книге «В преддверии рая» есть стихотворение, посвященное людям, которые грудью бросались на вражеские пулеметы, бросались с гранатами под вражеские танки и совершали прочие чисто мужские, на мой взгляд, поступки. Эти люди – детали моего человеческого, т.е. социального идеала. Дело не в некоем хорошем состоянии общества, которое должно быть достигнуто, – это пустая абстракция. Дело в людях. Другой человек есть высшая ценность и высший идеал для человека. Так что мой социальный идеал достижим в какой-то мере всегда и недостижим в полной мере никогда. Я – человек сегодняшнего дня. Мой идеал – поведение человека в происходящем, т.е. реальная жизнь.

Вопрос: И последний вопрос – о Боге и религии. Из Ваших книг очевидно, что эта проблема образует скрытую их пружину. Последняя Ваша книга – «В преддверии рая» – книга явно религиозная в известном смысле. Я бы хотел, чтобы Вы пояснили Вашу позицию в отношении религии.

Ответ: Я уже как-то говорил, что я по воспитанию в семье, в детстве, в личной судьбе и по психологии – человек глубоко религиозный, а по мировоззрению – атеист. Что это значит? Как может существовать такое противоестественное

с точки зрения некоторых людей явление? Помните, у Есенина: стыдно мне, что я в Бога верил, жалко мне, что не верю теперь. Об этой ситуации точнее не скажешь. В детстве я верил в Бога. И носил крест. Однажды в школе нас проверяли «на вшивость» (было когда-то и такое). Мне было стыдно оттого, что у меня могли заметить крестик. И я его снял потихоньку и куда-то спрятал. С тех пор я стал атеистом, постепенно – убежденным в своей неверии успехами науки и техники. Однако что-то во мне все-таки осталось от детства, ибо я всю свою жизнь прожил со смутным ощущением ангела-хранителя у себя... не помню уже, где он должен быть по словам моей бабушки и матери, – в нашем роду женщины были хранителями религиозности. Разумеется, я грешил в жизни много раз. Но я чувствую, что эти грехи мне отпустил бы любой приходской священник. В общем и целом я шел по жизни с чистой душой. Постепенно я выработал свою собственную систему принципов поведения, которая во многом оказалась сходной с религиозными учениями. Потом у меня выработался свой взгляд на религию, который частично представлен в книге «В преддверии рая». В двух словах суть моего литературного интереса к религии такова. Я допускаю чисто атеистическое современное общество и рассматриваю, как в нем зарождаются элементы религиозности и какой вид они приобретают в условиях общества с высоким уровнем культуры и образованности, какую роль они здесь играют. И атеист, ищущий своего Бога в этом обществе, т.е. верующий безбожник, есть явление вполне закономерное. Поиски Бога в этом обществе означают стремление сохраниться в качестве ЧЕЛОВЕКА.

О «ЖЕЛТОМ ДОМЕ»*

Вопрос: Вышел первый том Вашей новой книги «Желтый дом». Когда и где была написана книга?

Ответ: Начал писать эту книгу я еще в Москве в начале 1978 года и сделал там примерно половину работы. Но заканчивал уже здесь, в Мюнхене. Закончил осенью 1979 года. Это – моя первая книга, которую я имел возможность видеть целиком перед тем, как пустить ее в свет.

Вопрос: Когда появится второй том?

Ответ: Оба тома написаны одновременно. Разделение книги на два тома продиктовано чисто издательскими соображениями. Второй том должен появиться на русском языке в ближайшее время.

Вопрос: Каков общий замысел книги и основная ее идея?

Ответ: Основная проблема, рассматриваемая в книге, есть проблема взаимоотношений личности и коллектива в коммунистическом обществе, проблема «я» и «мы». Основная идея в решении ее – обреченность личности в ее стремлении отстоять себя в борьбе с коллективизмом.

Вопрос: Не думаете ли Вы, что эта книга еще более укрепит Вашу репутацию предельного пессимиста?

Ответ: Многие расценивают мою позицию как крайний пессимизм. Но я не могу с этим согласиться. Моя позиция в двух словах такова: коммунизм сам по себе не гарантирует благ цивилизации, за эти блага людям еще предстоит сражаться. Сражаться не год, не десятилетие, а, может быть, века. Предстоят великие жертвы. И никакой гарантии, что борьба будет успешной, и жертвы будут оправданы. Другого выхода нет.

* Март 1980 г. Интервью радиостанции «Свобода». Вела интервью И. Каневская.

Только драка! И всё зависит от способности людей драться и решаться на драку. Для тех, кто хочет сохранить жизненный комфорт или занять его, не прилагая к тому усилий и ничем не рискуя, т.е. для трусов, уставших от жизни пенсионеров и паразитов, такая позиция, конечно, пессимистична. Но с некоторой мужской или солдатской точки зрения такая позиция всего лишь реалистична. Можно ли солдатам, идущим на штурм сильно укрепленной крепости противника, гарантировать жизнь, награды, звания и пир победы?! Короче говоря, моя позиция как раз оптимистична, но это – оптимизм реальной жизни, которая в принципе невозможна без драки. И надо радоваться такой возможности. Не приведи, Боже, если когда-нибудь появится общество абсолютной справедливости, в котором каждый человек как по карточкам будет получать причитающуюся ему долю благ, так что даже диссидентам не к чему будет придрасться!

Вопрос: В Ваших книгах дается такая беспощадная критика русского народа, что многие считают Вас даже русофобом. Как Вы к этому относитесь? Не изменилось ли Ваше отношение к русскому народу в новой книге?

Ответ: Если бы мои книги могли свободно распространяться по России, реальный русский народ ни на мгновение не усомнился бы в том, что я каждой клеточкой своего тела и своей души есть человек глубоко русский. Но для меня русский народ – не пустая романтическая абстракция, а суровая реальность. Это прежде всего народ советский, самое полное выражение советскости, самый надежный ее оплот в стране. Потому и в «Желтом доме» я рисую довольно мрачную картину жизни русского народа. Потому лицемерить и заискивать перед ним из желания угодить ему и неким русофилам, предпочитающим почему-то жить все-таки вне любимого ими народа, я не буду никогда, что бы обо мне ни говорили эти люди.*

Вопрос: На Западе слова «русский» и «советский» обычно употребляются как синонимы. Некоторые советские эмигранты возражают против этого. Проблема эта довольно болезненная. Вы в своих книгах действительно описываете русский народ как народ советский. Но может быть есть в русском народе нечто такое, что заставляет нас различать русское и советское? Что Вы думаете по этому поводу?

Ответ: (См. статью «О русском народе»).

Вопрос: В прошлых книгах Вы не предлагали никакой

* Более подробно ответ на этот вопрос дан в статье «О русском»

положительной программы преобразований советского общества. Нет ли такой программы у Вас в «Желтом доме»?

Ответ: Мои литературные персонажи тоже имеют свои программы для своего личного поведения в обществе, а многие высказывают и программы преобразований общества. И очень странно, что критики не видят этого. Или, скорее, не хотят видеть. Например, персональный бунт. Пусть многие люди начнут сражаться лично за себя, а опыт бунта многочисленных одиночек подскажет и программу для общих усилий. Книга «В преддверии рая» по преимуществу программная в том смысле, что персонажи ее постоянно обдумывают проблему «Что делать?», а многие практически действуют в духе своих программ. Уже в «Зияющих высотах» были изображены реформаторы общества. А в «Желтом доме» я специально довольно подробно описал деятелей такого рода. Правда, должен признаться, что проектами преобразования общества в моих книгах занимаются главным образом шизофреники и дилетанты, что соответствует реальности Советского Союза. Но даже сумасшедшие и дилетанты отдают себе отчет в том, что такое реальный социализм, и не тратят времени и сил на обдумывание того, какой должен быть социально-политический строй в Советском Союзе после падения там социалистического строя.*

Вопрос: А какие проблемы, на Ваш взгляд, заслуживают сейчас внимания?

Ответ: Прежде всего моральные. Людям, вступающим в борьбу против язв коммунистического общества, не мешало бы время от времени задумываться над такими проблемами. Действовать по правилам жизни общества, т.е. хитрить, изворачиваться, обманывать, комбинировать, или идти с открытой душой и кристально чистой совестью? Несут ли лица, борющиеся за общественные преобразования, ответственность за плохие последствия этих преобразований? Можно ли оправдывать действия людей, не отдающих себе отчета в возможных негативных последствиях своих действий? Можно ли оправдывать свои действия добрыми намерениями и невозможностью предвидеть их плохие последствия? Имеет ли право отдельный человек или группа людей выступать от имени широких масс населения и изображать свои личные интересы как интересы этих масс? Как выбраться из таких моральных ловушек, сохранив душевную чистоту? И стоит ли вообще ее сохранять? Создание «позитивных» программ в нынешних

* Более подробно ответ на этот вопрос дан в статье «О русском народе».

условиях есть лишь уловка, позволяющая уклоняться от проблем такого рода. На практике это ведет к тому, что люди начинают свою борьбу с обществом средствами, диктуемыми им самим обществом. Это дает некоторый временный успех. Но в конечном счете это ведет к цинизму, делячеству, усталости и разочарованию. У истоков борьбы должна быть морально чистая жертва, а не корысть, тщеславие, расчет. В «Желтом доме» обсуждение идей такого рода является одной из основных линий повествования. Главный герой книги терпит крах потому, что оказался неспособным в своем конфликте с обществом избежать пороков этого общества.

О СОВЕТИЗМЕ*

1. О проблеме «Запад и Восток»

Бывают проблемы, когда обилие информации и слишком большое число людей, причастных к ним и заинтересованных в них, являются главным препятствием на пути их решения. Иногда такие проблемы бывают банальными, а участники обсуждения их стремятся всячески усложнить и запутать их. Зачем они это делают? Мотивы могут быть различными, например – желание оправдать свое существование, скрыть бессилие, прослыть умниками, поживиться за счет путаницы. Проблема «Запад и Восток» относится к числу проблем такого рода. К мотивам, побуждающим людей не искать тут ясности и определенности, можно присоединить нежелание знать угрожающую правду, нежелание действовать, корыстный расчет, давление общественного мнения. Игрет роль также прагматический строй мышления одних и идеологизированный других. Для меня лично эта проблема банальна, поскольку мне не нужно зарабатывать на жизнь и самоутверждаться за ее счет, не нужно думать об избрании на ответственный пост и заботиться о мнении коллег по партии. Кроме того, я вырос и прожил большую часть жизни в Советском Союзе. И потому во всем, что касается отношения Советского Союза к Западу, у меня вообще никакой проблемы не было и нет, а была всегда полная изначальная ясность. Конечно, западные мыслители могут себе позволить по сему поводу высокомерную реплику, что эта «изначальная ясность» есть лишь советская ограниченность. Не буду спорить. Пусть так. Член чингисхановской орды был, надо полагать, существом ограни-

* Май 1980 г. Ответы на вопросы читателей.

ченным сравнительно с современниками-европейцами. Но его ограниченные представления о целях и перспективах орды были изначально ближе к истине, чем самые изощренные соображения европейцев.

Если в советской официальной концепции взаимоотношений Запада и Востока отбросить внешнюю пропагандистскую и идеологическую форму и выделить ее практически действенную суть, то останется по крайней мере следующее. Проблема «Запад и Восток» есть лишь географическое название для проблемы сугубо социальной, а именно – для проблемы взаимоотношений между коммунистической и капиталистической тенденциями в современном мире. Борьба этих тенденций в наше время достигла высокой степени зрелости и остроты, приняв форму взаимоотношений великих держав. По всей вероятности она станет причиной будущей мировой войны (если, конечно, Запад не капитулирует мирно, «по-хорошему», как говорят в России). Примирение этих тенденций и нахождение некоего третьего пути – дело безнадежное. Сейчас коммунистическая тенденция является более активной. Она успешно наступает, а капиталистическая тенденция довольно вяло обороняется. Так называемое мирное их сосуществование – лишь форма их борьбы и этап в развитии этой борьбы. Цель коммунистической тенденции в этот период – максимально использовать Запад в своих интересах, усилить его разобщенность, деморализовать, запугать, вынудить к мирной капитуляции или подготовить к разгрому в будущей войне.

Я не хочу этим сказать, что победа коммунизма во всем мире фатально предрешена. Я хочу лишь обратить внимание на то, что конечная цель Востока в отношении Запада – разрушение и подчинение Запада. Эта цель действует при любых изменениях обстановки в мире. Она действует помимо воли и желания советских руководителей и советского народа. Действует как объективная тенденция системы их социальных отношений. Внутри советской системы нет сил, способных остановить ее движение в этом направлении. Лишь внешние ограничения способны тут что-то сделать, т.е. только внешняя равная или даже превосходящая сила. Никакие политические ухищрения Запада, никакие компромиссы, никакое лавирование и задабривание Советского Союза не способны остановить его бессознательную, тупую и неустрашимую целеустремленность, о которой я говорил. Только сила! Только явно обозначенная решимость сопротивляться! Всё остальное лишь способствует коммунистической атаке на мир, поощряет ее, вселяет в нее уверенность, помогает ей материально.

Неверие на Западе в упомянутую целеустремленность Советского Союза и доверие к советским обещаниям равносильно самоубийству. Особенно сейчас, когда борьба рассматриваемых тенденций вступает в весьма опасную стадию.

2. Об интервенции в Афганистан

Советская интервенция в Афганистан есть явление очень интересное с социологической точки зрения. Чего только не написали, не наговорили по этому поводу на Западе. Но все упустили из внимания главное в этом явлении. Почему упустили? Да потому что все рассматривают это явление в терминах некоего рационального расчета, хотя оно по сути своей иррационально. Конечно, для деятельности отдельных людей тут был и имеет место какой-то рациональный расчет. Конечно, не представляет труда постфактум примыслить тут какие-то рациональные соображения. Но в основе своей и в целом это явление, повторяю, иррационально. Практически и теоретически невозможно проследить всю совокупность причинно-следственных отношений в Советском Союзе и в мире, заставивших советское руководство принять решение о введении советских войск в Афганистан. Точно также это невозможно сделать в отношении последствий этой акции в мире. Логически правомерной здесь была лишь возможность предсказать эту акцию, что было задачей довольно простой. А с точки зрения здравого смысла тут уместно лишь думать об ответных мерах Запада на этот шаг Советского Союза в мировой игре.

Что бы ни думали и ни делали отдельные участники этой операции, в целом и в основе она была классическим примером к действию тенденции общества коммунистического типа распространяться в пространстве и проникать во все места планеты, куда есть малейшая возможность проникнуть. Это общество, как я уже говорил, не имеет в себе самом механизмов и сил, способных остановить действие этой тенденции. Оно растекается по поверхности Земли подобно воде, и лишь внешние препятствия способны положить границы этому растеканию. Обстановка в мире сложилась такая, что было бы удивительно, если бы Советский Союз не вторгся в Афганистан. Запад в связи с иранским кризисом обнаружил поразительную слабость. И даже самым слабоумным людям, имеющим даже минимальные сведения о положении в мире, должно было стать очевидным,

что советская интервенция в Афганистан практически пройдет безнаказанно.

Но советская система, как и всякая другая, противоречива. В частности, она решительна лишь в порывах и в самом начале, а потом в ее действиях появляется неуверенность и вялость, – обычное явление для потока, устремляющегося в образовавшуюся брешь. Если бы в афганской операции доминировал рациональный расчет, то советская армия вышла бы к океану, заняв часть территории Пакистана и Ирана. Шуму на Западе было бы немногим больше, но устрашающее воздействие советской интервенции на общественное мнение Запада было бы сильнее, а ответные действия Запада вряд ли превысили теперешние заметным образом. Более того, тогда Советский Союз мог бы совершить «великодушный» шаг – отвести через какое-то время войска из Ирана и Пакистана. И Запад за это вылизал бы советскому руководству предназначенное для этого место.

Советское вторжение в Афганистан сыграло для Запада и некоторую положительную роль: оно разрушило иллюзии многих людей насчет мирных намерений Советского Союза и послужило сигналом о его подлинных намерениях. Так что с точки зрения перспектив подготовки к будущей войне советская интервенция в Афганистан может оказать Советскому Союзу медвежью услугу, т.е. обернуться против него – аргумент в пользу тезиса об иррациональности этой акции.

3. О советском человеке

Всякий социальный строй стремится с целью самосохранения вывести адекватный ему тип человека, который и становится главным оплотом общества, носителем типа его социальности. Данный социальный строй затем воспроизводится главным образом как результат нормальной жизнедеятельности соответствующих ему граждан. В Советском Союзе после революции уже сменилось несколько поколений. Произошел грандиозный социальный отбор. Массы населения приспособились к новым условиям социального бытия. Так что теперь можно говорить о советском типе человека, являющемся носителем, оплотом и выразителем нового социального устройства.

Само собой разумеется, советские люди весьма разнообразны, они обладают некоторыми качествами, по которым их можно опознать именно как людей советских, подобно тому, как мы все-таки опознаем китайцев, хотя они для себя

различаются не меньше, чем европейцы. Качества, о которых я говорю, характеризуют советских людей как граждан общества социалистического (коммунистического). Они в той или иной мере и форме присущи и гражданам других социалистических стран. Этому аспекта дела я касаться не буду, — тут проблем нет. Говоря о качествах советского человека, имеют в виду именно те качества людей, живущих на территории Советского Союза, которые обусловлены коммунистическим образом жизни и благодаря которым этот образ жизни сохраняется.

Выделяя советский тип человека, я вовсе не хочу этим сказать, что все граждане Советского Союза обладают соответствующими качествами. Это, конечно, абстракция. Такие абстракции делались и делаются постоянно, когда считают возможным говорить о французском, русском, испанском типе человека. Характерные для абстрактного советского человека качества в реальных людях распределены в самых различных формах, сочетаниях и величинах. Подобно тому, как из того факта, что итальянцы — музыкальный народ, не следует, что каждый итальянец имеет хороший слух и голос, из факта принципиальной ненадежности советского человека в ситуациях определенного рода не следует, что среди советских людей вообще не встречаются надежные (для таких ситуаций) люди или что ненадежный человек ненадежен всегда и при всех обстоятельствах. Люди не математические величины и фигуры с четко определенными признаками, а живые, многосторонние, изменчивые существа. И дать определение советского человека по тем же принципам, по каким мы определяем, что такое треугольник, ромб, простое число, четное число, невозможно в принципе.

Качества человека как человека советского не являются биологически прирожденными. Они — продукт воспитания человека применительно к своим условиям существования, продукт социальной адаптации. Из этого не следует, что эти качества непрочны. Поскольку речь идет о воспроизводстве человеческого материала в огромных масштабах и в ряде поколений, эти качества оказываются относительно столько прочными, как и биологические. Последние ведь тоже суть продукт массового процесса приспособления. По этой причине описание советского человека как человека особого социального типа немислимо без описания типа его социальной среды, к которой он адаптируется. Будучи вырван из своей привычной социальной среды, советский человек теряет возможность проявить свои характерные качества (как по движениям рыбы, выброшенной на песок,

нельзя судить о ее качествах как существа, плавающего в воде).

Если хотите знать, что такое советский человек, возьмите идеализированное описание его в советской прессе и литературе и отбросьте розовую идеализацию (или придайте ей практический смысл), что сравнительно нетрудно сделать. И вы получите довольно точный портрет. Советская пресса и апологетическая литература (и другие средства культуры) не врут, — они лишь идеализируют фактическое положение дела. Вчитайтесь, взгляните, вдумайтесь внимательнее в эти апологетические портреты! И вы может быть сами, без посторонней помощи начнете замечать реальное существо под апологетическим гримом. И тогда оно в этом гриме покажется вам страшнее, чем без грима.

Короче говоря, надо взять характерные и типичные ситуации советского образа жизни и поставить вопрос: как в такой ситуации поступит нормальный советский человек? И из ответов на такие вопросы вы получите описание советского типа человека. Например, повышают цены на какие-то продукты. Будет советский человек устраивать демонстрации протеста? Ответ вы сами легко найдете: нет, конечно. Это — общая черта советских людей: покорность распоряжениям властей. Эта черта уживается с другой: привычка жить в сравнительно скверных условиях, терпеливость, готовность встречать трудности. Или поставьте другой вопрос: как поступит советский человек, если потребуются открыто выразить свое отношение к диссидентам? И тоже вы сами способны ответить: одобрит поведение властей и осудит поведение диссидентов. Тут сразу обнаруживается целый куст советских качеств: стремление помешать тем, кто нарушает как-то привычные формы поведения; холуйство перед властями; солидарность с большинством и с признанными формами поведения. Или еще вопрос: как советский человек оценивает советскую интервенцию в Афганистане. И в этом случае вы можете заранее предсказать ответ советского человека. Это будет ответ идеологически обработанного (как говорят в Советском Союзе, политически зрелого) человека. И опять-таки целый куст качеств выявляется: идеологизированное стандартное сознание, чувство ответственности за страну как за целое, готовность к жертвам и готовность других обрекать на жертвы. Короче говоря, из серии таких характеристических вопросов и ответов на них вы получите описание человека, адекватного советскому обществу и удобного с точки зрения его целостности и интересов как целого.

4. О вовлеченности в советскую систему

В Советском Союзе очень часто приходится слышать, как одни люди говорят о своих знакомых, что они – агенты КГБ. Причем, говорят друг о друге. И бывает при этом, что эти люди находятся в дружеских отношениях. Здесь, на Западе, в советско-эмигрантских кругах приходится слышать часто то же самое. Конечно, тут действует характерное качество советского человека быть актуальным или потенциальным предателем по отношению к ближнему. Из-за этого качества советский человек подозревает в ближнем существо того же рода, что и он сам. Но тут действует еще одно обстоятельство, которое не зависит от воли и желаний отдельных людей. Я называю его эффектом системности. Суть его состоит в том, что советский человек часто имеет дело со сложными организациями, причем – действующими в рамках советской системы. Эти организации действуют отнюдь не по принципам морали и права, – такие принципы в советском обществе вообще не являются актуально действенными. Эти организации, руководствуясь некими интересами дела и высшими соображениями, могут использовать любого человека в своих интересах, причем – самым различным образом. Деятельность этих организаций (КГБ и ЦК КПСС в первую очередь) многостороння. И хочет того человек или нет, он помимо своей воли оказывается вовлеченным в эту деятельность, может использоваться этими организациями подходящим образом. При этом индивидуальные особенности человека имеют значение, конечно. Но лишь для самих этих организаций: с учетом этих особенностей они определяют способ использования человека, его роль в их игре. И от этого человек не в силах уклониться, если рассматриваемые организации решили эту роль ему навязать. Есть, конечно, способы не быть вовлеченным в эту игру, например, – быть или стать полным ничтожеством, быть пассивным, исчезнуть вообще. Да и то это не всегда помогает. Советская система и в этих случаях может дать поведению людей нужную интерпретацию и даже мертвецов заставить плясать под свою дудочку.

Я лично не строю никаких иллюзий насчет того, что и я как-то вовлечен в расчеты соответствующих организаций ЦК КПСС и КГБ. Перед тем, как вытолкнуть меня из Советского Союза, там наверняка рассчитали, что именно такое действие по отношению ко мне наиболее рационально с точки зрения интересов советского общества, которое законно представляют и олицетворяют эти организации. Ана-

логичные расчеты производились и производятся в отношении тысяч других людей. И это естественно. Принципиально важно тут другое: как относиться к этому обстоятельству лично? Я утверждаю, что жить с оглядкой на него невозможно. Невозможно жить так, чтобы не давать никаких поводов для советских властей использовать ваше поведение каким-то образом. У меня лично есть мои собственные принципы поведения, и я их придерживаюсь, что бы обо мне ни думали в связи с этим другие и как бы советские власти ни использовали мои поступки. Когда я говорю, например, что советский социальный строй устойчив, что рассчитывать на конфликты в руководстве, на национальные конфликты, на религиозное возрождение и прочие желаемые кое-кому здесь явления нелепо, что диссидентское движение не поддерживается широкими слоями населения, многие здесь, на Западе (особенно – из старой русской и из второй эмиграции) говорят обо мне как об агенте КГБ (!), специально посланном на Запад для распространения коммунизма. Пусть говорят! Я предпочитаю такие слухи, чем быть лжецом и глупцом, рассказывающим сказки о слабости советского режима и обновлении несуществующей Руси за счет полуживого православия. И еще не известно, кто тут больше помогает советским властям.

Короче говоря, в проблеме «Кто ты есть?» с личной точки зрения главными являются твои собственные моральные убеждения, твоя собственная совесть, твое собственное знание о твоей деятельности, а не расчет на то, что о тебе подумают другие. Например, о человеке, которого КГБ выпустили на Запад, рассчитывая на то, что он причинит ущерб другому человеку, в свое время из других соображений выпущенному на тот же Запад, аморально говорить, будто он – агент КГБ, не имея точных доказательств того, что он на самом деле (т.е. формально и субъективно) есть агент КГБ. Тут, конечно, бывают случаи (и довольно часто), когда люди совершают поступки, которые принято называть молчаливым сговором с КГБ. Но такой сговор есть дело совести самого человека, пошедшего на такой сговор. Он подлежит той личной моральной оценке, о которой я говорил выше, лишь отчасти. Такие сговоры – реальный факт в жизни советских людей. Они суть обычный элемент социальной адаптации. Они используются советскими организациями особенно охотно. Например, диссидент, желающий эмигрировать, может дать знать КГБ (через их осведомителей, которые обычно так или иначе известны, или в официальных беседах), что он не будет заниматься антисоветской деятельностью. Этот шаг

может быть искренним, но может быть и чисто тактическим, что опять-таки есть дело совести самого человека. В какой-то степени вся советская («третья») эмиграция есть результат сговора с советскими властями и элемент в их расчетах. Обманываться на этот счет не стоит.

5. О моей позиции

Хочу высказаться на эту тему с полной ясностью и откровенностью. Мы все принимаем участие в какой-то жизненной борьбе. Но борющиеся в мире люди не распадаются на два лагеря так, что один заслуживает морального поощрения, а другой – порицания. Люди ведут борьбу в составе бесчисленных групп, находящихся в самых различных отношениях. Человек может занимать в своей ситуации борьбы позицию, которая морально безупречна, но группа, внутри которой он борется, может занимать в целом морально порицаемое положение в более сложной борьбе. Я начал бунтовать с юности. Но это не значит, что я хотел свергнуть советский строй. Мне такая идея в голову не приходила. Да и сейчас не приходит. Не приходит вовсе не потому, что я люблю этот строй, а потому, что это – не мое дело, я субъективно не вовлечен в борьбу в этом разрезе жизни. Мой бунт заключается в желании рассказать правду о том обществе, в котором я родился и вырос, – о моем обществе. Я и сейчас свои цели ограничиваю главным образом этим. Я уверен, что от знания правды об этом обществе выиграют и те, кто живет в нем и принимает его, а не только его враги. Может быть даже не столько враги. Я много лет работал как ученый. Мое желание было очень простое с точки зрения его понимания: улучшить ситуацию в моей области науки, создать оригинальную отечественную (советскую) школу в логике и философии, которая заняла бы почетное место в мировой науке. Так что я хотел тем самым укрепления престижа советской науки, а значит – и самого советского общества. И я не вижу до сих пор в этом ничего аморального. Как человек русский, я хотел, чтобы жизненные условия русского народа улучшились, чтобы он активнее начал сражаться за лучшую жизнь. Я критикую советское общество и его идеологию, я даже издеваюсь над ними. Но из этого никак не следует, что я ставлю своей целью их уничтожение. Для меня это – естественная среда моего появления и существования и объект моих размышлений. А всякие там эпитеты «просоветский», «антисоветский», «промарксистский»,

«антимарксистский» и т.п. я отвергаю просто как бессмысленные в моем случае. Я высказался на эту тему так подробно не столько потому, что это касается лично меня, сколько потому, что такая позиция характерна для многих тысяч и даже миллионов советских людей. Вот, кстати сказать, пример к моим суждениям о качествах советского человека. На моем примере можно хорошо видеть то, что сознание советского человека ориентировано во многом иначе, чем сознание людей западных. Потому довольно трудно добиться полного взаимопонимания.

ЗАПАД И МЫ*

Вопрос: Вы только что совершили поездку во Францию в связи с выходом в свет «В преддверии рая» на французском языке и в Испанию в связи с выходом в свет второго тома «Зияющих высот» на испанском языке. У Вас было много выступлений. Задавались, конечно, разнообразные вопросы. Высказывались, надо думать, возражения. Хотелось бы узнать о Ваших впечатлениях от этой поездки.

Ответ: Впечатлений много. Но я обычно импровизирую свои выступления. Потом забываю их, а пресса почему-то избегает сообщать о моих наиболее важных (на мой взгляд) заявлениях. Так что будет лучше, если Вы сами зададите мне какие-то вопросы, а я постараюсь припомнить, что я по сему поводу говорил.

Вопрос: Были, конечно, вопросы по поводу событий в Иране и Афганистане?

Ответ: В первую очередь. Между прочим, о том, что советские танки будут скоро в Афганистане, я говорил еще в Мюнхене в Доме Америки за несколько дней до советской интервенции в Афганистан. Но слушатели сочли это мое заявление за литературный прием. Я вовсе не считаю это свое предсказание признаком большого ума. Оно банально. Но оно банально для меня как человека советского. И непостижимо даже для самых осведомленных западных умников. Это, пожалуй, самое главное мое впечатление от контактов с западными людьми: различие в способе мышления. Но продолжу этот Афганский казус. Меня спрашивали о причинах советской интервенции. И сами предлагали свои

* Май 1980 г. Интервью радиостанции «Свобода». Вела интервью И. Каневская.

причинные объяснения, причем – одно другого глупее. Я говорил, что причинное объяснение тут лишено смысла. Тут нужны совсем иные понятия. Надо знать натуру этого зверя – Советского Союза. И надо знать возможности, которые представились ему в данном случае. И проблема окажется банальной. А натура этого существа такова, что оно стремится проникать повсюду, если есть малейшая возможность для этого. В случае с Афганистаном возможность оказалась великолепной, и было бы глупо, если бы советское руководство ее упустило. Запад обнаружил поразительную слабость в связи с иранским кризисом. Внутреннее положение в Советском Союзе таково, что интервенция в Афганистан давала подходящее средство решения многих проблем. Короче говоря, явление это многостороннее и сложное. И объяснять его надо в понятиях системных явлений, а не в понятиях причинно-следственных рядов. Но боюсь, что до моих слушателей и собеседников это не дошло.

Вопрос: А какого рода вопросы были по поводу иранского кризиса?

Ответ: В частности – что надо было делать и что следует делать в дальнейшем? На первую часть вопроса я ответил так. Есть общие правила решения проблем такого рода. Вот одно из таких правил. В первые полчаса после захвата американского посольства в Тегеране было достаточно батальона, чтобы решить проблему. Через шесть часов требовался бы уже полк. Через день требовалась дивизия. А через неделю всех вооруженных сил США было уже недостаточно. На вторую часть вопроса я ответил так. У американцев остался один единственный шанс выиграть партию в Иране: признать открыто, что они эту партию проиграли. Опять-таки слушатели сочли мой ответ за шутку. А между тем именно парадоксальность этого ответа больше отвечает сути дела, чем логически непротиворечивые, но совершенно пустые рассуждения, которые я встречал здесь в изобилии в газетах и журналах.

Вопрос: Кстати, наверняка спрашивали Ваше мнение о западных политиках и политических мыслителях, не так ли?

Ответ: Разумеется, спрашивали. Я отвечал по-разному в зависимости от настроения. В частности, был и такой ответ. Когда я жил в Москве, советские руководители казались мне идиотами, а после того, как я посмотрелся на политиков Запада, советские руководители стали казаться мне гениями.

Вопрос: А чем объясняется такое видимое превосходство советских руководителей? Не преимуществами же интеллекта?!

Ответ: Конечно, нет. Объясняется это исторически сложившейся ролью Советского Союза (ему принадлежит инициатива в мировой игре) и типом советской социальной системы. Советский Союз выступает на мировой арене как единый огромный зверь, а Запад – как стая враждующих друг с другом зверей разного калибра и разной породы. Советский Союз использует эту слабость Запада.

Вопрос: Но ведь Советский Союз тоже неоднороден. И в нем возможны конфликты в руководстве, межнациональные конфликты, религиозные. Ваши оппоненты, надо полагать, говорили об этом?

Ответ: Говорили. Но надежды на конфликты внутри советской империи свидетельствуют о полном непонимании сущности советской социальной системы и о незнании фактического положения дел. Конфликты в Советском Союзе есть и будут. Но они не настолько значительны, чтобы влиять на поведение его как целого. Вступая в борьбу с тигром, говорил я, глупо рассчитывать на противоречия между частями его могучего тела.

Вопрос: Одним словом, Советский Союз имеет преимущество перед Западом с этой точки зрения. А какие еще преимущества его Вы могли бы упомянуть?

Ответ: О преимуществах советской системы меня спрашивали довольно часто. Обычно я отвечал в таком духе. Например, на Западе есть еще много идиотов, которые верят в марксистские сказки насчет райской жизни при коммунизме, а в Советском Союзе таких идиотов почти не осталось.

Вопрос: И какова реакция на такие ответы?

Ответ: Превосходная. Сами же коммунисты смеются и аплодируют. И вообще, я убедился в том, что защита советского образа жизни воспринимается западными слушателями часто как убийственная критика, открытая же критика вызывает раздражение и протест, а порою воспринимается как апологетика.

Вопрос: Например?

Ответ: Например, рассказывал я о вещах, казалось бы, бесспорных – о бытовых условиях рядовых граждан в Советском Союзе, о социальном и экономическом неравенстве, о привилегиях и т.д. В ответ мне заявляли, что Советский Союз покорила космос. Буквально как в известной сатирической песне: «Зато мы делаем ракеты». Я напомнил моим оппонентам о том, что в свое время гитлеровцам ставили в заслугу строительство автомобильных дорог. Другие кричали, что Советский Союз спас Францию во второй мировой войне. Я напоминал моим оппонентам о захвате Советским

Союзом Восточной Европы. И в свою очередь задавал вопрос: а на кого теперь надеются французы перед лицом советской угрозы? Кто их спасет от Советского Союза? И не пора ли французам самим позаботиться о своей безопасности, а не надеяться на других? На США, как показывает опыт, надежды были сильно преувеличены. Вот в таком стиле идет легкая перепалка. Но в конечном итоге подавляющее большинство склоняется на мою сторону. В таких дискуссиях меня поражает строй мышления людей. Я говорю, например, о каких-то отрицательных явлениях в советском образе жизни. Мне возражают: на Западе имеет место то же самое. И затем из этого делают своеобразный психологический «вывод», будто в Советском Союзе таких отрицательных явлений вроде бы нет. Я поясняю, что из факта наличия на Западе отрицательных явлений никак не следует, что их нет в Советском Союзе. Но почему же в таком случае я говорю о них, если и Запад – не рай земной? Да потому, что Советский Союз претендует на преодоление этих язв капитализма, и я хочу сказать людям, что претензии эти ложны. Потому что коммунисты на Западе обещают построить общество без этих язв, и обещания эти абсурдны. Недостатки западного образа жизни общеизвестны, раскритикованы самими жителями Запада до мельчайших деталей. А недостатки реального коммунистического образа жизни мало известны на Западе и ставятся под сомнение, а то вообще воспринимаются как достоинства.

Вопрос: Что Вы можете сказать о том, как понимают на Западе советский образ жизни?

Ответ: Ничего хорошего. Советский образ жизни на Западе знают плохо. Разоблачительная литература и деятельность диссидентов привлекли внимание к крайностям советской системы. Это хорошо. Но они отвлекли внимание от нормального образа жизни в Советском Союзе, от условий нормального труда, быта, отдыха. Многие люди на Западе просто не хотят знать правду о советском образе жизни и не верят или верят с большим сомнением в то, что, казалось бы, должно быть очевидным (затруднения с жильем и пищей, прописка, коррупция, халтура, привилегии и т.п.). Это объясняется отчасти нежеланием расстаться с иллюзиями, желанием жить по-советски (тут таких желающих полно!), желанием выразить таким образом свое отрицательное отношение к западному образу жизни. Играет тут роль и правило «Сытый голодного не разумеет». Я не хочу здесь касаться того, как западные люди объясняют недостатки советского образа жизни, когда они эти недостатки признают. Это – ниже

всякой критики. Я не перестаю поражаться тому, как плохо люди конца двадцатого века, живущие в цивилизованных странах с высоким уровнем культуры, понимают жизнь своих близких соседей по материку. Думаю, что рядовые граждане Советского Союза лучше осведомлены о жизни на Западе, чем западные граждане о жизни в Советском Союзе. Дело в том, что на Западе не ведется такая систематическая и централизованная идеологическая обработка населения, какая ведется в Советском Союзе. А в такой идеологической обработке людям сообщается много верного. Ошибочно рассматривать советскую идеологическую работу только как обман. Обман действует тогда хорошо, когда он является идеологической трансформацией правды. А на Западе, между прочим, вести систематическую разъяснительную работу о жизни в Советском Союзе очень трудно, а порою практически невозможно. Этому препятствуют влиятельные силы самого западного общества помимо коммунистов, влияние которых здесь ощущается везде. Порою иногда кажется, будто в учреждениях Запада, формирующих общественное мнение, в правящих кругах, в кругах литераторов и ученых сидят специально назначенные советские цензоры и дают соответствующие указания. Это получается не столько из-за активной деятельности советских агентов (что не исключено), сколько в силу свойств самого западного общества. Здесь разрешена любая критика западного образа жизни, но весьма ограничена критика коммунистического строя и Советского Союза. Советские люди относятся к своему образу жизни гораздо более критически, чем западные люди к советскому образу жизни. Впрочем, это естественно. Они (западные люди) не испытали на своей шкуре, что такое реальный коммунизм. Мне часто приходилось слышать жалобы советских эмигрантов на то, что местные жители им не верят. Обычно эти жалобы кончаются сентенцией: мол, погодите, идиоты, наступит и у вас социализм (коммунизм), тогда может быть начнете шевелить мозгами! Но, увы, тогда уже будет поздно.

Вопрос: Какие вопросы, на Ваш взгляд, являются наиболее существенными среди тех, которые интересуют жителей Запада?

Ответ: Откуда вырастает общество такого типа, как советское, т.е. общество коммунистическое; сможет ли Запад избежать такой перспективы; будет ли коммунизм на Западе лучше, чем в Советском Союзе; возможен ли прогресс коммунистического общества в направлении появления в нем демократических (в западном смысле) свобод и поднятия жизненного уровня населения до уровня Запада, – вот самые

важные вопросы такого рода.

Вопрос: В Ваших книгах и статьях даны исчерпывающие ответы на эти вопросы. Не могли бы Вы сейчас в двух словах высказать некоторые из Ваших идей на этот счет?

Ответ: Только в двух словах. Коммунистический тип общественного устройства, какой имеет место в Советском Союзе и достиг там классических форм, не есть политический режим, навязанный хорошему народу злыми руководителями. Это – социальный строй, вырастающий из самых основ существования масс населения и воспроизводящийся всей их повседневной жизнью. Самую глубокую основу коммунизма как типа общества образуют необходимые отношения людей в коллективах и законы этих отношений. Эти законы одинаковы для всех стран и эпох. Меняются лишь формы проявления этих законов, но не они сами. И на Западе объективных основ для коммунизма больше, чем достаточно. Не обязательно нужно быть марксистом, чтобы быть вовлеченным в коммунистические отношения и работать в пользу будущего коммунизма как типа общества. Мне многие говорили, что я в своих книгах описал не только советское, но и западное общество. В частности, отношения в научной и писательской среде здесь такие же как и в Советском Союзе, – если в стране сотни тысяч ученых и литераторов, они поступают в отношениях друг к другу и к окружению в наиболее важных случаях так же, как в любой другой стране с тем же массовым наличием ученых и писателей. Надежды еврокоммунистов и западных обывателей избежать недостатков коммунизма, какие обнаружили в Советском Союзе, суть результат невежества, иллюзий и тактического расчета. В частности, коммунизм «с человеческим лицом» или «демократический коммунизм» есть логический нонсенс. Это уже Ленин понимал достаточно отчетливо. Есть даже люди, которые полагают, что социализм (коммунизм) в Советском Союзе построен неправильно или что это даже совсем не социализм (или не коммунизм). Но такое мнение есть либо результат медицинского слабоумия, либо просто жульническая позиция с целью занять более удобное и заметное положение в обществе.

Вопрос: Ваши утверждения не вызывают, конечно, особого энтузиазма у слушателей и читателей. Как Вы представляете проблему в чисто человеческом плане?

Ответ: Особенность нашего времени состоит в том, что многие люди лично для себя столкнулись с проблемами исторической масштабности, которые неразрешимы силами одного поколения и при жизни одного поколения, а решение

их усилиями многих поколений означает приспособление людей к новым условиям существования, появление нового типа человека. А люди всё это психологически примеряют лично к себе. Для наших потомков никаких психологических проблем тут не будет. У них будут свои проблемы. И если мои книги сохранятся и будут доступны им, они будут воспринимать их как описание вполне нормальной и привычной для них реальности. Я не выдвигаю никаких проектов спасения человечества от того будущего (для Запада), какое на них надвигается неумолимо, – все проекты и обещания такого рода суть ложь. Я лишь говорю людям следующее: всё зависит лично от вас. Никто и ничто вас не спасет, кроме вас самих. Лишь борьба людей против самих себя, против законов своих собственных отношений дает защиту от лавины коммунизма. Но эта борьба – дело новой эпохи в истории, а не отдельная акция. Это – образ жизни и судьба для многих миллионов людей в ряде поколений. К тому же в обществе никогда не наступит период, когда все проблемы будут решены.

Вопрос: Ваша поездка была связана с выходом второй части «Зияющих высот» на испанском языке и «В преддверии рая» на французском языке. Вы, конечно, рассказывали о своих книгах и об особенностях своего литературного творчества. Не могли бы Вы сейчас кратко суммировать сказанное Вами по этому поводу?

Ответ: Я уже не раз высказывался на эту тему. Сейчас могу добавить лишь еще одно соображение, касающееся взаимоотношений читателя и писателя. Мои книги – не для развлечения, а для работы. Причем, для работы особого рода. «В преддверии рая», например, я сам рассматриваю лишь как схему для литературы, которая может получиться, если читатель сможет своим воображением и размышлениями довести эту схему до уровня живого исполнения. Здесь соотношение подобно соотношению работы композитора и исполнителя музыки, сочиненной им. Эта моя книга предполагает читателя, который мог бы стать в некотором роде соавтором (подобно тому, как исполнитель музыки становится соавтором композитора). Кроме того, «В преддверии рая» подобна партитуре для отдельных инструментов. Но как в оркестре лишь совместное исполнение многими инструментами своих партий дает целостную музыку, так лишь одновременное чтение различных линий в книге дает качественно новое восприятие текста. Но такая одновременность может быть достигнута лишь в случае, если читатель перечитает книгу не один раз и запомнит ее содержание. Я говорю об

этом не с целью уговорить людей читать мою книгу, а с целью констатации чисто эстетического факта: если упомянутое мною условие выполнить, появляется неожиданный эффект от чтения. Я знаю, что это не так-то легко сделать. Но я и не рассчитываю на массового читателя. Я предполагаю читателя, который способен относиться к чтению как к труду, причем – как к труду, требующему высокой квалификации. Читать книги – этому ведь тоже надо учиться. А в наше время люди разучились работать над книгой. Они предпочитают потреблять книги без особых усилий. Должен сказать, что западный массовый читатель с этой точки зрения уступает массовому советскому читателю. Вот, кстати сказать, еще пример для упражнений в социальном мышлении. Советский человек в силу условий своего существования, которые в одном отношении хуже условий жизни западных людей, а в другом – лучше, вынуждается к более гибкому мышлению и к более высокой образованности. В мире нет абсолютного зла и нет абсолютного добра. И потому я постоянно подчеркиваю (и устно, и письменно), что коммунистический тип общества надо понять и описать прежде всего сам по себе, независимо от сравнений его с обществами другого типа. Сравнения, конечно, помогают ученому. Но они чаще путают читателей, чем вносят ясность.

Вопрос: Удовлетворены ли Вы тем, как читают и понимают Ваши книги на Западе?

Ответ: Из многочисленных встреч с читателями я убедился в том, что у меня есть серьезно читающий и понимающий читатель. Я на это, честно говоря, не рассчитывал. Вместе с тем я ощущаю постоянно раздражение определенного круга людей по поводу самого факта появления моих книг. Почему это происходит, я подробно описал сам в моих книгах. И дело тут не в содержании моих идей, а в той литературной и личностной форме, в какой они появились. Когда ссылаются на какие-то идейные соображения, этим лишь маскируют суть дела. Литература имеет свою жизнь и независимо от содержания идей. Есть литературные формы и средства выражения любых идей, которые сами по себе оказывают воздействие на людей. И кстати сказать, мою идейную позицию, как правило, люди такого сорта искажают, в чем им весьма успешно помогает часть русской и советской эмигрантской среды. Вот на это, т.е. на стремление унизить то, что я сделал и делаю, я рассчитывал с самого начала. Ничего неожиданного в этом для меня нет. Я скорее удивляюсь тому, что эти люди еще на сумели приостановить действие моих книг. На Западе еще сохра-

нились некоторые возможности для таких людей, как я, уцелеть и кое-чего добиться. Но, повторяю, я рад тому, что многие здесь понимают мои книги именно так, как мне хотелось бы. Порою несколько фраз, сказанных такими читателями в личной беседе или в частном письме, стоят десятков хвалебных рецензий. Кстати сказать, на западную прессу мне обижаться не приходится.

Вопрос: Вы упорно настаиваете на том, что Вы не диссидент, а западная пресса не менее упорно причисляет Вас к диссидентам. Как Вы расцениваете этот факт и как Вы рассматриваете свое отношение к диссидентским движениям?

Ответ: Думаю, что тут имеет место недоразумение, связанное с двусмысленностью самого слова «диссидент». Это слово в Советском Союзе употребляется в широком и в узком смысле. В широком смысле слова диссидент есть человек, вступающий в идеологический или политический конфликт с советским обществом и властями и наказываемый за это в той или иной форме. В узком смысле слова диссидент кроме того превращает свой конфликт с обществом и властями в преднамеренный образ жизни, в устойчивую форму поведения, если не сказать в профессию. Быть диссидентом становится его социальной функцией. Я себя диссидентом в этом узком смысле слова не считал и не считаю. Я – просто ученый и писатель. И к диссидентскому движению отношусь как посторонний наблюдатель. Меня это движение интересует. Но меня интересуют не биографические детали жизни диссидентов и не хроника их деятельности, а их общие социальные черты, источники, тенденции, идеологические формы и перспективы, а также реакция на них в нормальном советском обществе и фактические (а не воображаемые) последствия их деятельности. Позиция ученого и писателя, очевидно, не может совпадать с самосознанием самих участников диссидентского движения (диссидентов в узком смысле слова) и с позицией тех, кто так или иначе заинтересован в поддержании этого движения и в личном самоутверждении за его счет. Бесспорно, диссидентское движение является в Советском Союзе самым значительным социальным явлением в советской послевоенной истории наряду с политикой десталинизации, возглавленной Хрущевым. Но из этого никак еще не следует, что это движение обладает всеми мыслимыми добродетелями, пользуется успехом в массе населения и выражает его интересы, оказывает серьезное влияние на поведение властей. Хотя это движение и направлено против советского режима, оно есть характерный продукт советского общества. И как таковое оно обладает

чертами явления в рамках советского общества. Потому всякая попытка писателя и ученого понять это явление более или менее объективно воспринимается так, что вроде лучше бы и не касаться этой темы. Но литература и социальная наука уже не могут игнорировать ее. И я сделал диссидентское движение объектом внимания литературы и науки. Думаю, что за одно это диссиденты могли бы мне простить то, что мои литературные персонажи и я сам не всегда говорим то, что было бы приятно им слушать.

ЭФФЕКТ СИСТЕМНОСТИ*

Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности. Надо быть совершенно слепым или очень сильно хотеть быть таким, чтобы не видеть генеральную установку Советского Союза в отношении Запада: любыми путями проникать в страны Запада, использовать Запад в своих интересах, разобщать его, провоцировать нестабильность, деморализовать, обманывать, путать, запугивать, короче говоря – готовить его к будущему военному разгрому. Эту установку проводит в жизнь огромная армия людей, организованных в единую систему. Каждый член этой армии живет обычной жизнью и выполняет свою рутинную работу, установка же реализуется лишь как суммарный продукт их деятельности, предопределенный законами системы. Случай Абея, который в свое время был в западной прессе возведен в ранг «величайших шпионов века», есть лишь один эпизод в деятельности этой системы, но эпизод характерный с точки зрения принципов функционирования системы.

Советская система по использованию и ослаблению Запада сложилась, само собой разумеется, с расчетом на то, что ей предстоит действовать именно в условиях Запада. Она не была сначала изобретена некими гениальными умами в недрах Москвы и лишь затем применена в странах Запада. Она складывалась в реальных общениях стран, в том числе – путем отыскания слабых мест в западном обществе. Она набирала силу в той мере, в какой Запад обнаруживал слабости. Ее сила потому оказалась адекватной слабости Запада, а ее качества оказались своеобразным отображением свойств

* Февраль 1980 г. Из предисловия к книге К. Хенкина «Охотник вверх ногами».

западного общества. Она явилась продуктом самого Запада не в меньшей мере, чем Советского Союза. Может быть отчасти поэтому Запад до сих пор не хочет понять ее сути, ибо не хочет узреть в ней свое собственное лицо. Внутри же своего социального тела, т.е. советского общества, рассматриваемая система набрала такую силу, что теперь ее практически невозможно отделить не только от центрального руководства, но и от общества в целом. Она стала неотъемлемым атрибутом советского общества и психологии советского человека – вот другая причина ее непостижимости для западных людей, представляющих себе явления такого рода в виде деловой конторы западного образца. Советских эмигрантов на Западе часто спрашивают, например, каков процент агентов КГБ в нынешней эмиграции. Вопрос с точки зрения советского человека нелепый. Возможно, ноль процентов, а возможно и все сто. Какое это имеет значение?! Общими усилиями заинтересованных лиц Запада и из эмигрантов придумали некую величину процента (кажется, около десяти), которая столь же нелепа, как и любая другая произвольная величина. Положение человека в данном случае с точки зрения его причастности к КГБ зависит от намерений рассматриваемой здесь системы и от случая, а не от намерений и сомнений этого человека. Даже критики советского режима, высылаемые на Запад, так или иначе фигурируют в расчетах этой системы и как-то используются ею, часто вообще не подозревая об этом. То, что на Западе воспринимается как шпиономания советской эмиграции, на самом деле выражает лишь здоровую интуицию советских людей в отношении своего общества с социологической точки зрения. Приключенческо-детективный аспект этого случая по меньшей мере посредственен. Интерес же социологического аспекта достигает здесь силы увлекательного детектива. Пытаться понять случаи такого рода в привычных мыслительных штампах шпионских фильмов и романов невозможно в принципе. Что делал Абель в США? Что угодно, а возможно и ничего, что означает то же самое. Какова была роль Абеля? Возможно – ничтожна, возможно – огромна. И опять-таки нет существенной разницы в этих крайностях. Действия человека как элемента системы суть нечто качественно иное, чем действия человека самого по себе. К тому же Абель был не только элементом действующей системы, он был одновременно орудием и объектом действия системы, – вот что особенно важно в случаях системного эффекта. Тут в принципе любой человек может быть использован системой любым подходящим для него способом, причем, всё связанное

с ним может быть легко переинтерпретировано задним числом, а всё будущее может быть заменено событиями, ничего общего не имеющими с первоначальными замыслами. Замыслов вообще может не быть, – они могут изобретаться постфактум. Здесь нет отходов и потерь, здесь всё идет в пищу всепоглощающей системы. Истина здесь не затвердевает в форме, удобной для отчетов и детективных историй. Она просто испаряется, оставляя после себя лишь недоумение.

В деятельности людей как элементов системы нет никакой романтики, никакого героизма, никакого выдающегося интеллекта. Есть всепобеждающая серость и унылость системы, принимающая яркие персонифицированные краски лишь в склонном к сенсациям сознании Запада, да иногда в советских пропагандистских книжках и фильмах. Заурядность в каждом звене и шаге. И поразительный устрашающий эффект в целом. Тут имеет место нечто подобное татаро-монгольскому нашествию. Каждый член татаро-монгольских орд по отдельности был ничтожен, каждая операция этих орд по отдельности не была отмечена признаком военного таланта, а в совокупности татаро-монгольское нашествие нанесло такой удар по человечеству, который не забудется вовек. Речь ведь идет не о созидании, а об эксплуатации созданного другими и о разрушении.

Есть в истории Абея один человеческий момент. Он был лично человек незаурядный, и потому он никогда не был полностью акцептирован своей системой и никогда не чувствовал себя в ней полностью своим. Может быть по этой причине он не был вознагражден адекватно своему «подвигу». Хотелось бы остановиться на этом, но тут же выплывает ядовитый и беспощадный вопрос: а что, если награда была адекватна его реальной роли?! Не стоит напрасно ломать голову в поисках ответов по принципу «да-нет», «так-не так». Их просто нет. Система рушит все четкие разграничительные линии и здравые критерии оценок. Она заинтересована в бесформенности, расплывчатости, многозначности. Она может возвеличить ничтожество и низвести до уровня ничтожества выдающуюся личность, может придать статус эпохальности мелкому событию и обойти молчанием действительно эпохальные события. Она легко придает вид добродетели тому злу, какое она источает сама, и вид зла всякой добродетели, стоящей на ее пути. Ибо она есть сила разрушающая. И мелькнувшее было сочувствие к несчастному в конце жизненного пути Абею тут же гасится мыслью о его принадлежности к этой системе.

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ*

Я не претендую на то, чтобы дать здесь полное и систематичное описание советского образа жизни. Я не хочу заниматься здесь ни разоблачением язв этого образа жизни, ни защитой его добродетелей. Я хочу лишь сориентировать внимание читателя в том направлении, которое, как мне кажется, более соответствует здравому смыслу в понимании важнейшей тенденции современности – тенденции к коммунистическому типу общественной жизни.

Проблема

Проблема советского образа жизни не есть нечто такое, что представляет интерес лишь для любителей экзотики или для представителей отвлеченной науки. Она есть проблема особая. Почему? Да потому, что Советский Союз осуществил великий поворот в истории человечества – осуществил великий коммунистический эксперимент, стал образцом для подражания многим другим народам и угрожает помочь установить или навязать силой изобретенный им строй жизни всему человечеству. Пора подвести итоги этому эксперименту и извлечь из него какие-то уроки.

Коммунистический социальный строй мыслился как преодоление всех язв обществ прошлого, как царство равенства, справедливости и изобилия, короче говоря – как воплощение всех мыслимых добродетелей и как преодоление всех мыслимых зол. А что получилось на деле? Устраняет ли это общество социальное неравенство или лишь меняет его формы? Устраняет ли оно эксплуатацию одними людьми других или изобретает свои особые формы ее? Порождает оно общанное

* Август 1980.

изобилие или, наоборот, дефицит всего необходимого? Порождает оно изобилие для всех или только для избранных? Является ли оно обещанным царством свободы или изобретает свои формы насилия и приумножает последнее? Что несет с собою это общество для народов Запада – прогресс или деградацию? Насколько предлагаемое им решение проблем Запада лучше жизни с нерешенными проблемами, т.е. стоит ли игра свеч? Каковы источники зол советского образа жизни и можно ли их избежать, сохранив его добродетели? Имеет ли Запад шансы избежать той же участи? Нет надобности, я думаю, продолжать список вопросов, – они теперь на устах многих людей на Западе.

Такой подход к проблеме позволяет рассматривать советский образ жизни как целое, не раздробляя его на мелкие детали в бесплодных сравнениях с прошлым страны и с жизнью людей в других странах. Не представляет труда заметить, например, что мусульманские народы в Советском Союзе живут лучше, чем за границей, что культурный уровень населения советской России неизмеримо выше, чем России дореволюционной, и многие другие как положительные (с какой-то точки зрения), как и отрицательные сравнительные факты. Но при таких сравнениях ничего не остается от того, что характеризует советский образ жизни специфически. Лишь в сопоставлении с обещаниями идеологического коммунизма и с фундаментальными законами реального коммунизма отдельные факты советского образа жизни становятся деталями его единой картины.

Факты и их понимание

Проблема советского образа жизни не есть проблема описания ранее неизвестных и труднодостижимых для наблюдения фактов. Это есть проблема понимания того, что более или менее широко известно, что сравнительно легко доступно для наблюдения, угадывается или высчитывается при наличии очевидных данных. Здесь всё самое существенное находится вроде бы на виду, а то, что скрыто от наблюдения, качественно не изменило бы общую картину страны, будучи предано гласности. Короче говоря, проблема эта – социологическая.

Трудность понимания советского образа жизни состоит, как это ни странно на первый взгляд, в изобилии фактов всякого рода и в их кажущейся очевидности и бесспорности. Тут можно наблюдать факты, удовлетворяющие любой предвзятой концепции. Тут одним и тем же фактам можно подобрать взаимоисключающие истолкования, кажущиеся

одинаково убедительными или одинаково неубедительными. Можно даже изобрести методы измерения и подсчета, которые придадут видимость научности этим предвзятым концепциям.

Где же, спрашивается, лежит истина? Отнюдь не в соединении противоположных фактов и не в отыскании некоей «справедливой» середины, – таковой вообще не существует в действительности. Чтобы постичь истину, мало видеть факты как таковые. Нужен еще определенный метод понимания этих фактов, нужен определенный «разворот мозгов», нужны определенные критерии отбора, оценки и сопоставления фактов. При всем изобилии сведений о советском образе жизни и доступности всего необходимого для наблюдателей основные черты этого образа жизни не увидишь просто так, т.е. в таком виде, чтобы их можно было сфотографировать. Они остаются тайной за семью печатями без упомянутого выше «разворота мозгов». Самым надежным хранителем тайн советского образа жизни являются не органы государственной безопасности Советского Союза, не цензура, не милиция, не пограничная служба, а отсутствие нужного способа понимания, нужного «разворота мозгов» в головах людей. По этой причине (да простит мне читатель!), рассказывая о советской жизни, я одновременно описываю тот «разворот мозгов», благодаря которому на нее открывается определенный вид. Картина советской действительности зависит не только от нее самой, но и от того, как вы ее разглядываете.

Старое и новое

Коммунистическое общество в Советском Союзе выросло, естественно, из того материала, какой поставила для этого дореволюционная Россия. И теперь многое в советской жизни выглядит как продолжение старых российских традиций, инерция и пережитки прошлого. Например, Россия испокон веков была бюрократическим государством, а революция лишь расчистила дорогу этой старой тенденции, многократно усилила ее. Российское население веками приучалось к покорности, крепостническому состоянию и крайне низкому жизненному уровню. Это благоприятствовало формированию нового строя и до сих пор дает ему богатые возможности для всякого рода экспериментов, для индустриализации, милитаризации, экспансионистской внешней политики. И уж совсем очевидно, что русская православная церковь и до сих пор еще значительное число верующих есть наследие прошлого. Одним словом, для очень многих явлений советской жизни можно найти аналогичные явления в прошлой

истории. И кажется весьма соблазнительным объяснять их этой прошлой историей.

Современную жизнь советского общества, однако, ошибочно рассматривать как смесь и компромисс прошлых (отживающих) и нарождающихся явлений, а обращение к прошлому абсолютно ничего не объясняет в настоящем. Советское общество уже вышло из стадии нарождающегося. Оно стало вполне взрослым, полноценным обществом коммунистического типа. И завершилось это превращение в последние послевоенные десятилетия. А в развитом обществе всё, доставшееся и оставшееся от прошлого, перерождается в собственный элемент этого общества, становится на службу настоящего, существует и функционирует на основе законов настоящего. Теперь важно уже не столько то, что это явление есть остаток прошлого, сколько то, почему оно существует сейчас, какой вид оно приобрело в новом обществе, какую роль оно здесь играет.

Одни из этих явлений воспроизводятся в новом обществе с необходимостью. Они появились бы здесь, если бы их даже не было в прошлом. Такова, например, бюрократическая система. Другие из них не вытекают с необходимостью из основ нового общества, в какой-то мере даже противоречат им, но по тем или иным причинам сохраняются. Такова, например, православная религия и церковь. Эти явления имеют различные функции в обществе и различные перспективы. Но они имеют общее: и те и другие суть советские институты и учреждения. В советской жизни уже не осталось ничего принципиально важного, что можно было бы отнести за счет исторической недоразвитости нового общества, за счет его неспособности справиться с прошлым, заставить прошлое плясать под свою дудочку. По этой причине искать объяснения явлениям советского образа жизни в прошлой истории — значит уклоняться от самой задачи описания именно образа жизни. Советский образ жизни имеет свои основания в социальных законах настоящего советского (коммунистического) общества, а не в канувших в Лету явлениях прошлого.

Русское и советское

До сих пор еще существует убеждение, что русский народ был обманут и изнасилован злодеями-большевиками, в результате чего и сложилось советское общество. Но, мол, русский народ скоро сбросит иго большевизма и пойдет по пути Запада (думают одни) или вернется в дореволюционное состояние (думают другие). Надежды эти совершенно беспочвенны. Современная Россия есть страна с вы-

сокоразвитой и сложной экономикой и культурой, с высокообразованным населением, которое не только не мечтает о возврате в прошлое, но пойдет на любые жертвы, только чтобы это прошлое не возвращалось. Решающая роль в современной России принадлежит людям, родившимся и выросшим после революции, приспособленным жить именно в такой социальной среде, воспринимающим ее как нечто естественное, а не как навязанное им по ошибке или обману. Переиграть прошлую историю невозможно. Шансы для России пойти каким-то иным путем были упущены много десятилетий назад. Упущены раз и навсегда.

Коммунизм есть тип социального устройства, а не некая национальная черта. Опыт других стран показывает, что на основе коммунистических социальных отношений у представителей самых различных наций вырабатываются черты, аналогичные чертам русских людей, или, точнее говоря, получают благоприятную почву эти общечеловеческие (на самом деле) качества. Коммунизм принял и укрепил некоторые национальные качества русского народа как качества советского народа вообще, способствуя развитию этих качеств и в других народах.*

Негативное и позитивное

В последние десятилетия сложилась традиция рассматривать в качестве правды о советском образе жизни лишь разоблачение вопиющих крайностей режима, политического гнета и убожества быта рядового населения, т.е. описание явлений сугубо отрицательных. Это создает у людей, не знающих реального состояния страны, иллюзию, будто советский строй тут находится на грани гибели. В самом деле, в стране постоянно экономические трудности, низкий жизненный уровень населения, отсталая технология производства, низкая производительность труда, бесхозяйственность, подавляются всякие формы протеста, нет никаких гражданских свобод, народ уже не верит в марксистскую идеологию (можно подумать, что он в нее когда-то верил вообще!) и т.д. и т.п., – неужели, спрашивается, этого мало для того, чтобы народ восстал и сбросил режим?!

Иллюзия, надо сказать, слишком оптимистическая. Дело тут не в том, что в Советском Союзе нет таких отрицательных явлений, о которых говорят критики режима, – они там есть в изобилии. Дело в том, что советский режим не сбросишь, ибо это есть не форма политического правления, а социальный

* Подробнее об этом см. другие статьи сборника.

строй жизни всего населения, опутывающий миллионами нитей тела и души людей в единое органическое целое. Несмотря на очевидные дефекты жизни и трудности, Советский Союз сейчас дальше от краха, чем когда-либо. Это – грозный противник для Запада, имеющий целью подчинение или разрушение Запада и уверенный в своей конечной победе. Надо познать источники его реальной силы и уверенности, а не упиваться иллюзиями, хотя и имеющими какие-то реальные основания.

В двух словах мой взгляд на соотношение позитивного и негативного в советском обществе заключается в следующем. Рай земной, который обещали классики марксизма, здесь построен на самом деле. Но с одним «маленьким» коррективом: он осуществлен в адекватной ему форме ада. Именно воплощение в жизнь положительных идеалов коммунизма имело необходимым следствием все те отрицательные явления, которые стали постоянным предметом разоблачений и критики. Дело обстоит не так, будто в этом обществе есть кое-что хорошее и кое-что плохое наряду друг с другом, – это слишком плоско. Дело тут в том, что благо здесь реализуется лишь в форме зла, а зло и есть то благо, которым гордится это общество. Хотите познать дефекты этого общества, смотрите на его достоинства. Хотите познать его достоинства, анализируйте его дефекты. Дефекты и достоинства этого общества – это суть одно и то же, рассматриваемое с различных сторон, проявляющееся в различных отношениях.

Возьмем, например, беспрецедентные массовые репрессии сталинского периода. Они – факт. Нелепо отвергать этот факт. Непристойно оправдывать его интересами революции и некоей исторической неизбежностью. Но резонно спросить о его самых глубоких основах и причинах. Что это – результат злого умысла отдельных мерзавцев во главе со Сталиным или чего-то более серьезного? Я утверждаю, что сталинизм явился классическим выражением доведенного до предела народовластия. Это была реальность народовластия, организация и будничная его жизнь. Преодоление сталинизма в хрущевско-брежневский период было одновременно ограничением народовластия. Или возьмем неравенство между различными слоями населения в распределении всяческих благ. Теперь это признается тоже как бесспорный факт. В чем основа этого явления? Плохие психологические качества отдельных людей? Гангстерские объединения? Ничего подобного. В основе этого неравенства лежит принцип распределения, справедливее которого история человечества

еще не знала (о нем я скажу ниже).

Коммунистический тип общества в его классическом образце – в обществе советском – обнаружил свои многочисленные и страшные язвы, ставшие теперь общеизвестными. И главная проблема теперь – не бесконечное пережевывание все тех же или новых фактов этих язв, а выяснение природы и объективных их оснований. Эти язвы не являются всего лишь продуктом злого умысла или ошибок, наследия прошлого или национальных особенностей. Они не являются исторически преходящими случайностями, которых могут избежать более осмотрительные и добропорядочные западные страны. Они суть объективные проявления сущности коммунистического социального строя. Если не они, так другие, им подобные, если не в такой форме, так в другой, ей подобной, но реальный коммунизм без них просто немыслим. Советский образ жизни с этой точки зрения есть классический образец для прочих. Смотрите, как живут советские люди, и имейте в виду: вы будете иметь примерно то же самое (чутьочку лучше, может быть, но может быть и похуже), если вы последуете примеру Советского Союза, т.е. если и вы будете строить социализм (или коммунизм, что в реальности есть то же самое). Вы будете иметь все существенные достоинства этого строя, но за определенную цену, которую вы не будете в силах снизить, а именно – путем воплощения достоинств коммунизма в форме, которая воспринимается как недостаток. Реальная жизнь не есть бумажная гипотеза. Если на бумаге можно признать одно, отбросив другое, то в реальной жизни этого не сделаешь.

Основы коммунистического бытия

Основные элементы жизни людей в обществе суть деятельность по добыванию средств существования, социальное функционирование, бытовая жизнь, образование, культура, развлечения, спорт, идеология, короче говоря – все то, что так или иначе входит в жизнь людей в качестве более или менее важных и постоянных компонентов. Описать это – значит изложить целую социологическую теорию коммунизма как особого типа общества. Я ограничусь здесь лишь самыми первоначальными сведениями на этот счет, причем – не претендуя на академическую строгость и систематичность. Обычная схема советского общества такова: с одной стороны – народ, с другой стороны – власть с соответствующими органами управления народом и охраны общественного порядка. Если схема апологетическая – власть ведет народ к светлым идеалам общества справедливости и изобилия.

Если схема критическая – власть угнетает народ и держит его в страхе. Однако реальное советское общество ничего общего с этой схемой не имеет. Ничего не значащей пустышкой является также официальное разделение советского населения на рабочих, крестьян и интеллигенцию.

Чтобы описать строение общества коммунистического типа, необходимо сначала выделить в нем самые минимальные части, обладающие некоторыми наиболее существенными чертами целого общества, – выделить его элементарные клеточки, кирпичики. Такую элементарную частичку общества образуют не отдельные люди, не территориальные единицы страны, не сложные ткани и органы (вроде аппарата партии), а относительно автономные учреждения, имеющие свою деловую функцию в обществе, свой управляющий орган (дирекцию), свою бухгалтерию, партийную и профсоюзную организацию и прочие элементы средне-стандартного советского учреждения. Это – заводы, фабрики, институты, школы, больницы, магазины, рестораны и т.д. и т.п. Именно условия жизни и деятельности людей в этих клеточках и их взаимоотношения образуют основу всего того, что составляет специфический образ жизни людей в этом обществе.

Клеточки (первичные коллективы) выполняют определенные деловые функции, получая от общества для этого во владение необходимые средства (помещения, машины, транспорт, мебель и т.п.), а также средства для вознаграждения членов коллектива за их труд. Клеточка общества не является собственником средств, используемых ею для выполнения деловых операций, – в коммунистическом обществе ликвидированы отношения собственности вообще. Хотя здесь и говорят о «государственной собственности» и о «коллективной собственности» (в отношении колхозов), слово «собственность» здесь теряет строгий смысл. Здесь имеет место владение, но не всякое владение есть собственность. Советские колхозы, например, не могут продать никому даже клочка земли, которая им передана «в собственность» навечно. Таким образом, хотя клеточка и автономна до некоторой степени в исполнении своих обязанностей и в обращении со своими членами, она прочно прикреплена к целому. Она получает от целого питание (образно говоря) и отдает ему выделяемое ею. Она в своей жизнедеятельности находится под строжайшим контролем целого через специальные партийные и государственные органы, а также через систему управления группами клеточек, объединяющие клеточки в единый общественный организм.

По этой причине всякие попытки создания неофициальных объединений людей, независящих в своем функционировании от целого и неподконтрольных ему, не выполняющих в целом заданную функцию, не получающих от целого средства для этого и не подчиняющихся стандартам жизни в нормальных клеточках, означает образование в организме общества чужеродных клеток, опасных для его существования. Эти клетки, какие бы благородные цели ни имели их участники и организаторы, играют в этом обществе роль, подобную роли раковых клеток среди здоровых клеток живого тела. И удивительно не то, что в советском обществе ведут борьбу против диссидентских групп, а то, что эту борьбу ведут так лениво и нерешительно, — явная уступка общественному мнению Запада плюс некоторые корыстные расчеты в игре с Западом.

Взрослый работоспособный человек (а таковые образуют ядро населения) входит в коммунистическое общество не сам по себе, а через определенную клеточку общества, через определенный первичный коллектив. Причем, входит в общество как частичка коллектива, как индивид, занимающий в коллективе определенное социальное положение. Через первичный коллектив и только через него человек отдает обществу свои силы и способности, получая за это от коллектива и только от него средства существования, возможности для социального функционирования и для жизни в бытовой сфере. Положение человека в обществе и судьба его здесь зависит от его положения в коллективе. Коллектив, предоставляя человеку возможность трудиться и получать средства для жизни, здесь господствует над отдельным человеком. Потому здесь на деле, а не только в демагогии действует принцип: интересы коллектива выше интересов отдельного человека. Здесь не отдельный человек, а лишь целостный коллектив из многих людей есть полноценная личность. Отдельный же человек есть лишь частичная личность, есть личность лишь в качестве частички личности-коллектива. Конечно, из общего правила есть исключения. И кое-что люди получают независимо от клеточки-коллектива. Но рассмотренное выше отношение человека и коллектива является фактором, определяющим все прочие аспекты жизни людей, в том числе — и отклонения от этой основополагающей нормы.

Закрепощение

В советской конституции имеется пункт, гласящий, что граждане Советского Союза имеют право на труд. Этот пункт сформулирован явно с расчетом на пропаганду, — на проти-

возвращение коммунистического общества буржуазному, в котором бичом миллионов людей является безработица. Но по существу этот пункт есть логический нонсенс. На самом деле граждане здесь обязаны трудиться, а обязанность эта есть в той же мере право, в какой обязанность солдат выполнять команды командиров есть право делать это. Конкретнее же говоря, обязанность трудиться означает то, что граждане должны быть прикреплены к определенному первичному коллективу и трудиться в качестве его члена. Если вы не числитесь сотрудником (работником) какого-то официально признанного коллектива, то вы здесь считаетесь уклоняющимся от трудовой деятельности (тунеядцем), хотя вы можете трудиться больше, чем члены коллектива. Вы можете быть паразитом фактически. Но если вы числитесь сотрудником официального коллектива, вы официально считаетесь трудящимся. В советском обществе имеется огромное количество целых первичных коллективов и должностей в первичных коллективах, в которых и на которых многие люди (счесть их невозможно) фактически ведут образ жизни бездельников и паразитов, получая за это вознаграждение, — одна из привлекательных для масс людей черт коммунизма.

Рассмотренная прикрепленность людей к коллективам не есть нечто выдуманное с какими-то темными целями. Она выражает фундаментальный факт положения человека в обществе: человек по идее не может жить, не будучи прикреплен к коллективу, ибо в идеале и в основе зарплата, получаемая в коллективе, есть единственный источник существования. Причем, опытным путем находится и размер вознаграждения члена коллектива: человек должен регулярно получать это вознаграждение, чтобы постоянно жить на положенном ему уровне, т.е. чтобы он не мог на долгий срок оторваться от коллектива и от контроля коллектива за ним. Здесь невозможно описать социальные механизмы, определяющие такого рода явления. Но они существуют и действуют, обычно — бессознательно и произвольно. Так, низкий жизненный уровень для массы населения и невозможность для них делать значительные сбережения есть проявление некоего «социального инстинкта» общества, а именно — инстинкта самосохранения, а не просто результат «временных» трудностей. Идея создания изобилия при коммунизме находится в вопиющем противоречии с фактической тенденцией этого общества к снижению жизненного уровня широких масс населения к допустимому минимуму.

Искушение

Анализируя жизнь людей на уровне клеточки, можно обнаружить то, что коммунистический строй есть в первую очередь соблазнительное искушение для них и лишь во вторую очередь есть новая форма эксплуатации и закрепощения. За право на труд, за гарантированную работу человек расплачивается обязанностью работать, прикреплением к официальному коллективу. За гарантированный отпуск и за путевку в дом отдыха человек платит примитивным обслуживанием в этом доме отдыха. За невозможность уволить рабочих с целью снизить себестоимость продукции общество платит существованием нерентабельных предприятий. За сравнительную независимость вознаграждения от качества и интенсивности труда общество расплачивается незаинтересованностью людей в повышении производительности труда и низкой зарплатой. За низкую квартирную плату и за гарантированное жилье люди расплачиваются жалкими квартирными условиями и системой прописки, т.е. и территориальным прикреплением людей. Проблема улучшения жилья становится для многих людей одной из труднейших и важнейших, а перемена места жительства становится настолько трудной, что решаются на это лишь в случае крайней необходимости.

Помимо гарантированного минимума основных жизненных благ отмечу еще два важных фактора жизни людей, делающих советский образ жизни таким, что люди несмотря ни на что уже не в состоянии от него отказаться. Я ввожу понятие степени вознаграждения, определяя величину ее отношением того, что человек получает за свой труд, к тому, сколько он сил отдает за это. Так, по моим подсчетам степень вознаграждения в коммунистическом обществе в целом значительно выше, чем в капиталистическом, а обратная ей степень эксплуатации – ниже. Так что коммунизм действительно приносит людям облегчение условий труда сравнительно с капитализмом. Люди расплачиваются за это тем, что жизненный уровень имеющих работу здесь много ниже того, какой имеют работающие люди на Западе. Советские люди меньше имеют. Зато они еще меньше работают и имеют какие-то минимальные гарантии.

Второй соблазн – сравнительная формальная простота жизни, что выражается в незначительном числе документов, которыми опутывается жизненный путь людей, и ясность самих жизненных линий. Одним словом это общество не есть средоточие одних недостатков. Оно есть средоточие недостатков, порожденных достоинствами.

Жизнь людей в первичных коллективах стандартизи-

рована в масштабах всего общества. Если вы изучили строение и функционирование клетки данного типа и данного уровня, вы заранее можете ожидать примерно то же самое в других клетках того же рода. Это обстоятельство сдерживает стремление людей к перемене мест работы и способствует общей тенденции к прикреплению людей к местам жительства и работы. Население коммунистических стран менее мобильно, чем в странах Запада.

Коренное противоречие

Сравнительно низкий коэффициент эксплуатации (и, соответственно, высокий коэффициент вознаграждения) получается не благодаря заботе Партии и Правительства о благе народа, а в силу самих отношений людей в фундаменте общества и условий их деятельности. Для самой влиятельной части населения здесь величина вознаграждения фактически не зависит или зависит в ничтожной мере от затрат и качества труда. Она в большей мере зависит от социального положения людей и от их социальной активности (например, от демагогии, от хлуйства перед вышестоящими). Потому здесь ослабевает или полностью пропадает заинтересованность массы людей в хорошей работе и возрастает заинтересованность в улучшении своего положения за счет иных средств жизни в коллективе, вызывающих видимое отвращение, но принимаемых в качестве нормальных на деле. Власти поощряют хороших работников, дабы создать примеры, улучшающие отношение людей к труду. Но за счет этого выгадывают лишь единицы. Большинство остается равнодушным, так как видит, что «овчинка выделки не стоит», т.е. что люди больше выгадывают другими путями, чем «честным и добросовестным» трудом. Люди на опыте также убеждаются в том, что успехи в карьере в большей мере зависят от умения делать карьеру в массе людей, чем от талантов и труда, например – от положения родителей, от знакомств, от анкетных данных, от поведения на собраниях, от лести начальству, от взяток и услуг, от доносов, от готовности предать того, кого выгодно предать, и поддержать того, кого выгодно поддержать.

Хотя власти поощряют соревнование между людьми в коллективах и между коллективами (это стало неотъемлемым элементом советского образа жизни), отношения между людьми и коллективами здесь в большей мере и более существенным образом определяются не конкуренцией за лучшее исполнение заданий, за лучшее качество и большее количество продукции, а взаимным препятствованием или связыванием.

Дело в том, что для коллективов и для людей в них строго определены их функции, масштабы их деятельности, источники сырья, места сбыта готовой продукции, короче говоря – все основные элементы жизни и деятельности, исключаящие практически частную инициативу и личный риск. Это сделано всякого рода планами и инструкциями, регламентирующими действия коллективов. Следствием всего этого является показуха, формалистика (лишь бы отчитаться перед начальством), боязнь риска, незаинтересованность во введении и освоении новой, более совершенной техники, бессмысленные траты, очковтирательство, халтура, обман. Руководство стремится преодолеть эти отрицательные последствия коммунистической организации труда путем поощрения ударников (т.е. лучших тружеников), путем навязывания «социалистического соревнования», путем дотошной и громоздкой системы контроля и наказаний и другими путями. Конечно, это сдерживает катастрофические последствия самих объективных основ коммунизма, но в ничтожной мере. Разговоры о повышении дисциплины труда и производительности труда и о понижении себестоимости продукции, о более грамотном и культурном руководстве хозяйством, о скорейшем внедрении научно-технических открытий в производство являются навязчивой идеей руководства. Они суть показатели не достоинств коммунистического строя общества, а его неустранимых недостатков, преодолеть которые призывами вождей и идеологической обработкой населения, увы, невозможно. Так что величайшее достоинство коммунизма – относительное облегчение условий труда и обеспечение работой всех – неразрывно связано с его величайшим злом – с тенденцией к низкой производительности труда, к снижению качества продукции и к плохой (хотя и плановой) организации экономики страны. Сравнительно низкий жизненный уровень населения здесь объясняется прежде всего не дорогостоящей внешней политикой и милитаризацией страны, а именно рассмотренным органическим пороком этого общества. Чем дольше мир будет существовать без войн, тем отчетливее будет проступать этот порок. Объективно, независимо от воли и желания людей по этой причине страна заинтересована в мировых смутах и конфликтах, в завоевании новых земель, дабы иметь продукты питания и рынки сбыта плохой продукции. Лишь необъятные природные богатства, приученность населения к низкому жизненному уровню, эксплуатация союзников, выгодные отношения с другими странами мира, спекуляции на трудностях Запада и прямая помощь Запада спасают Советский Союз от грандиозного экономического кризиса. В особен-

ности – помощь Запада. Можно без преувеличений сказать, что Запад сам спасает и вскармливает своего потенциального могильщика.

Социальное неравенство

Уже на уровне клеточек очевиден факт различия людей по их социальным позициям. Основное из этих различий определяется отношением начальствования и подчинения. Можно упомянуть также различия в профессиональном уровне, в степени сложности овладения профессией, в престижности профессии, в степени ответственности и риска. Уже внутри клеточек складывается иерархия лиц, занимающих более или менее высокое социальное положение, – абсолютно неустранимая основа для социального неравенства во всяком сложном и дифференцированном обществе. Есть эта основа и в коммунистическом обществе. Причем, здесь она оказывается единственной основой социальной иерархии. Общество в целом состоит из множества клеточек, которые в свою очередь образуют иерархию в системе начальствования и подчинения. Так что в результате в обществе в целом вместо обещанного социального равенства образуется многоступенчатая иерархическая лестница социальных позиций. Помимо того, что продвижение по этой социальной лестнице вверх само по себе представляет какой-то интерес для людей, оно существенным образом влияет на весь строй жизни людей, и прежде всего – на их материальное положение и на твердость и уровень гарантируемых благ. Борьба за повышение социальной позиции становится основой основ жизнедеятельности наиболее активной части общества, навязывая соответствующую психологию всему обществу. В обществе воцаряется психологическая атмосфера, ничего общего не имеющая с радужными мечтаниями утопистов и «научно обоснованными» предсказаниями классиков марксизма. Советские люди шутят: если при капитализме – человек человеку волк, то при коммунизме – человек человеку товарищ волк. В жертву разыгрывающимся тут стремлениям и страстям приносятся абсолютно все человеческие ценности, выработывавшиеся веками. И все это прикрыто покровом лицемерия, демагогии, формальных приличий. Что тут происходит, не заметишь с первого взгляда. Нужно долгие годы жить внутри советских коллективов, чтобы присмотреться и увидеть их скрытую жизнь. Хорошо известная морально-психологическая атмосфера в обществе, в котором условия жизни человека определяются деньгами, покажется вам романтической сказкой, если вы во всем объеме познакомитесь с той борьбой, какая

в коммунистическом обществе ведется за социальные позиции, за связанные с ними блага. В обществе такого размера, как советское, в эту борьбу вовлечены десятки миллионов людей, ибо здесь именно социальное положение, а не деньги как таковые, есть богатство. Эта борьба поглощает все силы и способности людей. Ей подчинено всё остальное. Потому здесь борьба за некие человеческие права и гражданские свободы есть чуждое обществу явление. Здесь люди борются за эти права и свободы, но как за блага, которые они в той или иной мере и форме приобретают с повышением и улучшением своих социальных позиций. Вне этой реальности борьба за «права человека» и «демократические свободы» становится делом одиночек, по тем или иным причинам исключенным из нормальной жизнедеятельности в советских коллективах.

Распределение

Социальное равенство в коммунистическом обществе невозможно в силу самых справедливейших за всю историю человечества принципов распределения. Согласно официальной (марксистско-ленинской) советской идеологии на первой стадии коммунизма действует принцип «каждому по труду», а на второй (высшей) – принцип «каждому по потребностям». Очень хорошие принципы, не правда ли? Но одно дело – вид принципа на словах, и другое – в реальности. Можно, допустим, сравнить труд двух рабочих одной и той же профессии на одном и том же предприятии, двух бухгалтеров в одной конторе, двух профессоров в одном учебном заведении. А как сравнить труд рабочего, техника, инженера, директора завода, секретаря районного комитета партии, солдата, генерала, министра, дипломата, милиционера, музыканта? В реальности это сравнение осуществляется как сложный процесс жизни, как система проб и ошибок, как выбор людьми профессий, короче говоря – как процесс, который выражается практически действующим принципом вознаграждения за труд: каждому по его социальному положению. А с точки зрения индивидуальной судьбы людей этот принцип реализуется как принцип: каждый урывает для себя из производимых обществом благ то и столько, что и сколько он сумеет урвать, занимая данную социальную позицию. Жизненные блага в этом обществе не даются. Они берутся людьми с боем.

Точно так же обстоит дело с принципом «каждому по потребностям», который тоже фактически действует в советском обществе, что позволяет мне рассматривать это общество как полный коммунизм. Оставим в стороне довольно неясное

понятие изобилия. Советские люди, попадающие на Запад, воспринимают западное изобилие как нечто сказочное, как сверхкоммунизм. Принцип «по потребности» означает удовлетворение не любых потребностей людей (в смысле кто чего пожелает), но потребностей, признаваемых обществом в качестве таковых, — общественно признанных потребностей. А общество в качестве потребностей человека данной социальной категории признает лишь то, что положено человеку фактически на этой социальной позиции. Члену Политбюро, например, положены особняки, подмосковные дачи, дачи на юге, личная охрана, личные продуктовые предприятия и многое другое. Это — его потребности как члена Политбюро. Общество никогда не признает это в качестве потребности не то что рядового рабочего, но даже профессора, генерала, директора завода.

Именно соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе со сложным разделением функций и со сложной системой начальствования и подчинения порождает чудовищное неравенство в распределении этих жизненных благ, — социальный закон, который не в силах отменить никакая партия, никакое правительство, никакое прогрессивное общественное движение, никакая реформа, никакая революция. Люди обречены на социальное неравенство, на борьбу как против него, так и за его сохранение и упрочение. На этой основе в советском обществе сложились более или менее устойчивые (с тенденцией к наследственности) слои и группы населения различного уровня обеспеченности, привилегий, гарантий. В советском обществе есть сотни тысяч людей, которые живут отлично и хорошо, миллионы — которые живут неплохо и терпимо. Число министров, генералов, академиков, директоров, заведующих, партийных чиновников и прочих лиц, занимающих какие-то должности, здесь огромно. Если привилегированные слои общества рассматривать по аналогии с господствующими классами прошлого, то можно сказать, что коммунизм значительно расширяет господствующую часть общества. При этом он делает положение представителей господствующих слоев более устойчивым и гарантированным, избавляет их от личного риска и от личных потерь. Так что в этом обществе есть достаточно много людей, которые имеют право считать этот строй жизни своим.

Свобода и насилие

Об отсутствии демократических свобод и о подавлении всяких оппозиционных движений в Советском Союзе сказано достаточно. Не буду повторяться. Хочу обратить внимание лишь на одно чрезвычайно важное явление, о котором обычно все помалкивают. Оно состоит в том, что вся система насилия в советском обществе вырастает из самого фундамента общества, а именно – из факта насилия коллектива над каждым из своих членов по отдельности. Советские люди, сообщая насилуя каждого человека по отдельности, насилуют в результате самих себя. Специальные органы надзора и подавления (КГБ, МВД) суть лишь отчужденные коллективами и объединенные в масштабах страны функции первичных коллективов и массы населения вообще. Подавляющее большинство граждан лично со специальными органами насилия соприкасается редко или не соприкасается никогда. Они имеют дело непосредственно со своими начальниками и собратьями и с местной властью, которая выполняет в отношении них скорее бюрократические функции и функции охраны их интересов и общественного порядка. Лишь отдельные индивиды, которые нарушают общепринятые нормы поведения и с которыми не удается справиться внутренними силами коллектива, становятся объектом внимания и деятельности специальных органов власти. Для большинства же граждан, повторяю, высшей властью фактически являются члены их коллектива. Причем, сами же они выступают в роли высших судей, когда дело касается других. Первичные коллективы обладают мощной властью, позволяющей им удержать поведение своих членов в нужных рамках, ибо от них в первую очередь зависит положение и судьба отдельных людей. Коллектив может помешать улучшить жилищные условия, увеличить зарплату, сделать шаг в карьере. От коллектива зависит возможность увольнения человека и предания его суду. Если коллектив дает плохую характеристику, все прочие аналогичные коллективы реагируют на нее одинаково. И без особой санкции вышестоящих властей бывает практически невозможно найти подходящую работу. Жизнь первичных коллективов организована так, что не какая-то внешняя злая воля, а добрая воля масс населения лежит в основе всей системы насилия. Последняя есть лишь организация и суммирование доброй воли и свободы граждан. В общей сумме действий граждан абсолютное большинство совершается с пониманием их целесообразности и без ощущения принуждения, – гегелевское изречение насчет свободы как познанной необходимости здесь очень близко к истине. Лишь ничтожная часть действий совершается как

принудительная и вызывает протест.

Принудительный труд

Коммунистическое общество есть общество принудительного труда еще и в том смысле, что оно нуждается в армии рабов, которых можно было бы использовать в местах, в которых не хотят добровольно жить обычные люди, и на работах, которые не хотят выполнять обычные люди. На Западе на таких работах используют иностранных рабочих. В сталинские времена эта армия рабов пополнялась за счет массовых репрессий и бегства людей из деревень вследствие коллективизации. В Советском Союзе в настоящее время функции такой армии рабов отчасти выполняют заключенные. Их довольно много. Это – не профессиональные преступники, а главным образом обычные граждане, совершившие бытовые или должностные преступления. Отчасти эти функции выполняют солдаты и женщины. Но совершенно поразительное явление тут, о котором мало что знают на Западе, это – посылка многих людей на уборочные работы в деревню, на работу в овощных базах и в строительных отрядах. Это стало традицией. Люди идут на эти работы вроде бы добровольно. Но что это за добровольность! В учреждениях и на предприятиях людей специально выделяют для этого. И случаи отказа чрезвычайно редки. Многие соблазняются тем, что в городе сохраняется зарплата, и есть возможность провести «на воздухе» какое-то время и «погулять». Но большинство соглашается, зная о возможных неприятных последствиях отказа. Что здесь интересно – сама форма принуждения: последнее действует как добровольность.

Гражданские свободы

Те ограничения и запреты на поведение людей, которые сейчас принято рассматривать как нарушение неких «прав человека», действительно выражают сущность советского строя, но не в том смысле, какой буквально соответствует словесным формулировкам.

Возьмем, например, проблему свободы вероисповедания. Дело обстоит совсем не так, будто советские люди рвутся верить в бога и молиться, но зловредные власти репрессируют их за это. Конечно, в Советском Союзе ведется антирелигиозная пропаганда. Открыто верующие люди имеют меньше шансов преуспеть в жизни (за редким исключением). Но не это есть главная причина антирелигиозного характера общества и атеистичности основной массы населения. Советские люди всей системой образования и воспитания и всей

практической жизнью приучаются быть атеистами. В массе своей они не нуждаются в религии и не рвутся в нее, ибо существующие формы религии уже не отвечают типу человека этого общества и условиям его жизни. В первичных коллективах верующие люди суть редкость и не играют в них практически никакой роли. К религии обращаются главным образом люди, по тем или иным причинам выпадающие из активной жизни первичных коллективов. Старые религии и соответствующие организации, оставшиеся в наследство от прошлого, существуют тут до сих пор не потому, что общество не в состоянии с ними справиться. Как раз наоборот, они существуют именно потому, что общество с ними справилось и поставило себе на службу. Они уже не опасны существованию нового общественного устройства. Они полезны ему, отклекая на себя определенную часть потенциальной человеческой активности, которая могла бы пойти во вред строю.

Возьмем другой пример – проблему свободы литературного творчества (как часть проблемы свободы слова). Существует убеждение, что советская литература находится под тяжким гнетом партийного руководства, идеологии и цензуры, чем якобы и объясняется ее состояние. Это убеждение поддерживают сами советские писатели: им хочется выглядеть талантами, которым советские условия мешают развернуться. Дали бы им свободу творчества, – хочется им думать, – они явили бы миру величайшие шедевры. Но это убеждение, увы, не имеет ничего общего с реальностью. Советская литература не есть нечто автономное, отделенное каким-то образом от остального общества. Она вкраплена в общество так, что ее как весьма относительное целое можно видеть лишь на писательских съездах, когда она под бурные аплодисменты избирает Политбюро в почетный президиум, посылает приветственное письмо высшим руководителям, клянется в верности партийной генеральной линии и совершает прочие акции, точно выражающие ее социальную сущность. Советская литература – это несколько десятков тысяч (попробуй, сочти их!) писателей, которые не могут быть все талантами. Они могут быть только посредственностями, отобранными и обученными для исполнения определенных социальных функций, и главная среди них – идеологическая работа. Советская литература есть составная часть идеологического аппарата общества. Она сама есть сложная структура из множества организаций, с иерархией должностей, с характерной советской системой распределения благ, в том числе – распределения почестей, славы.

Дело обстоит не так, будто талантливые советские пи-

сатели стремятся делать правдивую и высокохудожественную литературу, но партийные и государственные власти им не дают этого делать. Дело обстоит так, что бездарные в массе многие тысячи писателей сами представляют партийную и государственную власть в данной сфере общества, сами суть строжайшая цензура над самими собою и своими коллегами. Они сами суть сначала носители режима, и лишь потом они суть жертвы его, – справедливая плата за то привилегированное положение, какое они имеют сравнительно с низшими слоями общества. Жертвами режима здесь являются лишь немногие писатели, которые стремятся прокладывать новые пути в творчестве и имеют для этого настоящие способности.

Ограничение или полное уничтожение свободы передвижений, слова, объединений и других свобод не есть нечто произвольно выдуманное кучкой плохих людей и навязанное хорошим людям силой. Это – опытный факт, выросший из недр жизни. Советские люди по опыту знают, что «дай нашим людям свободу», так тут жить нормально будет невозможно. Это только в демагогических призывах и в воображении людей, не живущих обычной советской жизнью, свободы выглядят как абсолютное благо. В условиях коммунистического общества они немедленно переходят в свою противоположность, порождая последствия, которые вызывают протест в широких слоях населения. Они ведут к нарушению самих принципов коммунистического образа жизни, его молчаливо признаваемой справедливости. Если, например, крупный партийный или государственный чиновник имеет отличную квартиру, дачу, машину и прочие блага, население воспринимает это как должное. Но если человек, не занимающий высоких постов, имеет эти же блага, это воспринимается как преступление. Само население доступными ему средствами (доносы, письма, заявления) стремится помешать своим собратьям жить не по их официальному положению. Точно так же обстоит дело и с прочими ограничениями свобод и запретами. Дело не в нарушениях неких человеческих норм, а в самих нормах человеческого бытия, в соблюдении норм.

Известно, например, что для советских людей затруднены или исключены совсем поездки за границу. Допустим на минуту, что принято на высшем уровне решение разрешить советским людям поездки за границу столь же свободно, как в западных странах. Но это пока на бумаге. Надо еще организовать реализацию этого решения для огромного числа людей. На Западе не представляют, что это значит для

советских людей – поездки на Запад, и не представляют, как это будет выглядеть в реальном исполнении. Тут расцветет такая мерзость, по сравнению с которой нынешняя система покажется вершиной нравственности. В советском обществе нет таких социальных механизмов и условий, которые гарантировали бы осуществление свобод в виде, адекватном их словесной формулировке, – вот в чем загвоздка. Борьба за ценности западного образа жизни на основе коммунистических социальных отношений есть дело долгой и кровавой истории, а не задачка для правительственного решения или диссидентской демонстрации.

Темы «Быт», «Советский человек», «Протестующие», «Милитаризация» и «Отношение к Западу» рассмотрены в других статьях сборника.

Культура

Советское общество есть общество высоко образованное.

В Советском Союзе, например, читают больше (в некотором отношении, конечно), чем на Западе, и к книге относятся с большим почтением. Пропаганда, разумеется, использует это как «лишнее доказательство» преимущества коммунизма перед капитализмом. Но если проанализировать этот факт, то окажется, что тут вообще бессмысленно говорить как о недостатках, так и о достоинствах строя общества. Этому факту есть объяснение. Здесь затруднены или отсутствуют другие развлечения, подобные западным, книги дешевые, есть время и возможности для чтения. Очень многие читают во время работы, в транспорте, на который порою теряются долгие часы, в очередях. Или другой факт – число лиц с высшим и специальным средним образованием. В Советском Союзе многие посты занимают и многие деловые функции выполняют люди с образованием, хотя в этом практической надобности нет. В Советском Союзе, например, на заводе работает порою раз в пять-десять больше дипломированных инженеров, чем на аналогичном заводе на Западе. Тут есть свои минусы. В частности – низкая зарплата советских инженеров. Но есть и плюсы: значительно большее число людей приобщается к образованию, что повышает образовательный уровень населения в целом.

В последние десятилетия социальное неравенство все более отчетливо стало отражаться и в системе образования. Дети из привилегированных слоев имеют возможность получить лучшее образование и выбирать учебные заведения по своему вкусу и соответственно высокому положению родителей. Для детей из низших слоев уровень образования много

ниже, возможности выбора профессии ограничены. Практически действует принцип, согласно которому дети рабочих и крестьян должны оставаться рабочими и крестьянами, тогда как дети из высших слоев уже не опускаются ниже достаточно высокого уровня.

Каждый тип общества вырабатывает соответствующий ему тип культуры вообще. Теперь можно говорить о советской культуре как о классическом образце культуры коммунистической (социалистической). Состояние советской культуры более или менее известно на Западе, — она, можно сказать, налицо. Я скажу коротко лишь о ее социальной подоплеке.

Всякое подразделение общества надо рассматривать не только с точки зрения его очевидной роли в обществе, но и в том виде, как оно не столь очевидно существует для себя самого. В Советском Союзе имеются сотни тысяч писателей, художников, артистов, плясунов, музыкантов, певцов и прочих деятелей культуры. Все они относятся к числу творческих работников. Но творческий элемент в этой среде столь же ничтожен, как и в любой другой. Эта сфера деятельности привлекательна во многих отношениях, и в нее стремятся попасть миллионы людей, имеющих какие-то данные для этого и без таковых. Существуют многочисленные специальные школы, курсы, студии, кружки, которые отчасти помогают выявить и развить природные таланты, но которые в большей мере помогают заурядным от природы детям подняться до некоторого средне-общественного уровня одаренности и подготовиться к творческой деятельности. Что тут происходит с морально-психологической точки зрения, всеми тщательно скрывается. Как родители, так и дети проходят здесь мощную практическую школу коммунистической жизни и проявляют то, на что они способны в качестве граждан этого общества. Происходящее здесь настолько омерзительно, что невольно вспоминается тезис марксизма, согласно которому общество есть тоже форма движения материи. Кроме того, в этой сфере есть огромное количество должностей, которые вообще не требуют никакой предварительной подготовки, — директора, заведующие, администраторы, статисты, бухгалтеры, редакторы... Многие из этих должностей дают их обладателям блага, недоступные даже высокопоставленным партийным чиновникам, академикам и генералам. Центральной фигурой в этой сфере является человек сравнительно образованный, «натасканный», тщеславный и корыстолюбивый, рано познавший закулисную жизнь и подноготную общества, абсолютно циничный, готовый на любую допускаемую условиями пакость, чтобы урвать что-то для себя, ловкий, изворотливый,

умеющий маскировать свою натуру.

Некоторые виды «творческой» деятельности находятся под особым покровительством властей. Таковы, например, балет, цирк, ансамбли песен и плясок. Они отвечают вкусам правящих кругов общества или являются элементом государственной политики. Так, советский балет долгое время служил целям пропаганды советского образа жизни на Западе. Советские танцоры не просто танцуют, а каждым своим движением доказывают правоту идей коммунизма и преимущество советского образа жизни перед западным. Особенность поощряемых и навязываемых государством форм «творчества» состоит в том, что они далеки от политики, идеологии и от самопознания общества. Но идеология так или иначе вторгается и в них, оказывая разрушительное воздействие.

Официально в Советском Союзе творчество не только поощряется, но даже вменяется в обязанность людям. Здесь от всех требуется «творческий подход», – от студентов, рабочих, руководителей. Рабочих призывают вносить рационализаторские предложения. Студентов призывают делать вклад в науку уже с первых курсов институтов. Слушателей партийных школ призывают творчески развивать марксизм в их безграмотных рефератах, обычно переписанных из популярных брошюр. Но на практике всё это вырождается в пустую формалистику и удушение реальных попыток творчества. Обещание идеологического коммунизма создать условия для всестороннего развития творческих потенций человека не может быть исполнено, если бы даже руководители общества искренне захотели этого: руководимые ими среднебездарные народные массы не позволят им совершать столь легкомысленные поступки. Но руководители общества по способу отбора их в руководители не способны захотеть такое. Они сами суть ярчайшие выразители господства серости и бездарности.

Идеология

Советское общество является идеологическим по той роли, какую в этом обществе играет идеология, какое значение ей здесь придается, сколько средств на нее тратится, как она влияет на сознание и поведение людей.

На Западе распространено мнение, будто советские люди уже не верят в марксизм и будто это есть признак слабости советского строя. Такое мнение свидетельствует о непонимании существа советской идеологии. Идеология не есть наука, хотя она (как это имело место с марксизмом) может возникать с претензией на науку и может использовать достижения науки (как это имеет место с советской идеологией). Ее задача – не

открытие истин, а стандартизация и организация общественного сознания и управление людьми путем обработки их сознания. Идеология не есть религия. В идеологию не верят, ее принимают из рационального расчета, т.е. соглашаются ее считать тем, на что она претендует, и выражают это заметным образом. Ее усваивают так, что это сказывается в образе мышления и поведения людей, зависящем от социального расчета.

Марксистскую идеологию рассматривают как некий проект общества, по которому построено советское общество. Это предрассудок. Советское общество сложилось благодаря историческому стечению обстоятельств, благодаря опыту, стоившему огромных жертв, благодаря действию объективных социальных законов организации больших масс населения в единое целое, можно сказать – «вслепую». Марксистские тексты дали очень удобный фразеологический материал для создания единой государственной идеологии общества. Эти тексты были приспособлены к объективным условиям исторического процесса, переработаны, определенным образом истолкованы, дополнены. Марксизм дал имя советской идеологии, некоторые фундаментальные идеи, основы идеологического языка. Но советская идеология не сводится к марксизму. Достаточно сказать, что она включила в себя ленинизм и сталинизм (последний – в неявной форме), испытала на себе влияние развития советского общества и вообще человечества в последние десятилетия, вобрала в себя целый ряд достижений современной науки.

В советскую идеологию люди не верят в том смысле, что не верят в обещанный марксизмом земной рай, в изобилие всех средств потребления, в развитие всех творческих потенций людей, в подлинную свободу, равноправие и справедливость. Но советская идеология не сводится к этим обещаниям. Последние занимают в ней незначительное место. Основное содержание советской идеологии составляет учение о мире, об обществе, о человеке, о познании, о методах мышления. И хотя это не есть наука в строгом смысле слова, она прививает людям единое мировоззрение и стандартную интеллектуальную реакцию на всё происходящее в мире, – стандартный способ думания обо всем. Как бы люди ни относились к идеологии субъективно, практически они всю жизнь живут в поле действия идеологии, постоянно вынуждаются думать в том духе, как это требуется идеологией. Они вольно или невольно проходят постоянную тренировку на идеологический способ мышления. И не в их власти избавиться от него. Даже тогда, когда они критически относятся к марксизму

и к своему образу жизни, они думают всё равно в категориях и формах идеологического мышления. Благодаря мощной системе идеологического воздействия на людей складывается некий интеллектуальный стандарт от рядовой уборщицы до генерального секретаря КПСС.

Идеологическое мировоззрение и идеологически оправдываемые формы поведения являются более адекватными условиям жизни в современном обществе, чем религиозное мировоззрение и морально обосновываемые формы поведения. Добавьте к этому мощный идеологический аппарат и беспрецедентную в истории человечества систему идеологического воспитания и образования, от которой просто невозможно ускользнуть. Школа, институты, специальные учебные заведения, семинары, курсы, кружки... Идеологией пронизана вся культура (газеты, литература, радио, телевидение). Очевидно, никакая религия не в силах конкурировать с государственной идеологией, никакая другая сектантская идеология. Идеологически обработанному человеку легче жить в советском обществе. С другой стороны, руководству обществом легче манипулировать таким человеком, легче охранять единство, однородность и монолитность общества.

Советская идеология не есть идеология только партии. Верно, что идеологическая работа есть одна из основных функций партии. Но идеологической работой под контролем партии занимается вся сфера культуры. И объектом ее является всё население страны.

Заключение

Советский образ жизни не есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. Он сложился исторически, и сталинский период был его юностью, его формированием. Теперь он вступил в фазу зрелости. Но и зрелое состояние общественного организма есть постоянное изменение, что само собой разумеется. Какие бы изменения, однако, в нем ни происходили, неизбежными остаются его основы, его законы, его основные тенденции. Бессмысленно рассчитывать на то, что это общество в силу внутренних причин и под благотворным влиянием Запада будет эволюционировать в сторону демократического общества западного типа. Наоборот, не представляет труда заметить, что Запад в силу внутренних причин и под влиянием дурного примера Советского Союза эволюционирует в сторону общества коммунистического типа. Советский Союз являет собою классический образец того, что ожидает Запад, если он будет до конца эволюционировать в этом направлении, если он не найдет в себе сил противостоять этой тенденции.

Западные люди надеются, что если им не избежать коммунизма, последний будет у них лучше, чем в Советском Союзе. Все может быть. Может быть будет чуточку сытнее, чуточку занимательнее, чуточку ярче. Но эта «чуточка» не скроет принципиальных основ, которые не могут быть иными в силу неподвластных людям законов. И как знать, может быть будет и чуточку похуже. Если, например, немцы возьмутся за это дело, они построят коммунизм, по сравнению с которым нацистская Германия покажется верхом либерализма. Советский коммунизм может оказаться мягче западно-европейского, поскольку русские всё делают халтурно, в том числе – и свой социальный строй.

Абстрактно рассуждая, наиболее вероятная перспектива коммунистического типа общества – развитие и укрепление тех тенденций, которые действуют постоянно, т.е. и сегодня. Среди них – расслоение общества на классы, социальное и материальное неравенство, привилегии для высших слоев и минимальные гарантии для низших, закрепощение всего населения, создание армии рабов, укрепление органов надзора и подавления, подавление всяких попыток оппозиции и сопротивления, короче говоря – усовершенствованный сталинизм, впитавший в себя некоторые достижения послесталинского «либерального» периода, в особенности – безопасность режима для господствующих классов. Конкретно рассуждая, наиболее вероятная перспектива – борьба между коммунистическими и некоммунистическими странами, борьба внутри коммунистической части мира, борьба внутри коммунистических стран, – борьба всех против всех. Никакого идеального общества и идеального состояния для всех людей не было и не будет. Нынешнее благополучие Запада есть случайный и временный зигзаг истории.

ГОД 1980-й *

Год 1980-й вполне в духе нравов нашего времени: заурядный и бездарный по существу, он имеет некоторые шансы прослыть выдающимся в воображении вполне адекватных ему представителей рода человеческого. Советский Союз, добившись достаточно надежных гарантий своих интересов в Афганистане, может сделать вид, что готов вывести оттуда часть своих войск. И приготовившийся к худшему, Запад в благодарность за это вылижет соответствующее место советским руководителям и даст Советскому Союзу хлеб и современное оборудование, так необходимые Советскому Союзу для подготовки к новой войне. Войне с тем самым гнилым Западом, приговор которому в недрах советской системы вынесен давным-давно, а приведение в исполнение этого приговора лишь отложено до первого благоприятного случая. Слабый, но готовый на жертвы (если бесконечные митинги суть жертвы!), Иран может устать терроризировать могучий, но нерешительный и трусливый Запад. И сотни никчемных людишек будут возведены в ранг выдающихся политиков, предотвративших мировую военную катастрофу. А между тем будет сделан самый решительный шаг в сторону именно этой катастрофы. Озабоченные избранием и переизбранием руководители, заполонившие своими опостылевшими физиономиями газеты, журналы и телеэкраны, может быть, вспомнят забытые, но все равно бессмысленные слова о правах человека... Всё возможно в этом году. Всё, достойное насмешки и презрения. Всё, вызывающее апатию и разочарование, но очень маловероятно – надежду. Очередной унылый, постыдный год. Каждый день в этом году приходит

* Май 1980.

и уходит как личное оскорбление. Чувствуешь себя погруженным по горло в безбрежный океан помоев. Чувствуешь себя так, будто твое тело и душу уже едят гнилостные бактерии и помоечные черви, а ты всё ещё цепляешься за последнюю соломинку – за потерявшие силу моральные сентенции. Стоит ли тянуть?! Хочется махнуть на всё рукой и сказать себе, пусть катится ко всем чертям эта мерзость! Когда-то в юности мне приходилось принимать участие в кустарных литературных конкурсах. Однажды от соревнующихся потребовалось сочинить самый выразительный рассказ из ста слов о советском образе жизни. Я в моем рассказе просто записал многократно известное русское ругательство. И получил первый приз – порцию мороженого. Я теперь ценю этот приз превыше всех литературных премий мира. Редакция журнала «Alliance Culturelle Romande» предоставила мне для этой статьи пять машинописных страниц. Думаю, что я далеко не исчерпал их. Я хочу сейчас повторить литературный прием моей юности и прошу редакцию в оставшиеся строки вписать то самое известное русское ругательство или какой-либо его западный эквивалент столько раз, сколько возможно. Это и будет самая выразительная и точная характеристика 1980 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О Сталине и сталинизме	7
Восток и Запад	15
Об яичной скорлупе и обреченности Запада	23
Коммунизм, религия, мораль	31
О русском народе	39
Заметки о русско-советском образе жизни	45
О «моделях» коммунизма	59
И на Солнце есть пятна	63
Почему мы рабы	69
Драка – вещь серьезная	73
Заметки о литературе	79
О коммунизме, Западе, России, литературе	85
О «Желтом доме»	99
О советизме	103
Запад и мы	113
Эффект системности	123
Советский образ жизни	127
Год 1980-й	153

ROSSEELS PRINTING C°
VAARTSTRAAT 70-72 & 82
B-3000 LOUVAIN-BELGIUM
☎ 3216 23 60 01 (2 lines)